

Раннехристианские жития галльских святых

Банников А. В., Каспаров А. И.,
Пржигодзкая О. В.

Перевод, исследования и комментарии

Исследование и перевод выполнены на средства гранта Российского Гуманитарного Научного Фонда № 14–01–00215 «Подготовка критического издания и перевод средневековых латинских источников из собрания Российской национальной библиотеки»

Введение

Изучая историю как поздней Римской империи, так и варварских королевств, мы сталкиваемся с необходимостью привлечения дополнительных источников для ликвидации лакун в наших знаниях об этом периоде. К счастью, до нас дошли многочисленные жития раннехристианских святых. Сочинения подобного рода нельзя просто отбрасывать и игнорировать при реконструкции исторических событий, совершенно отказывая им в достоверности. При углубленном и внимательном анализе они, несомненно, могут предоставить важную информацию, дополняющую сведения основного корпуса источников.

Для специалистов-историков и всех интересующихся раннесредневековой историей, а также проблемами распространения христианства в Западной Европе.

...Et de vobis, si non possunt meliora, vel similia conscribantur.

...И пусть о вас, если не смогут написать лучше, напишут хотя бы подобнее.

Введение

При изучении истории Западной Римской империи, или истории варварских королевств, возникших на ее обломках, мы постоянно сталкиваемся с дефицитом источников, прямо или косвенно касающихся этой эпохи. За редким исключением, все, что мы имеем, – это несколько скучных хроник, данные которых трудно согласуются между собой, а порой и вовсе противоречат

друг другу. Исторические повествования, выполненные в лучших традициях античной культуры, постепенно уступают место скромным монастырским хроникам и епископским фастам. Столь скудная источниковая база, наряду с фрагментарностью дошедших до нас свидетельств, вполне обоснованно породили название «темные века», которое принято использовать в исторической науке для обозначения раннесредневекового периода истории Запада.

Изучая историю как поздней Римской империи, так и варварских королевств, мы сталкиваемся с необходимостью привлечения дополнительных источников для заполнения лакун в нашем знании об этом периоде. К счастью, до нас дошли многочисленные агиографические сочинения, посвященные различным святым, жившим в VI в. Источники такого рода нельзя отбрасывать и игнорировать при реконструкции событий того времени, хотя и использовать нужно с осторожностью, так как далеко не вся информация в таких текстах может иметь историческую подоплеку. Некоторые агиографические источники, даже будучи опубликованными, до сих пор не исследованы, что значительно сужает источниковедческую базу при изучении истории IV-VI вв.

Среди персонажей, которые удостоились составления христианского жизнеописания и были причислены к лику святых, мы находим как простых проповедников, так и аббатов монастырей, и членов королевских семей, но большая часть житийной литературы была посвящена епископам IV-VII вв.

Епископы IV-VII вв. были инициаторами христианизации местного населения, а епископский город практически стал центром этого процесса. В руках епископов сосредоточилась значительная духовная и светская власть, и, как правило, они становились полноправными хозяевами в своих диоцезах. Кроме того, большинство епископов того времени назначались из числа позднеримской аристократии, многие из них принадлежали к крупнейшим сенаторским родам, сохранившим свое могущество под властью варварских королей¹. Более того, сама епископская власть во многом зиждалась на факторе знатного происхождения многих прелатов. С этим фактором

тесно связан их высокий авторитет в среде галло-римлян, с которым вынуждены были считаться варварские короли². В период разложения институтов верховной римской власти и упадка городов церковь осталась практически единственной структурой, продолжавшей функционировать в столь непростое время. И именно к ней постепенно отходили те функции, которые в римское время выполняли курии городов. В том числе и из-за того, что во главе епископских кафедр становились представители самых знатных и богатых местных фамилий. Это позволяло епископам опираться не только на свой религиозный авторитет, но и на живые еще в то время традиции муниципального строя³. Понимание такого положения епископа тем более важно для нас, ибо при изучении жития отдельного прелата мы можем в большинстве случаев отождествлять его позицию по отношению к тому или иному варварскому королю с позицией всего подчиненного ему региона. Так, если в житии мы находим, что некий епископ подчинялся какому-либо королю, то, следовательно, и управляемая им область подчинялась тому же королю. Таким образом, жития святых иногда содержат информацию, связанную не только с аграрной историей, обычаями и нравами того времени, но и проливающую свет на некоторые моменты политической истории королевств франков, остготов, бургундов и вестготов.

Житие Святого Марцеллина, епископа и крестителя. Vita Sancti Marcellini, episcopi et confessoris.

1. Святой Марцеллин, первый епископ Амбрёна

Святой Марцеллин почитается как первый епископ Амбрёна, распространивший христианскую веру не только в этом городе, но и на большей части Приморских Альп. Согласно указанию, содержавшемуся в житии, Марцеллин был рукоположен в епископы Евсевием Верцелленским (V. Marc., I, 5). Известно, что Евсевий был отправлен в изгнание в 355 г.; в Италию он вернулся только в конце 362 г., а умер в 370 или 371 г.⁴ Таким⁵ образом, Марцеллин начал свою деятельность во времена императора Констанция II (337–361 гг.), сторонника арианского вероисповедания. Будучи приверженцем ортодоксального символа веры, Марцеллин подвергся гонению. Однако преемник Констанция, Юлиан (361–363 гг.), издал указ, разрешавший всем изгнанным церковным иерархам вернуться в свои приходы и вновь занять утраченные во время гонений посты. Поэтому Марцеллин возвратился в Амбрён и остаток своей жизни провел окруженный почетом, отдавая все силы распространению в близлежащих землях христианской веры. Традиционной датой смерти святого считается 13 апреля 374 г.

Тело Марцеллина было погребено в церкви, которую построил он сам. Она получила название церковь Святого Марцеллина. Согласно утверждению автора жития, на могиле святого стали совершаться многочисленные чудеса, а жители Амбрёна неоднократно прибегали к заступничеству святого. Григорий Турский уверяет, что в его время у могилы Марцеллина горела лампада, и если ветер задувал ее, то она возгоралась без постороннего участия. Масло из этой лампады использовали как целебное средство.

Позднее голова святого была отправлена в город Динь, где находились мощи святых Винкентия и Домнина, бывших товарищами и сподвижниками Марцеллина.

В X столетии, между 916 и 936 гг., несомненно, из-за набегов мусульман мощи святого были перевезены в Шантеж. Бенедиктинские монахи Шантежа долгое время хранили их, пока они не были уничтожены во время революции.

Что касается Амбрёнской церкви, которая смогла спасти от сарацинских набегов части мощей своего патрона, то они были вывезены из нее гугенотами в 1585 г. Но поскольку голова святого хранилась в церкви Диня, то в 1764 г. Амбрён получил частицу этой реликвии с мощами святых Винкентия и Домнина⁶.

2. Когда и как было создано житие Святого Марцеллина

Вопрос о том, когда было написано житие, до сих пор остается открытым. С уверенностью можно сказать только одно: это сочинение не могло появиться позднее VIII в., так как именно этим временем датируется рукопись Latin F. v. I №12, хранящаяся в Санкт-Петербурге в Российской Национальной библиотеке⁷. С другой стороны житие не могло быть написано в IV столетии хотя бы потому, что в это время составлялись только *Acta* на основе различных судебных протоколов. Спустя долгое время именно *Acta* стали основным источником для многих житий. Часть исследователей полагает, что житие святого Марцеллина появилось в начале VI в.⁸; другие считают, что оно могло быть написано уже в V столетии⁹.

Определенные указания на то, как и когда могло появиться житие, можно попытаться извлечь на основании авторских ремарок, некоторое количество их встречается в тексте. Присутствие в тексте личности автора, говорящего о многих вещах от первого лица, – отличительная особенность жития святого Марцеллина. Некоторые из замечаний, оставленных анонимным писателем, представляют особый интерес и показывают, как создавалось житие и какими источниками он пользовался.

Автор специально прибыл в Амбрён для того, чтобы собрать свидетельства о святом Марцеллине (V. Marc., Præf.). При этом в своих изысканиях он пользовался как письменными памятниками, так и устной традицией. Он обнаружил письмо святого Евсевия, епископа Верцелльского, в котором тот говорит о Марцеллине, при этом еще не называя его святым.

Много сведений автор жития почерпнул, обращаясь к свидетелям чудесного вмешательства святого. Как уверяет сам анонимный писатель, он предпочитал обращаться к людям пожилым, так как стремился восстановить предание о Марцеллине во всей его чистоте. Интересно, что в редакции жития, представленной в рукописи Latin F. v. I №12, несколько

раз попадаются слова *inquit* или *ait* (говорит) там, где нет прямой речи. Допустимо предположить, что эти слова попали в текст, будучи по ошибке переписаны из черновых записей, куда автор заносил рассказы очевидцев чудес Марцеллина.

Несомненно, что в текст жития могли быть вставлены отдельные сюжеты и из житий других святых. Так, по мнению ряда исследователей, восстановление Марцеллином вдребезги разбитой чаши было списано с жития святого Асклепия¹⁰. Подобная традиция была очень распространена в агиографии.

Есть в авторских ремарках и отдельные указания хронологического характера. Во-первых, анонимный создатель жития, обращаясь к своему читателю, утверждает, что прошло много лет с тех пор, как умер святой¹¹. Рассказывая об осаде Амбрёна вражеским войском, он замечает, что нечто подобное происходит и в его время¹².

Вероятно, создание хранящейся ныне в Петербурге рукописи именно в VIII столетии произошло далеко не случайно. Восьмой век был временем, когда большая часть церквей юга Франции подвергалась разрушению и разграблению, как сарацинами, так и самими франками. В своей булле от 1 января 774 г. папа Адриан I говорит, что это положение продолжалось в течение 60–80 лет и многие древние церкви утратили их былое достоинство¹³. Что касается Амбрёна, то его церковь находилась в таком плачевном состоянии, что франкфуртский собор 794 г. отказался считать этот город митрополией¹⁴.

В подобной ситуации Амбрёну, чтобы вернуть свои утраченные привилегии, необходимо было доказать древность своей церкви, чему, вероятно, и должно было послужить создание и распространение жития святого Марцеллина. Усилие, приложенное священниками Амбрёна, судя по всему, дало ощутимые результаты уже в самом ближайшем будущем: уже в 828 г. на четырех соборах, созванных императором, епископ Амбрёна назван как равный в числе других высших церковных иерархов Франкской империи¹⁵.

3. Описание рукописей, использованных при подготовке текста жития Святого Марцеллина

В настоящее время существует несколько рукописей, содержащих житие святого Марцеллина. Наибольший интерес из них представляют четыре, которые и были задействованы при подготовке латинского текста настоящего издания. Это петербургская рукопись Latin F. v. I №12 (VIII в.) из Российской Национальной библиотеки; две рукописи, хранящиеся в Сен-Галлене в Швейцарии: 549 (VIII-IX вв.) и 577 (IX-X вв.) – и рукопись из муниципальной библиотеки Орлеана во Франции: BM. 331 (X^e siecle).

Рукопись Latin F. v. I № 12 Российской Национальной библиотеки (Санкт-Петербург)¹⁶. Петербургская рукопись – наиболее ранний известный памятник, содержащий житие святого Марцеллина. Ее подробное описание и, в частности, той части, которая содержит житие святого Марцеллина, было сделано еще О. А. Добиаш-Рождественской и вошло в сборник «Труды» (Т. 1(1 V)), увидевший свет в 1975 г.

Содержание. Изначально конволют содержал 7 рукописей, однако седьмая была отделена от остальных П. П. Дубровским¹⁷. На первом листе конволюта имеется сделанная в XVII столетии следующая надпись с описанием его содержания: «*Vita s. Fulgentii // et epistola diaconi // Ferrandi ad eundem // Vita s. Marcellini episcopi Ebrodunensis primi // et confessoris // S. Apollinaris Raven // episcopi antiquissima manu // sancti Dyonisii parisiensis // et sociorum eius // Vita S. Germani episcopi parisiensis // Vita S. Audomari episcopi // Tractatus medicus de morbis II mulierum authore // memorata a Cellotio in suo opere hierarchico II opus non videtur editum*».

Материал. Материалом для рукописи послужил пергамент; переплет кожаный на деревянной основе.

Происхождение рукописи. Местом появления рукописи был монастырь в Корби. С 1638 г. по 1791 г. рукопись находилась в библиотеке Сен-Жермен де Пре. В 1791 г. она была приобретена секретарем русского посольства в Париже П.

Дубровским и находилась в его коллекции манускриптов. В 1804 г. П. Дубровский передал свое собрание рукописей Российской императорской библиотеке (сегодня Российская национальная библиотека), где рукопись находится и по сей день.

Описание рукописи 549 из библиотеки Сен-Галлена

18

Содержание рукописи: Vita Sancti Marcellini.

Материал: пергамент.

Количество листов: 64.

Происхождение: возможно, из Амбрёна¹⁹.

Описание рукописи 577 из библиотеки Сен-Галлена

20

Содержание рукописи. Конволют объединяет следующие произведения: Vitæ et passiones Sanctorum Ermenlandi, Meginrati, Euphemiacæ, Otiliæ, Faustini et Jovittæ, Theonisti Tabram et Tabratham, Innocentii et inv. corp. S. Martiani, Hilarii (auct. Fortunato, cum Epist. et hymno), Dorotheæ, Perpetuæ et Felicitatis, Ambrosii (auct. Pauliano), S. Bonifacii (auct. S. Willibaldo), Cassiani epis., Praxedis, Mariæ ægyptiacæ, Theophili vice d'omni, Martiani, Marcellini Ebred. ep., Peregrini, cum fragm. ex Vita S. Germani, Thrutberti, Andeoli Mammetis, Nazarii et Celsi, S. Felicis et Fortunati (Aquilejæ), Pelagii, Viviani ep. Sanctonensi, Lonochilii et Agnosledæ («ex genere Alamannorum»), Augustini cum indice librorum (auct. Possidio), Eugenii, Proti et Jacincti, Cæciliæ, Verenæ, Hieronymi, Remigii, Leudegarii, Pirminii, Dionisii (Areopag.), Rustici et Eleutherii (Ven. Fortunato auct.?), Cypriani (poenitentia), Passio Cypriani et Justinæ, Dionisii Areopagitæ.

Материал: пергамент.

Количество листов: 754.

Описание рукописи 331 из муниципальной библиотеки Орлеана²¹

Содержание рукописи. Лист содержания конволюта перечисляет входившие в него жития святых с указанием пагинации римскими цифрами, начинающейся с 19-й позиции. Это обстоятельство позволяет предположить, что начало рукописи было утрачено уже в XVII столетии, в то время, когда составлялось содержание. В настоящее время в конволюте входят «*Vita sancti Iohannis*» (без начала); «*Actus sancti Silvestri*»; «*Vita sanctæ Colombæ*» (без названия); «*Vita Amphilochii, episcopi Ichonii in vita et miraculis patri nostri Basilii archiepiscopi Cappadocie*»; «*Vita sanctæ Genovefæ*»; «*Vita sancti Theogenis*»; «*Vita sancti Simeonis*»; «*Passio sanctorum martyrum Juliani et Basilissæ*»; «*Passio sancti Luciani*»; «*Vita sancti Hilarii*»; «*Miracula beati Hilarii*»; «*Epistola sancti Hilarii ab filiam suam directa*»; «*Passio beati Felicis; Passio sancti Marcellini papæ*»; «*Vita sancti Fursei*»; «*Honorati episcopi et confessoris*»; «*Prologus beati Sulpicii episcoli et confessoris*»; «*Vita sancti et beatissimi Sulpicii*»; «*Passio sanctorum geminorum Speusippi*», «*Eleusippi et Meleusippi*»; «*Passio sancti Leuci, Tyrsi et Calenici*»; «*Vita sancti Launomari; Passio sanctorum Marii, Maarthæ, cum filiis suis*»; «*Passio sancti ac beatissimi Sebastiani, Marcelliani et Marci*»; «*Passio sanctæ Agnetis*»; «*Passio sanctorum Fructuosi et Eulogii*»; «*Passio sancti Patrocli*»; «*Passio sancti Timothei*»; «*Passio sancti Vincentii*»; «*Passio sanctæ Asclæ*»; «*Passio sancti Babilii*»; «*Vita sanctæ Savinæ*»; «*Passio sancti Saviniani*»; «*Vita sancti Amandi*»; «*Vita sancti Præjecti*»; «*Vita sanctæ Brigidæ*»; «*Passio beati Fileæ*»; «*Passio sanctæ Agathæ*»; «*Passio sanctæ Dorothæ*»; «*Vita sancti Vedasti*»; «*Confessiones et actus Saturnini, Dati, Felicis, Apelli*»; «*Passio sancti Cucufati*»; «*Passio sanctorum Polochronii, Parmenici etc. Passio sanctæ Felicitatis et Perpetuæ*»; «*Vita sancti Silvini*»; «*Passio sancti Philemonis*»; «*Passio sanctopum XL martyrum*»; «*Passio sanctæ Theodosiæ*»; «*Passio sancti Gordiani*»; «*Vita sancti Marcellini episcopi et confessoris, qui est XII kal. mai*»; «*Passio*

*sancti Victoris»; «Passio sancti Georgii»; «Passio sancti Albini»;
«Passio beati Adriani».*

Материал: пергамент в кожаном переплете.

Количество листов: 370.

Происхождение: Флёри.

4. Особенности текста жития Святого Марцеллина в рукописи Latin F. v. I №12

Житие Марцеллина было издано болландистами в серии *Acta Sanctorum* (Apr., II, р. 750–755), однако при его подготовке петербургская рукопись учтена не была. Таким образом, до недавнего времени не существовало критического издания жития, которое представляло бы текст, выправленный на основе всех основных имеющихся в нашем распоряжении письменных источников.

Житие «Святого Марцеллина» занимает 8 листов (39–46 конволюта), образующих тетрадь (*quaternion*) размером 300x180 мм; текст размещается на пространстве листа, составляющем 235x155 мм; на одной стороне листа содержится 33 строки.

Текст жития написан очень ранним каролингским минускулом; буквы и лигатура содержат еще много элементов меровингской скорописи (в частности, лигатуры *ct*, *et*, *or*, *ri*, *st*); оригинальная пунктуация восстанавливается с большим трудом из-за внесения более поздней правки. Текст содержит большое количество сокращений (отсутствующих только на лицевой стороне листа 46); буква *t* заменяется тильдой в аккузативе и генитиве множественного числа, особенно в конце строки; *b* = *bus*; *q* = *que*, но *quis*, *quid* и т. д. пишутся полностью; *per*, *pro*, *prae* систематически сокращаются.

Житие состоит из описания деятельности Марцеллина при жизни: *Vita*, *Miracula* (ff. 39–43); описания чудес, совершившихся на его могиле: *Virtutes sancti Marcellini* (ff. 43^v–46); и гимна святому Марцеллину: *Hymni in honorem sancti Marcellini* (ff. 46–46^v). Кроме того, на оборотной стороне листа 46 (f. 46^v) имеется запись, оставленная переписчиком жития («*Ego Deo datus ac si // indignus et peccator presbyter sad (sic) Samson scripsi... a Grege sanctorum diutius effici alienus*»).

С VIII по IX bb. в текст жития вносились многочисленные исправления и добавлялись знаки пунктуации. В XVII столетии П. Дубровским была сделана надпись следующего содержания: «*Vita S. Marcellini episcopi Ebredunensis refert Surius in vitis //*

Baronius in notis ad martyrologium citat Mombritius tomus 2 //ubi res gestæ eiusdem sancti narrantur. Vide utrum sit eadem narratio, desunt quædam// in fine (зачеркнуто); Ex Musæo Petri Dubrowsky» (f. 39).

Подготовленный латинский текст жития был сделан на базе петербургской рукописи, при этом учитывались и редакции, представленные в трех остальных рукописях, отмеченных выше, а также и текст издания, подготовленного болландистами. В справочном аппарате приняты следующие условные обозначения:

B – *Vita Sancti Marcellini//Acta Sanctorum;*

G1 – рукопись St.-Gall 549;

G2 – рукопись St.-Gall 577;

O – рукопись Orleans 331;

P – рукопись Latin F. v. №1. 12.

add – *addidit* (добавил);

ante corr. – *ante correcturam* (до корректуры);

om – *omittit* (пропустил);

post corr. – *post correcturam* (после корректуры);

post secundam corr. – *post secundam correcturam* (после второй корректуры);

red. – редакторская правка.

Incipit vita Sancti Marcellini episcopi et confessoris

Inter inlustrium Martyrum gloriosa certamina et beatorum confessorum clara preconia ita totus pene mundus Christo est largiente repletus, ut singulæ quæque urbes peculiarium sese gaudeant Martyrum patrocinio²² defendari. Sique sit ut quanto²³ illis inæstrimabile ascribitur virtutum præmium, tanto magis ad crescatur²⁴ fidelium gratia²⁵ populorum. Unde et ego dum singulas dilector perquirere testium palmas ad civitatem Ebredunensium veni ibique invenio virum multis iam temporibus dormisse in Domino, nunc insignia virtutum effulgere²⁶ miraculis²⁷ ita ut quantum fides devote postulat²⁸ opera desiderata proficiant²⁹. Sed quia hæc singula suis deputanda³⁰ sunt³¹ locis ad sollicitudinem angoris mei sermonem convertam. Cumque curiosus sciccitarer quemnam fuisse in puericia huius sancti hominis conversatio quæve patria quantisque signis ac virtutum miraculis ad sublime illud pontificatus officium pervenisset, tum omnes et pæcipue quos ætas veterosa provexerat, ex quibus nonnulli nonagenos aut aut fere centenos ducedant annos una consona voce id dedere responsum³². Hunc fuisse ac esse virum, cuius presens confirmaret gratia virtutum; et non difficile ea in veritate posse consistere quæ corpore induitus fuerit operatus, cum nova semper gesta priscum videantur renovare triumphum. At vero ne fastidium sui lector³³ per longinquitatem sustineat inculti sermonis, iam cum virtutum miraculis nomen beati inseram sacerdotis.

Prius tamen ut nobis misereatur quesumus intercessio pia pastoris et trepidationi nostræ veniam placates impertiatur. Quia cum ad bonitatem nominis eius propinquo magis magisque intremisco, et conscientiæ terrore detentus loqui non valeo quod eum memorare cognosco. Memoriam tamen eius sanctis venturis transmitter cupiens, imbecillitatem pondus tam sanctum fere non posse profiteor. Parcat³⁴ quæso et Dominum pro nobis eximus adeat³⁵ suffragator et cum nomen eius cæleberrimum personuerit, ipse in os nostrum pacificatus introeat.

Начинается житие Святого Марцеллина, епископа и крестителя

Великой молвой о выдающихся мучениках и блаженных крестителях, которые не могут превзойти друг друга по святости, наполнен почти весь христианский мир, поскольку каждый отдельный пекулиарный город стремится находиться под защитой мученика. И чем более великие деяния приписываются тому, тем сильнее возрастает влияние города среди верующих. И вот я, желая разыскать подлинных очевидцев, прибыл в Амбрён и обнаружил, что святой давно уже почил в Бозе и что добродетели его блистают ныне чудесными знамениями так, что неколебимая вера благоговейно взывает к тому, чтобы задуманный мной труд был полезен. И поскольку эти чудеса должны быть описаны в надлежащих местах, я обращу свое сочинение к тому, что заботит меня. И когда, любопытствуя, я спрашивал кого-нибудь, каковым было детство этого святого человека, а также откуда он родом и благодаря каковым знамениям и чудесам добродетели епископской сан достиг такой высоты, то все и особенно те, кто был самого старшего возраста, некоторым из них было по девяносто или почти по сто лет, в один голос давали такой ответ: это был и есть муж, о котором свидетельствует присутствующая благодать добродетелей; и в правоте этого нетрудно убедиться, когда благодаря телу, заключенным в которое он жил, кажется, что новые деяния возобновляют старый триумф. И, чтобы не вызывать отвращение своего читателя длиннотностью неотделанного слога, я сразу же окружу описанием чудесных деяний имя блаженного священника.

Прежде, однако, мы просим, чтобы пастырь снизошел к нам в своем благочестивом сострадании и милосердно простил нам наше смятение. Потому что, с тех пор как его доброе имя стало мне близким, я все больше и больше теряюсь, и удерживаемый страхом совести, не в силах сказать, что восславил его. И жаждущий передать память о нем грядущим векам, я не

обещаю, что в своей немощи смогу поднять столь святой груз.
Да сжалится, прошу, Господь над нами, да придет более
одаренный почитатель, и когда воздаст хвалу его славнейшему
имени, то пусть он, умиротворенный, сам войдет в наши уста.

Caput I

(1.) Marcellinus igitur africanæ provincie civis primus sancte ebredunensi æcclesiæ constituitur antistes, nec infimis³⁶ ut fertur oriundus parentibus. Sed qualiter ad culmen pontificatus ascenderit lectio succedens monstrabit.

Is³⁷ ergo, cum in adolescencia sacris divinisque insisteret disciplinis, divino admonetur spiritu, ut Gallias quas tunc dæmonum³⁸ cultura foedaverat³⁹ sancta solicitudine visitaret Id sibi laboris⁴⁰ a Domino iniungi ut quoscumque gentilitatis errore⁴¹ deprehenderet⁴² sorditatos per gratiam prædicationum⁴³ ad viam veritatis⁴⁴ et luminis⁴⁵ revocaret.

(2.) Cumque hoc præceptum divino inspiramine concepisset, soli Deo notus, ac illo⁴⁶ antiquo serpenti non incognitus repugnatur⁴⁷ inconsultis⁴⁸ parentibus, contubernii sodalem beatum sibi tantum elegit Vincentium ad cuius nunc sacratissimos⁴⁹ cineres non minimas Dominus dignatur operari⁵⁰ virtutes. Itaque cum ab Africæ portu cum⁵¹ uterque navi⁵² solvissent⁵³ felicibus prosperisque successibus ad castrum⁵⁴ Nicensim usque perveniunt.

(3.) Et exinde⁵⁵ iam verbo salutis imbuti⁵⁶ diversa⁵⁷ divina⁵⁸ aratri⁵⁹ Dominicæ Crucis proscindendo cultura⁶⁰, per diversas mundi partes iactus⁶¹ sancti seminis irrigabant⁶² atque inter immensas Alpium rupes humilitas celsa percurrens, velut⁶³ in rota mundi tonitruo⁶⁴ oris eorum vox evangelica persultabat erantque ut scriptum est, exultationes Dei in fauibus eorum, et, ut alios gratia virtutum, alios adhortatione⁶⁵ patientiæ, multos⁶⁶ etiam sancti Spiritus gladio ab idolorum culturis abscinderent⁶⁷, et in rudi campo Christi novellam frugem⁶⁸ infatigabiles operarii⁶⁹ excitarent.

Qui cum Alpinam villam⁷⁰ quæ vocatur⁷¹ maritima⁷², crediderent⁷³ expetendam⁷⁴, tandem ad locum istum⁷⁵ qui nunc de⁷⁶ orationibus numquam⁷⁷ irritis⁷⁸ frequentatur perveniunt. Iam hic⁷⁹ quales se quantosque præbuerint⁸⁰, non est nostræ facultatis evolvere. Sed ea tantum sufficit⁸¹ explicare, quæ⁸² aut recens mandavit memoria⁸³ Patrum, aut vera loquuntur⁸⁴ opera virtutum.

(4.) *Primum* ⁸⁵ igitur omnium orationis locum iuxta muros urbis condendum statuunt. *ibi* ⁸⁶ cum die ac nocte⁸⁷ in psalmis et

orationibus⁸⁸ persisterent ac non in solo pane, sed in omni verbo quod procedebat⁸⁹ ex ore Dei vitam beatam⁹⁰ transigerent, ieuniis⁹¹ macerati, fide refecti florebant.

Ex hinc confusio paganis et non parvus⁹² cotidie⁹³ livor⁹⁴ nascebatur; cum illi sæculi⁹⁵ divitiis ac deliciis⁹⁶ opimi ipso quidem corporis vultu se esse turpiores aspicerent, et⁹⁷ illorum⁹⁸ lucere aspectu⁹⁹ divinam gratiam¹⁰⁰ mirarentur.

Sicque per omnem mundum odor bonæ huius suavitatis inolevit, ut sicut David de Apostolis cecinit¹⁰¹ «in omnem terram exiret (exirent?)¹⁰² sonus eorum», et in fines orbis terræ verba eorum, itaque universa cohors idolatriæ ad divinum auxilium configiens, multi se ab eis effici Christianoa devota mente postulabant¹⁰³.

(5.) Qui cum consecrationem loci, quem constituerant, per se implere¹⁰⁴ minime auderent, sed quid non esset¹⁰⁵ sanctum quod¹⁰⁶ a¹⁰⁷ talibus sanctis fuerat collocatum¹⁰⁸ tamen¹⁰⁹ ad venerabilem Eusebium, Vercellensis Æcclesiæ¹¹⁰ egregium confessorem, peculiaris¹¹¹ beati Marcellini fama, quæ¹¹² latere non poterat, rumore est currente perlata.

Et cum rara¹¹³, adhuc fide¹¹⁴ pullulante¹¹⁵, Sacerdotes Ecclesias¹¹⁶ Domini per¹¹⁷ singulas¹¹⁸ civitates possiderent, missis epistolis suis a prædicta¹¹⁹ Ligurum¹²⁰ civitate in solatio¹²¹ sibi beatum Æmilianum¹²², Valentinæ urbis ascivit¹²³ Episcopum, indicans¹²⁴ ea de homine Dei, quæ¹²⁵ iam opera virtutum¹²⁶ assidue¹²⁷ publicabant¹²⁸: adiciens¹²⁹ etiam digne ilium pontificatus¹³⁰ gratiæ¹³¹ cumulandum¹³². Tunc per ipsos ad pontificatus¹³³ officium provectus¹³⁴ est.

Cui impositioni¹³⁵ cum ille indignum se esse omnimodis reclamaret, ab omnibus magis magisque dignior consonis¹³⁶ vocibus¹³⁷ clamabatur. Et post hæc sic egit suscepti pontificatus¹³⁸ officium, ut¹³⁹ divino cotidie¹⁴⁰ participaretur¹⁴¹ alloquio.

(6.) Nam ille beatus Vincentius, cuius supra fecimus mentionem, tanto collega dignissimus, una cum viro venerabili condiscipulo suo Dominino, quem superius pro quadam¹⁴² oblivione¹⁴³ mentis pene¹⁴⁴ omisimus, Dinientium¹⁴⁵ civitatis eligentes partes, plures suo salvaverunt¹⁴⁶ exemplo.

Nam et ipse non immerito Domnimus¹⁴⁷ scripturæ commemoratur¹⁴⁸ eloquio, quem parem fecit beata devotio. Denique

usque¹⁴⁹ in hodiernum diem¹⁵⁰ ad venerabiles sepulturas eorum et dæmonia eicintur¹⁵¹, et multi sanantur infirmi. Nec enim fas erat, ut in tribus personis non trina *unaque*¹⁵² dominaretur potestas: ut¹⁵³ inseparabilis Trinitas (Unitas Dei?)¹⁵⁴ dum tres¹⁵⁵ in unum connectit¹⁵⁶ affectum sanctitatis inde efficeret caput¹⁵⁷.

Memoratum igitur¹⁵⁸ antestitem¹⁵⁹ Ebreduni¹⁶⁰ relinquentes¹⁶¹, sese minoris meriti¹⁶² iudicabant¹⁶³¹⁶⁴ nec¹⁶⁵ posse unum absque alio¹⁶⁶ comeiari¹⁶⁷, nisi forsitan illum, in quo Christi perfecta plenitudo ad integrum¹⁶⁸ manebat¹⁶⁹. Sed hoc beati viri permissu potius quam suo visi¹⁷⁰ sunt præsumere ausu. Denique vir beatissimus his eos verbis alloqui † dicens¹⁷¹: «ite, inquit, filii¹⁷², Domini custodientes præceptum¹⁷³, quoniam ipse misit discipulos suos binos et binos prædicare poenitentiam¹⁷⁴ in remissionem¹⁷⁵ peccatorum. Vos uno utimini commeatu¹⁷⁶: ego etsi corpore absens, spiritu semper usque ad diem resolutionis meæ præsens vobiscum manebo».

De cetero Domini¹⁷⁷, ut¹⁷⁸ confido, nos¹⁷⁹ nullatenus¹⁸⁰ dispensatio¹⁸¹ separabit. Cumque¹⁸² huic præcepto contradicere omnino non possent¹⁸³, vestigia eius osculantes vale dicto¹⁸⁴, profecti sunt. Et cum eos non sine lacrimarum imbre prosecutus fuisset, in civitatem quam elegerat regressus est¹⁸⁵.

(7.) Iam¹⁸⁶ statuit¹⁸⁷ ibi conversari¹⁸⁸ factus¹⁸⁹ est¹⁹⁰, velut Chpristi mitissimus agnus¹⁹¹ ac¹⁹² intra semet ipsum Evangelicum illud assidue¹⁹³ Domini præceptum commemorans: «Quia ecce ego mitto vos sicut oves in medio luporum». Sed hanc¹⁹⁴ similitudinem de perfidia dictam¹⁹⁵ sufficiat¹⁹⁶ paganorum, quoniam universa universa civitas illa¹⁹⁷ idolorum 'referta ferebatur cæremoniis¹⁹⁸ ipse tamen tanta¹⁹⁹ erat simplicitate columbæ præditus²⁰⁰, ut astutiam²⁰¹ serpentis per omnia præcaveret. Cumque omnibus omnia esset, ut omnes lucrifaceret, evenit²⁰² dies, ut²⁰³ inter convivas qui ad sancti sacerdotis²⁰⁴ convivium fuerant evocati²⁰⁵, unus interesset paganus. Quem cum²⁰⁶ ille allocutione provocans²⁰⁷ blanda, nec fastideret²⁰⁸ dæmonum²⁰⁹ cultorem sancto participari²¹⁰ convivio, quem optabat ceteris²¹¹ aggregari²¹² fidelibus. Ac²¹³ primum²¹⁴ monuit dicens: «Licet, inquit²¹⁵, fili, nos in mandatis acceperimus²¹⁶ mensam cum gentilibus²¹⁷ non habere communem, tamen mirum mihi²¹⁸ est, ut cum tota Deo²¹⁹ inspirante salvata sit civitas²²⁰, ipse solus mente

lupina in magno grege ovium dura cervice audeas permanere²²¹». Ad hanc ille vocem velut fatigatus, immo confusus, hæc²²² dicens²²³ dedisse responsa²²⁴: "Multa²²⁵ sunt quidem quæ²²⁶ te audio operari, nisi²²⁷ me coram posito tale aliquid²²⁸ feceris²²⁹, adhuc minime æquari poteris²³⁰ maximo Deo nostro Apollini²³¹".

(8.) Quod cum ille spiritu urgente²³² diabolio²³³ balbutiens, prorupisset²³⁴ casu puer cui pincernæ officium erat, dum calicem plenum gentili illi ad medium fere²³⁵ convivium²³⁶ obtulisset²³⁷, de manu eius corruens totus²³⁸ comminuitur²³⁹. Cuius fragmenta²⁴⁰ dum pallens²⁴¹ studet colligere minister, inquam, ille²⁴² paganus ait: «Hic tuæ²⁴³ si possunt, Marcellinæ²⁴⁴, appareant artes. Si fractum resolidare²⁴⁵ potueris²⁴⁶ vitrum, credimus quod²⁴⁷ ea quæ²⁴⁸ de te fabula refert sic²⁴⁹ etiam opera signent».

Ad hæc beatissimus Pastor [ait]²⁵⁰: «Licet non tua hoc mereatur, pagane, perfidia²⁵¹, tamen non defuturam²⁵² in hac²⁵³ parte Christi credo virtutem». Et ecce confestim fragmenta minister²⁵⁴ sancto²⁵⁵ obtulit²⁵⁶ Marcellino. Ille clara voce audientibus cunctis²⁵⁷ porrectis ad cælum oculis ait: «Domine Iesu Christe, cui subiecta sunt omnia, cui universa famulantur, cui et sensibia deserviunt et insensibilia²⁵⁸ oboediunt²⁵⁹, fac hoc vas solidum²⁶⁰, sicut fuerat prius». Mox ad vocem eius omnes illæ particula²⁶¹ resolidatæ sunt, ita ut per totum [illud]²⁶² convivium²⁶³ ac deinceps calix ille²⁶⁴ usui cotidiano²⁶⁵ deserviret.

Sed nec paganus ille moram faciens, respondit: «Fateor [, inquit,]²⁶⁶ tibi beatissime Papa, quod hoc non faceret noster²⁶⁷²⁶⁸ si ab inferis rediret²⁶⁹ Apollo. Sed ecce cognosco²⁷⁰ nullam esse salutem in his diis, quos aut faber conflavit in aere²⁷¹, aut certe sculpsit²⁷² in lapide. Nunc quoque precor te, quia vana sunt quæ²⁷³ huc usque²⁷⁴ colui²⁷⁵, non patiaris²⁷⁶ me a grege sanctorum diutius²⁷⁷ effici alienum. Cumque vir beatissimus professionem hanc auribus accepisset ait, «Crastina, inquit²⁷⁸, die²⁷⁹ si fidem operibus adornaveris, faciam quæ²⁸⁰ te desiderare²⁸¹ video».

Et ecce die²⁸² Dominica maturius²⁸³ lucescente ille gratia baptismatis consecratus²⁸⁴ inter domesticos apostolici viri²⁸⁵ se adnumerari congaudens, postea discipulus²⁸⁶ eius dicitur fuisse perfectus. In viro²⁸⁷ tamen beato virtus indeficiens²⁸⁸ permanebat, et ita per ipsum immense²⁸⁹ florebant virtutes, ut maturatæ per

universum discurrerent orbem. Et enim Dominus dabat²⁹⁰ verbum²⁹¹ evangelizantibus²⁹² virtutes multas²⁹³.

In illum²⁹⁴ tamen²⁹⁵ nullam iactantiam²⁹⁶, nullum stimulum²⁹⁷ vanitatis, seminare²⁹⁸ antiquus²⁹⁹ ille valuit serpens: sed hæc omnia per gloriam Dei³⁰⁰ a Domino fieri iudicans, nihil propriis suis³⁰¹ viribus³⁰² adscribebat³⁰³. Non in illius³⁰⁴ corde nisi Christus³⁰⁵ per omnia repausabat.

Глава I

(1.) Известно, что Марцеллин, основатель святой церкви Амбрёна, был гражданином провинции Африка и происходил, как говорят, от весьма знатных родителей. Нижеследующее повествование покажет, как достиг он высот церковной власти.

С юношеских лет Марцеллин усердствовал в священных и божественных науках и посему был подвигнут Святым Духом в своем святом рвении отправиться в Галлию, поклонявшуюся тогда демонам. Богом была возложена на него задача просветить запятнанных скверной язычества и благодатью проповедей направить их к пути истины и света.

(2.) И вот, когда Марцеллин, почитающий Бога единого, посредством божественного внушения получил такое предписание, то он не стал противиться ему, но неведомый для древнего змея, ушел, не спросив родителей, избрав себе в товарищи лишь блаженного Винкентия, у мощей которого по воле Господа ныне совершаются немалые чудеса. Таким образом, они оба, взойдя на корабль, покинули африканский порт и достигли после счастливого и благоприятного плавания города Никенсия³⁰⁶.

(3.) Затем, когда плуг Креста Господа вспахал землю, напитанную словами спасения, святые семена, упав, дали всходы в различных концах мира. И среди высоких альпийских гор, распространяя небесное смирение, повсюду, как если бы их рты извергали гром, раздавались голоса Марцеллина и Винкентия, проповедующих Евангелие. И божественное ликование, как пишут, было на их устах. И люди: одни – видя добродетели вновь прибывших, другие – преклоняясь перед их смирением, многие же – преисполнившись радости Святого Духа, отвернулись от идолопоклоннических культов. И неутомимые пахари взрастили новый плод на невозделанном еще поле Христовом.

Когда же они решили обратить Альпийский край, который называется приморским, то прибыли в эту область, которая теперь из-за бесплодных молитв никогда не посещается. И уже

здесь Марцеллин и Викентий привлекли к себе великое множество людей, обладавших такими достоинствами, что у нас нет возможности об этом рассказать. Однако достаточно будет описать деяния, каковые либо сохранила недавняя память Отцов, либо передают подлинные свершения добродетели.

(4.) Итак, вначале они основывали часовню возле городских стен. Там они проводили дни и ночи, распевая псалмы и совершая молитвы. И не в хлебе едином, но во всяком слове, исходящем из Божьих уст, находили они пищу для своей счастливой жизни, и, будучи истощенными постами, они процветали, укрепленные верой.

И по этой причине началось волнение среди язычников, и великая зависть рождалась каждый день среди них, когда, пресыщенные богатствами и удовольствиями, они смотрели на этих святых мужей, которые уже одним своим видом заставляли смотреть на самих язычников с еще большим отвращением.

И так, везде по миру распространилось благоухание их благодати. Подобно тому как Давид воспевал апостолов, по всей земле звучал их голос и вплоть до края круга земного долетали их слова. Вот почему толпа идолопоклонников прибегла к божественной помощи и многие язычники требовали, чтобы они обратили их в христианскую веру.

(5.) Хотя они совсем не стремились освятить свою молельню (но какое место, где находились столь святые люди, не стало бы святым?), блаженный Марцеллин не смог укрыться от своей славы, молва о которой дошла до достопочтенного Евсевия, духовника паства Верцелленской церкви.

В это время, когда прорастали семена веры, священники Господа были еще немногочисленны, и в городе был только один из них. Отправив свои письма из упомянутого города лигуротов, Евсевий в утешение себе принимает блаженного Эмилиана, епископа Валенсии, рассказывая ему о Божьем человеке, и о его деяниях, и о его добродетели, уже известной везде, добавляя, что он должен быть возвеличен благодатью епископального посвящения. Тогда Марцеллин был приведен своими [сторонниками] в понтификальный официй.

Хотя он всячески отказывался принять это назначение, настойчивые голоса все громче и громче провозглашали его как наиболее достойного. И после этого он, во исполнение принятых на себя обязанностей, каждый день принимал участие в богослужении.

(6.) Вместе с Домнином, своим последователем, о котором мы чуть не забыли сказать из-за упущения памяти, тот блаженный Винкентий, о котором мы сообщали выше, наиболее достойный спутник Марцеллина, направился в город Динь. Там своим примером они спасли многих людей.

Ведь и сам Домнин, благодаря благочестивому самопожертвованию сделавшийся равным своим товарищам, упоминается и, весьма заслуженно, в писаниях. И затем, вплоть до нынешнего дня, возле его почитаемой могилы изгоняются демоны, и множество больных обретают исцеление. Ведь существует порядок, чтобы в трех лицах не была сосредоточена триединая власть, подобно неразделимой Троице, которая трех соединяет в единое, освящает, а затем наполняет сущностью.

Поэтому Доминин и Винкентий, посчитав себя менее достойными, решив, что не могут оставаться рядом с тем, кого целиком напитала совершенная полнота Христова, оставили своего наставника в Амбрёне. Впрочем, кажется, что они сделали это больше по разрешению блаженного мужа, чем по личному побуждению. И вот блаженнейший муж обратился к ним с такого рода словами, говоря: «Идите, о дети мои, храня учение Господа, поскольку он сам посыпал своих последователей по двое, чтобы они проповедовали раскаяние для освобождения от грехов. Идите вместе одной и той же дорогой, а я, отсутствуя телом, душой останусь с вами вплоть до моего смертного дня.

В остальных делах Господа, как я надеюсь, разлука нас никоим образом не разделит». Поскольку противиться этому предписанию они совершенно не могли, то, облобызив ему ноги и попрощавшись, они отправились в путь. Он провожал их [некоторое время], проливая поток слез, а затем вернулся в город, который был им избран.

(7.) Тогда он решил вести себя как смиреннейший агнец Христов, постоянно поминая об евангелическом предписании нашего Господа: «Ибо вот я посылаю вас, словно овнов в стаю волков». И он предпочел подобное изречение, ввиду вероломства язычников, поскольку считалось, что весь этот город был наполнен идолопоклонническими культурами. Марцеллин же сам, однако, был настолько одарен простотой голубя, что повсюду предупреждал хитрость змия. И так, как он был всем для всех, чтобы над всеми одержать победу, настал однажды день, когда среди гостей оказался один язычник, приглашенный на трапезу святого священника. Марцеллин вступил с ним в приветливую беседу, чтобы не показать неприязненного отношения к тому, что почитатель демонов принимает участие в святой трапезе, и, желая, чтобы он присоединился к остальным верующим. Прежде всего, он сказал ему: «Поскольку, сын мой, нам не позволено участвовать в совместной трапезе с язычниками, мне удивительно, как ты дерзнул так настойчиво сохранять волчий дух в овечьем стаде, когда уже весь город спасен по Божьему внушению». И так как тот был утомлен или смущен, он ответил, как говорят, следующим образом: «Я слышал, что тытворишь много чудесного, но если ты не сделаешь чего-либо подобного в моем присутствии, то вовсе не сможешь сравняться с Аполлоном, нашим величайшим богом».

(8.) И когда он бормотал это по наущению дьявольского духа, слуга, на которого была возложена задача виночерпия, подавая полный кубок в разгар пиршества, опрокинул его на этого язычника. Выпавшая из его руки чаша разбилась на мелкие части. И когда побледневший служитель попытался собрать осколки, этот язычник сказал: «Да проявится здесь, о Марцеллин, твоё искусство, если это возможно. Если ты сможешь восстановить этот кубок, мы поверим, что дела соответствуют тому, что молва говорит о тебе».

Благочестивейший пастырь ответил на эти слова: «Хотя твоя дурная вера, о язычник, этого не заслуживает, я полагаю, однако, что здесь достаточно будет силы Христа». И вот служитель тут же принес осколки Марцеллину. Громким

голосом, так, чтобы все его слышали, подняв глаза к небу, он сказал: «О Господь Иисус Христос, которому все подвластно и в услужении у которого находится мир, которому покорны создания, наделенные чувствами, и подчиняются те, что их лишены, сделай этот кубок целым, таким же, каким он был ранее». Тут же при его словах все части чаши соединились друг с другом такочно, что она служила во время всей трапезы и затем была в ежедневном использовании.

Однако язычник, не мешкая, ответил: «Признаюсь тебе, о благочестивейший папа, что наш Аполлон не сделал бы этого, если бы он поднялся из преисподней. Ныне я знаю, что нет никакого спасения от веры в тех богов, которых мастер отлил в бронзе или, скажем, высек из камня. Теперь, поскольку оказалось пустым то, что я почитал до сего дня, я прошу тебя более не позволять, чтобы я и далее был чуждым пастве святых». И когда блаженнейший муж услышал это заявление, то он сказал: «На следующий день, если ты украсишь веру своими деяниями, я сделаю то, что ты, как я вижу, желаешь».

И вот в воскресенье на рассвете язычник был удостоен благодати крещения, возрадовавшись оттого, что он был принят в число близких святого мужа. Говорят, что позднее он стал наилучшим учеником Марцеллина. А в блаженном муже духовная сила оставалась неистощимой, и благодаря этому бесконечные добродетели расцвели настолько, что, созрев, они распространились по всему миру. Ведь Господь наделял многочисленными добродетелями тех, кто проповедовал слово Божье.

И тот древний змей не смог взрастить в Марцеллине никакой кичливости и ничего такого, что порождало бы тщеславие. Но, полагая, что все, что есть в нем, было дано Господом во славу Божью, Марцеллин ничего не приписал к своим собственным добродетелям. И в любых обстоятельствах не умолкало в его устах пение псалмов.

Caput II

(9.) Interea dum secum aliud³⁰⁷: Psalmorum a civitate³⁰⁸ fuisse progressus, subito per aggerem³⁰⁹ publicum legatio velox superveniebat. Et ecce ob nimiam festinationem, dum mulio veredum³¹⁰ amplius quam poterat properare certat³¹¹ ipsa defecit evectio³¹². Nec longe vir beatus aberat. Ille igitur³¹³ cuius iumentum defecerat³¹⁴, arreptum³¹⁵ pondus quod ante se deferebat in cervicibus³¹⁶ beati ad civitatem deferendum imposuit. Quem³¹⁷ ille³¹⁸ laborem benigne suscipiens³¹⁹ incunctanter tulit ac ille³²⁰, per quem iniuria illata³²¹ fuerat, sermonem facere hoc modo coepit³²²: "Si³²³ Dominus et Salvator noster, o fili, in humilitate carnis³²⁴ suæ vulnera nostra alligare³²⁵ dignatus est, et vinum compunctionis³²⁶ ac olium³²⁷ misericordiae adhibuit³²⁸, curamque ut pius et peritissimus instituit medicus, ac³²⁹ doctor³³⁰ gentium velut stabulario solitudinem gerendam mandavit; cur ergo onera³³¹ vehiculi³³² tui non deferam³³³?" Et inter et his³³⁴ similia simul responsorium donebat Domino dicens³³⁵, ut iumentum factus sum apud te, et ego semper tecum.

(10.) Sed ubi iam ad civitatem³³⁶ progressi, adhuc impositum³³⁷ onus famulum³³⁸ Dei deferre cogebant³³⁹. Simulque et insanire incipientes, cum iuxta domum ipsius, ubi eos op[er]portunitas itineris adduxerat, præterirent³⁴⁰, unus ex instantibus³⁴¹, causa humanæ fragilitatis³⁴² accinctus³⁴³, ad parietem domus beati viri aquam³⁴⁴ fundere superbia instigante præsumpsit. Tunc a memoratis³⁴⁵ sancti parietibus³⁴⁶ evolavit flammæ globus, qui protinus³⁴⁷ virum³⁴⁸ absorbere potuisset, nisi ille se velut ad sanctum refugiens³⁴⁹ [...] ante pedes sancti quem oneraverat³⁵⁰ proieci[er]et. Nec prius spiritualis³⁵¹ flamma discesserat: nisi onus³⁵², quod indigne tanto viro impositum fuerat³⁵³, a comparibus iacentibus³⁵⁴ fuisse ablatum. Tunc universi³⁵⁵ ante vestigia³⁵⁶ eius prouentes, omnimodis³⁵⁷ precabantur, ut eos, iniuriarum causas non rememorans³⁵⁸, illos³⁵⁹ pateretur abire.

Et ille oratione data, respondit: Abite, inquit³⁶⁰, filii securi, Dominum³⁶¹ pro ignorantia vestri supplicate erroris³⁶²: et hortor³⁶³ ne repetatis et talia³⁶⁴ [iterum] patiamini³⁶⁵. Multæ³⁶⁶ ab eis beato

viro dicuntur oblatæ³⁶⁷ pecuniaæ³⁶⁸ quas³⁶⁹ ille velut venentum diaboli respuit dicens³⁷⁰, multos esse per aggerem³⁷¹ publicum pauperes, quibus omnis³⁷² eorum largitio erogari³⁷³ deberet³⁷⁴: sibi gratia³⁷⁵ Salvatoris in eo³⁷⁶ collate³⁷⁷ satis abundeque sufficere.

Multæ³⁷⁸ ab eis beato viro dicuntur oblatæ³⁷⁹ pecuniaæ³⁸⁰. Quas³⁸¹ ille velut venentum de pr[a]eda diaboli respuens dixit³⁸², multos esse per aggerem³⁸³ publicum pauperes, quibus omnis eorum³⁸⁴ largitio erogari³⁸⁵ deberet³⁸⁶: sibi gratia³⁸⁷ Salvatoris in eo³⁸⁸ collata³⁸⁹ satis abundeque sufficere.

(11.) Sed nec multo post alia sequens superbior³⁹⁰ advenit missa ab imperatore legatio. Qui cum beatum memoratumque virum³⁹¹ subito in platea Domino vacantem reperisset³⁹² stantem, mox unus consignatis³⁹³ ei veredis³⁹⁴ custodire³⁹⁵ mandavit: insuper adiecit ut flagello³⁹⁶, quod in manu³⁹⁷ gerebat, beatum percutere minime dubitaret. Unde factum est ut citius percussor caderet³⁹⁸ quam miles Domini ictum ferientis exciperet³⁹⁹, nam et⁴⁰⁰ demone⁴⁰¹, cuius hoc⁴⁰² instinctu⁴⁰³ præsumserat⁴⁰⁴, arreptus, tremere ac⁴⁰⁵ stridere non mediocriter coepit⁴⁰⁶.

Tunc curiosius socii sui⁴⁰⁷ requirentes, quisnam fuisset⁴⁰⁸ ille, qui hanc⁴⁰⁹ pertulisset⁴¹⁰ iniuriam; didicerunt⁴¹¹ a cunctis Christianorum hunc⁴¹² esse Pontificem. At illi hunc⁴¹³ placare sua humilitate nitentes⁴¹⁴, omnes qui præerant⁴¹⁵ civitati ad antistitem⁴¹⁶ summum cum grandi devotione⁴¹⁷ miserunt.

Qui cum eorum precibus⁴¹⁸ reniti non potuisset magis nec voluisset voluntate sancta⁴¹⁹, cum iam forte ad domum fuerat⁴²⁰ progressus, ad corpus pene⁴²¹ exanime regressus est, cumque iam ipsa exti(mi)s torpentibus vita⁴²² laxasset⁴²³, intonare diabolus his vocibus⁴²⁴ coepit⁴²⁵.

«Numquid non suffecerat⁴²⁶, Marcelline, quod nos ab Africæ⁴²⁷ finibus⁴²⁸ excluseras, ut vel in Galliis nobis quietos⁴²⁹ habitare liceret⁴³⁰?» Ille, cum paululum⁴³¹ diaboli⁴³² irrisisset⁴³³ dementiam, percutiens⁴³⁴ pectus ac tota mente commotus; ait: «Tibi dico, spiritus immunde⁴³⁵, qui superbia elatus⁴³⁶, super cervices⁴³⁷ hominis⁴³⁸ huius residere⁴³⁹ præsumis⁴⁴⁰, ut in nomine Domini Iesu Christi⁴⁴¹ discedas a famulo⁴⁴² Dei, et alienus efficiaris ab eo quem ad imaginem suam plasmare dignatus est».

Et adhuc vix fere eloquium hoc ex ore⁴⁴³ proruperat⁴⁴⁴, iam ille sermonem⁴⁴⁵ sancti eloquii non ferens, cum ingenti foetore⁴⁴⁶ discesserat. Sicque homo ille redditus sanitati, statim⁴⁴⁷ Christianum se⁴⁴⁸ effici postulavit.⁴⁴⁹

(12.) Tunc cum [omnes]⁴⁵⁰ inspiramine Dei omnes⁴⁵¹ ad fontem salutis⁴⁵² properarent; coepit⁴⁵³ ecclesia Christi undis foetantibus⁴⁵⁴ parturire, et ad unum ovile multi Catholici⁴⁵⁵ greges concurrere. Sicque factum est, ut omnes, projectis ante pedes sancti Marcellini secundum formam Apostolicam pecuniis, maiorem sibi ecclesiam⁴⁵⁶, quæ⁴⁵⁷ universam fidelium multitudinem recipere posset⁴⁵⁸, desiderio ardentи fieri postularent: cui adiunctum [est]⁴⁵⁹ baptisterium⁴⁶⁰, parvo quidem opere, sed divino omnimodis⁴⁶¹ effulget miraculo. Hic fons⁴⁶² precibus beati, immo ut veridico⁴⁶³ ore referam, de Domini pietate (securus quia⁴⁶⁴ quæcumque⁴⁶⁵ fides⁴⁶⁶ postulat⁴⁶⁷, impetrasse⁴⁶⁸ se gaudet⁴⁶⁹) irriguus⁴⁷⁰ ac indeficiens assidue⁴⁷¹ manat, ac in perpetuum⁴⁷² Deo ordinante manabit. Talis⁴⁷³ enim in argento non fulget gratia, tantum in manantibus aquis⁴⁷⁴ cum⁴⁷⁵ ad sacram⁴⁷⁶ Dominice⁴⁷⁷ resurrectionis noctem conveniendum est. Domino largiente, ipse quoque ad mensuram certissimi loci profluit: et septem⁴⁷⁸ sanctissimis diebus paschæ⁴⁷⁹ in plenitudine sua⁴⁸⁰ manens, octavo⁴⁸¹ die paulatim minui prospicitur⁴⁸² non quod ipse⁴⁸³ umquam deficiat; sed ut super proveniente anno⁴⁸⁴ novitatem sui miraculi recrescens ostendat. Ex cuius sacratissimo latice⁴⁸⁵ si quis qualibet⁴⁸⁶ infirmitate detentus potandum⁴⁸⁷, sitierit⁴⁸⁸ omnium suorum statim consequitur sanitatem⁴⁸⁹ morborum⁴⁹⁰: hæc quoque⁴⁹¹ non solum vetus⁴⁹² narrat⁴⁹³ historia⁴⁹⁴, sed præsens dat testimonium veritatis⁴⁹⁵.

(13.) Quod cum⁴⁹⁶ inter primitivorum greges Ecclesia secunda gauderet, iamque a vicinis locis⁴⁹⁷ multitudo fidelium concurreret⁴⁹⁸, in sexto decimo⁴⁹⁹ a civitate miliario lapide⁵⁰⁰, propter longinquitatem populorum, ecclesiam Domini propriis viribus credidit construendam. Ad cuius sancta solemnia celebranda ipse cum multitudine populi a civitate properans, ad quemdam fluvium cuius⁵⁰¹ Consuncio⁵⁰² nomen est, perveniunt: qui enoritate pluviae ac nivium resolutione tumescens devotam Deo plebem ad opus desideratum accedere minime⁵⁰³ permittebat. Tunc beatissimus Pastor et⁵⁰⁴ cum omni veneratione colendus conversus ad populum hæc consolationis

verba depromit: *Æquo animo estote filioli, quoniam Dominus noster
hodie fidei vestræ patefaciet vias: et cum vos ad desiderata
perduxerit⁵⁰⁵ paganis confusionem non minimam⁵⁰⁶ generabit.*

Aut quando⁵⁰⁷ ilia inclita Divinitatis dextera sine⁵⁰⁸ virtutibus ac
mirabilibus consistere potest, in qua⁵⁰⁹ universæ virtutes manere
noscuntur? Si enim indissolubiles marinos fluctus⁵¹⁰ Moyse⁵¹¹ Duce,
ut et⁵¹² pedes Sanctorum pulverulentam viam ac lucis⁵¹³
peregrina⁵¹⁴ calcarent ingressi⁵¹⁵ saxa profundi; et contra⁵¹⁶
inimicam pelago⁵¹⁷ gentem demersam⁵¹⁸ populum iustitiae parem ac
æQUITATIS⁵¹⁹ consortem cum digno laudibus suis præconio⁵²⁰
liberavit⁵²¹, cur nostris non propitietur meritis, et ignoscat peccatis,
et nobis per⁵²² mare sæculi istius gradientibus fluminis huius
impedimentum aperiat?

Cumque hæc fuisset effatus, elevata dextera vexillum crucis
extendens, audientibus cunctis, his vocibus aures divinas nota⁵²³
iam sibi securitate pulsare non desinit: Domine Iesu Christe, filius⁵²⁴
Dei vivi qui super creaturam aquæ plantis non desidentibus⁵²⁵
ambulasti, quique Apostolum tuum adprehensa dextera super⁵²⁶
solutos⁵²⁷ latices sustentasti ne quid posse fidem dubitare
persuaderes⁵²⁸ fidem dubitare persuaderes⁵²⁹; ad cuius imperium
aquæ, originem propriam oblitæ, in vini se saporem converterunt;
aperiat nunc nobis, quæsumus Domine, invicta tua dextera⁵³⁰ viam,
atque fluminis huius post nos revocans cursum siccum nobis iter
adire concede, quia tibi est honor et gloria⁵³¹, virtus et imperium in
sæcula sæculorum.

Cumque omnes respondissent: «Amen», ecce et tumidi
æquoris fluctus resupinatusque amnis post tergum eorum defluere
coepit. Quia nec prius vir beatissimus a supplicatione discesserat,
nisi omnis ilia⁵³² multitudo in ulterioris ripæ partibus aqua⁵³³ cedente
se pervenisse gauderet.

(14.) Hæc iam stirps ilia parvissima quæ remanserat
paganorum audiens, ipsum iterum remeantem cum laudibus atque
devotione plenissima excipientes, omnes uno momento universa
ætas et sexus, gratia baptismatis consecrati sunt.

Nam et diversæ infirmitates ab eo sanari dicuntur, ita ut claudi
reciperent gressum, cæci visum, surdi auditum, et hi qui ab spiritibus
immundis vexabantur omnes fuerint absoluti.

(15.) His itaque per ordinem atque in veritate compertis festivitatem eius duplici⁵³⁴ gaudiorum⁵³⁵ remuneratione locupletatam cognovi: ita ut cum transitus eius die Iduum Aprilium⁵³⁶ pro transmigratione veraciter excolatur⁵³⁷; post octo⁵³⁸ dies, id est duodecimo kal. Maius depositio venerabilius adimpleatur. Quod si⁵³⁹ quando⁵⁴⁰ pascha esse contigerit, in his octo diebus paschalis lætitia non deerit. Sed hæc non alia res fecit, nisi quod Episcopi, qui ad sancti confessoris exequias interessent, longe positi videbantur. Hæc interim breviter atque ut potuimus tenui sermone perstrinximus.

Explicit vita beati Marcellini.

Глава II

(9.) В то время как он, выйдя из города, сам для себя распевал какой-то из псалмов, неожиданно по почтовой дороге прибыло посольство. И вот, из-за чрезвычайной спешки, так как возница гнал лошадь сильнее, чем она могла выдержать, то животное пало. А благочестивый муж долго оставался в стороне, поскольку тот, у которого погибла лошадь, снял с нее поклажу, которую вез с собой, и взвалил ее на плечи блаженного, дабы он отнес ее в город. И тут же, приняв с кротостью этот труд, Марцеллин обратился таким образом к нанесшему ему оскорбление: «Если наш Господь и Спаситель, о, мой сын, пожелал через унижение своего тела излечить наши раны и дал вино раскаяния и масло милосердия, как врач благочестивый и наиопытнейший, и целителю людей, подобно конюху, доверил лечение, то почему же я не понесу груз повозки твоей?» И, пребывая в подобных раздумьях, он, отвечая Господу, распевал: «Я вьючное животное перед тобой, и я, я всегда с тобой»⁵⁴¹.

(10.) Придя в город, посланники все еще принуждали служителя Божьего и далее нести свою поклажу, и в то же время они начали совершать безрассудные поступки. Когда они проходили мимо его дома, один из угнетателей, испытывая естественную надобность, вздумал помочиться на стену дома блаженного мужа. В этот момент из стен вырвался огненный шар, и он мог бы спалить служителя, если бы тот не кинулся, как к святому прибежищу, в ноги к святому человеку, которого он принудил нести груз. Однако бестелесное пламя не отступало до тех пор, пока его товарищи не сняли ношу, которую они неподобающим образом взвалили на спину столь выдающегося человека. Тогда, бросившись ему в ноги, все эти люди всячески умоляли его забыть нанесенные оскорблении и позволить им уйти целыми и невредимыми.

Когда они принесли ему свои извинения, он ответил: «Идите, дети мои, совершенно спокойно, – сказал Марцеллин, – молите Господа, чтобы он простил вам вашу ошибку. Я же, я

призываю вас не повторять ее, чтобы вы не понесли подобных [наказаний]».

Говорят, что они принесли блаженному мужу много денег.

Отвергнув их, как идущих от дьявольской добычи, он сказал, что есть множество бедных в городе, которые должны принять их благодеяния и щедрость. Что же касается его, то благодаря Господу, ему полностью и в изобилии хватает того, что было собрано для него.

(11.) Но прошло немного времени, и прибыло другое более пышное посольство, отправленное императором. Оно столкнулось с блаженным и славным мужем, когда тот стоял, совершая служение Богу. Сейчас же один из посланцев приказал Марцеллину стеречь лошадей, добавив, что без колебания ударит блаженного плетью, которую держал в руке. И тут случилось, что тот, кто хотел ударить, упал раньше, чем воин Господа получил удар от обидчика, ведь охваченный демоном, по наущению которого он хотел нанести удар, он начал сильно трястись и кричать.

Тогда, с большим вниманием разведав, кто же был тот, кому было нанесено оскорбление, его товарищи узнали от людей, что это был христианский епископ. Желая умилостивить его, они отправили с большим почтением главе церкви всех высших сановников города. И так как Марцеллин не мог более сопротивляться их просьбам и не желал этого, побуждаемый святой волей, то, уже почти подойдя к своему дому, он возвратился к уже почти бездыханному телу, члены которого уже онемели, и сама жизнь оставляла его. Тогда дьявол начал рычать:

«Неужели, Марцеллин, недостаточно, что ты прогнал нас из пределов Африки, и необходимо ли нарушать наш покой в Галлии?» Тот лишь посмеялся над неразумием дьявола и, хлопнув себя в грудь, взъерошенный до глубины души, ответил: «Тебе я говорю, нечистый дух, который, преисполнившись гордости, дерзнул обосноваться в теле этого человека, я говорю, во имя Господа Иисуса Христа, чтобы ты отступил от Божьего служителя и чтобы ты оставил свободным того, кого он пожелал создать по своему образу».

В тот самый момент, когда это излетело из его уст, не перенося слова святого красноречия, дьявол отступил в большом страхе. Таким образом, обретя здоровье, тот человек сразу же попросил сделать его христианином.

(12.) А когда все вокруг по Божьему внушению поспешили к источнику спасения, церковь Христова породила животворный источник, и вот многочисленная католическая паства стала стекаться к единой овчарне. И случилось так, что все, бросая к ногам святого Марцеллина, согласно с апостолическим обычаем, деньги, со страстным желанием просили, чтобы церковь была у них больших размеров, такой, чтобы могла вместить все множество верующих. Хотя пристроенный к ней баптистерий и будет скромным, но пусть он воссияет божественными чудесами всякого рода. Благодаря молитвам блаженного и еще более, по правде сказать, благодаря милосердию Господа (я в этом уверен, поскольку он с радостью выполняет все то, что просит вера), тот источник постоянно наполнен водой и остается неиссякаемым и по воле Божьей будет таким всегда. Так ведь не сверкает благодатью серебро, как в проточных водах, когда нужно собраться ради святой ночи воскресения Господня. Благодаря щедрости Господа, источник поднялся до определенного уровня, оставаясь во всей своей многоводности в течение семи святейших дней Пасхи. На восьмой день было замечено, что уровень его несколько уменьшился, не потому, что он должен был через некоторое время иссякнуть, но для того, чтобы показать новое чудо, поднявшись снова в следующем году. И если кто-то охваченный болезнью приходит, мучимый жаждой, испить этой святой жидкости, он тут же обретает здоровье для всех своих членов. И не только история прошедших времен сообщает о подобных вещах, но и дела наших дней подтверждают истинность этого.

(13.) И когда из-за толп первых последователей Церковь стала процветать и уже множество верующих потекло к ней из соседних мест, Марцеллин решил, что, ввиду протяженности прихода, нужно на свои средства построить Божью церковь за городом у шестнадцатого милевого камня. Чтобы провести торжества по случаю освящения, сам Марцеллин,

направившись к ней из города с большим количеством народа, пришел к некой реке, называвшейся Консантионом. Из-за обильных дождей и таяния снега вода в реке поднялась и не давала никакой возможности богопреданному народу достичь постройки, к которой он направлялся. Тогда блаженнейший пастырь, достойный всяческого почтения, обратившись к народу, произнес такие слова утешения: «Будьте покойны, дети мои, ибо Господь наш откроет сегодня эти пути для вашей веры, и, когда он приведет вас туда, куда вы хотите, он посеет немалое смятение среди язычников.

Может ли славная Божья длань, в которой, как известно, заключена вся мощь мира, пребывать без сил и способности творить чудеса? И раз он заставил расступиться бездонные морские пучины, когда Моисей был предводителем, чтобы ноги святых ступали по пыльной дороге и по камням бездны, чуждым света; и [если] против враждебного народа, потонувшего в морских водах, народ справедливый и чтущий законы он освободил, прославив своими хвалами, то почему он не воздаст за наши заслуги, и не простит наши грехи, и не заставит расступиться перед нами, ступающими по морю нынешнего века, эту реку, ставшую препятствием на нашем пути?»

И когда Марцеллин произнес это, подняв правую руку и протянув вперед знак креста, в присутствии всех, сохраняя уже известное свое душевное спокойствие, он без устали стал обращать к ушам Бога эти слова: «Господи Иисусе Христе, сын Бога живого, ты, который прошел по поверхности воды, не замочив ступней, и который апостола своего, схватив за правую руку, удержал на колышущихся водах, чтобы показать, что ничто не может поколебать веру; ты, по воле которого вода, позабыв о своем естестве, приобрела вкус вина, пусть откроет нам ныне непобедимая десница твоя, о Господи, дорогу, и, останавливая за нами течение этой реки, позволь нам пройти по сухому пути, ибо с тобой пребывают честь и слава, сила и власть, во веки веков».

И как только все ответили: «Аминь», вздувшийся поток вод повернул вспять и стал отступать за их спины. Поэтому, в то время как вода отходила, блаженный муж не переставал

возносить свои мольбы, до тех пор пока все не возрадовались, что достигли противоположного берега.

(14.) Услышав о таких делах, остававшееся сообщество язычников, уже весьма немногочисленное, приняло возвращавшегося Марцеллина с хвалами и глубочайшим почтением. И одновременно люди всех возрастов и обоих полов приняли крещение.

Ведь, как говорят, им и различные болезни были исцеляемы так, что хромые снова обретали способность ходить, слепые – зрение, глухие – слух, а те, кто был терзаем нечистыми духами, все были освобождены от них.

(15.) Таким образом, сообщив обо всех этих дела по порядку и в согласии с истиной, я узнал, что светлая память о нем подкрепляется двойным проявлением радости. Ведь кончина его в день апрельских ид⁵⁴² истинно почитается как переселение [к Господу], а спустя восемь дней, добавлю я, то есть в двенадцатый день до майских календ⁵⁴³, с большими почестями отмечают его погребение. И если случается так, что это поминовение происходит во время Пасхи, то в эти восемь пасхальных дней радость не иссякает. Но причиной для этого временного интервала послужило то обстоятельство, что епископы, которые приняли участие в похоронах, оказались находящимися далеко от этих мест. Между тем мы рассказали об этих событиях кратко и языком без прикрас, на который только и были способны.

Закончено житие блаженного Марцеллина.

Incipiunt virtutes Sancti Marcellini

Caput III

(16.) Licet superiori libello vitam sancti Marcellini, ut potuimus, tenui sermone perstrixerimus⁵⁴⁴, adiacet [nobis] etiam et⁵⁴⁵ ilia memorare⁵⁴⁶, quæ ad sepulcrum eius[,] usque in hodiernum diem⁵⁴⁷, miseratio divina mirabilia fieri concedit. Quodam igitur tempore uni ex pauperculis, insidia obviantे diaboli, manus pectori adhæsit, ita ut etiam⁵⁴⁸ ungues interna eius penetraverent⁵⁴⁹. Cum⁵⁵⁰ ad ipsam animæ sedem ungues crescentes assidue⁵⁵¹ pervenirent, ad sepulcrum beati devotus advenit. Tunc⁵⁵² ex⁵⁵³ oleo, quod luminaribus illius⁵⁵⁴ præerat⁵⁵⁵, fide plenissima [se]⁵⁵⁶ ungere coepit et⁵⁵⁷ ubi infirmitas diurna vim⁵⁵⁸ sancti liquoris accepit, mox absolute manus pristinæ sanitati ac usui quotidiano⁵⁵⁹ restituta probatur. Sed et illud mirabile credidi adiungendum, mulierem quamquam⁵⁶⁰ in se ipsam⁵⁶¹ incurvata manu[,] simili⁵⁶² fuisse sanatam exemplo.

(17.) Quod vero nunc dicturus sum, longe lateque⁵⁶³ percrebruit⁵⁶⁴, et non solum a fidelibus⁵⁶⁵, verum etiam et⁵⁶⁶ ab ipsis Arrianorum⁵⁶⁷ cultoribus veritas vulgata tacere⁵⁶⁸ non potuit. Cum⁵⁶⁹ iam ad civitatem⁵⁷⁰ memoratam hostilis⁵⁷¹ manus advenisset, necesse fuit ut se incolæ loci intra septa Urbis ipsius concluderent et antequam portas⁵⁷² inimicis infestantibus clauderent⁵⁷³ quasi valedicturi⁵⁷⁴, omnis⁵⁷⁵ omnino utriusque sexus⁵⁷⁶ ætatis⁵⁷⁷ conditio⁵⁷⁸, ad eius sepulchrum⁵⁷⁹ cum grandi amaritudine⁵⁸⁰ et⁵⁸¹ anxietate⁵⁸² pervenient; et cum lacrymis auxilia consueta implorare⁵⁸³ non desinunt⁵⁸⁴, dicentes: «Quid inquam, piissime Pastor, tuis⁵⁸⁵ profuit, in pace, tua intercessione⁵⁸⁶ tueri⁵⁸⁷ alumnis⁵⁸⁸, si nunc eos permiseris inimicorum subiacere periculis⁵⁸⁹? Commove⁵⁹⁰ nunc illius tua allegatione⁵⁹¹ inclytas⁵⁹² aures, qui iuxta est his qui tribulato⁵⁹³ sunt corde. Per te ad eum⁵⁹⁴ nostrarum confessionum deferantur lacrimæ, per quem nobis semper non sunt⁵⁹⁵ commemoratae offensæ. Accipe, si non nostros, quos peccata impediunt⁵⁹⁶, vel parvolorum⁵⁹⁷ innocentium gemitus. Neque simul pereat iustus cum impio; ne tanto auctore⁵⁹⁸ manente⁵⁹⁹, indigena⁶⁰⁰ esse incipiat peregrinus⁶⁰¹». Cumque ex more Missarum fuissent celebrata⁶⁰² mysteria, ac ipsam⁶⁰³ Sanguinis⁶⁰⁴ Dominici⁶⁰⁵

plenitudinem cum ymbre⁶⁰⁶ lacrymarum⁶⁰⁷ perfunderent, in⁶⁰⁸ civitatem commendatione⁶⁰⁹ celebrata⁶¹⁰ regressi sunt, operientes⁶¹¹, quidnam aut horum⁶¹² obtinuerent⁶¹³ preces⁶¹⁴, aut quæ⁶¹⁵ pietas summi præsulis⁶¹⁶ largiretur⁶¹⁷. Et⁶¹⁸ ecce Noe monstrum⁶¹⁹, nostris vere renovatum⁶²⁰ temporibus: qui⁶²¹ dum in area ecclesiæ⁶²², inundationem⁶²³ suscepit lacrimarum, beneficia collata⁶²⁴ restituit meritorum. Et enim talis⁶²⁵ extitit⁶²⁶ copia fletuum quæ⁶²⁷ deleret abundantiam peccatorum: pugnabat quippe gemitus parvolorum pro salute parentum: et miserandæ⁶²⁸ matrum⁶²⁹ lacrimæ, pro quibus primitus funderentur ignaræ⁶³⁰, erant quidem ob hoc ne solveretur quod Deus ligaverat⁶³¹, sed et ne periret quod Deus nasci præceperat. «Quid inter hæc tu agis, vetustissime ac sanctissime Pater? Quid somno deprimeris⁶³²? quidni⁶³³ tantis plorantium⁶³⁴ stimulis⁶³⁵ excitaris⁶³⁶? Surge iam, et nobis illam spiritalem emitte⁶³⁷ columbam quæ⁶³⁸ sub tempore⁶³⁹ illius arcæ natatilis⁶⁴⁰ conditoris⁶⁴¹[,] ramum exhibuit⁶⁴² viridantis⁶⁴³ olivæ⁶⁴⁴». In⁶⁴⁵ ilia etenim hora⁶⁴⁶, cum a⁶⁴⁷ basilica ipsa⁶⁴⁸ egredierentur⁶⁴⁹, aspiciunt crucem, quæ⁶⁵⁰ cuidam ædificio⁶⁵¹ superposita⁶⁵² habebatur, in se ipsam totam commoveri⁶⁵³, et in⁶⁵⁴ rotali turbine⁶⁵⁵ girum in girum⁶⁵⁶ convertere⁶⁵⁷, quasi fugam⁶⁵⁸ sine dubio⁶⁵⁹ admonere⁶⁶⁰, mirantibus eis quid sibi hoc ostenderet⁶⁶¹ signi⁶⁶². Et ecce exercitus qui dudum sperabatur advenit.

Sed quando tuas in quibuslibet rebus contines⁶⁶³, Christe, virtutes⁶⁶⁴, ut crux nunc redderet salvos quos iam antea tenebat redemptos⁶⁶⁵. Tunc omnes recipiunt vires, et⁶⁶⁶ non deesse sibi auxilia divina credentes, quos iam stemma⁶⁶⁷ Crucis⁶⁶⁸ securos ac in totum reddiderat⁶⁶⁹ fortes: quia et columba nive⁶⁷⁰ candidior luce rutilancior⁶⁷¹ a basilica ipsa egrediens super⁶⁷² turrem⁶⁷³ portæ⁶⁷⁴, auxilium aderat⁶⁷⁵ prebitura⁶⁷⁶. Sed quid mirum si ilia, Domine, omnem curam salvandæ⁶⁷⁷ plebis⁶⁷⁸ impendat⁶⁷⁹, quæ⁶⁸⁰ te⁶⁸¹ Iordanis alveum⁶⁸² sanctificaturum⁶⁸³ ingressum sancto obumbravit Spiritum? Et veluti his⁶⁸⁴ diebus fluenta eius ad⁶⁸⁵ usum dimissa⁶⁸⁶ consuetum⁶⁸⁷ ante faciem tuam tremefacta refugiunt, ita et hanc similis⁶⁸⁸ comitatur⁶⁸⁹ cælestis⁶⁹⁰ dementi conditio⁶⁹¹. Denique done hostium⁶⁹² tela pennis insita⁶⁹³ volitarent⁶⁹⁴, ipsa minime⁶⁹⁵ recedebat. Cumque incassum⁶⁹⁶ inimicorum conatus proficeret⁶⁹⁷, ac in se ipsos tela⁶⁹⁸ transmissa redirent, vix horæ⁶⁹⁹ spatium⁷⁰⁰

intercedebat⁷⁰¹, et ecce pluvia ab⁷⁰² æthere aderat⁷⁰³ ministrata, serenoque⁷⁰⁴ vibratos⁷⁰⁵ arcus madefaciens⁷⁰⁶ certaminis furorem restinguebat⁷⁰⁷ et ita pharetræ⁷⁰⁸ vacuæ domibus itineralibus⁷⁰⁹, inimicis nihil proficientibus, revehebantur: sicque beato intercedente livor⁷¹⁰ profanus evanuit, ut⁷¹¹ nihil se inibi⁷¹² profecisse gauderet⁷¹³.

(18.) Illud vero quale judicabitur⁷¹⁴? Cum quidam⁷¹⁵ religionis ac devotionis studio ad basilicam ipsam orandi causam⁷¹⁶ venisset, ancipitem gladium, quem manugerebat, ante postes templi pro reverentia loci exposuit. Et ecce, subito viator alius affuit, qui arreptum gladium furto auferre temptavit. Cumque cursu⁷¹⁷ propero aufugere conaretur ille oratione completa pro foribus egressus est: et⁷¹⁸ cum requisitum gladium minime repperisset⁷¹⁹, pede continuato ad auxilium Christi configuit et dicere voce clara coepit: «O Beate Marcelline, quando mihi ligata peccati⁷²⁰ vincula solvis si auferis⁷²¹ commendata? Aut⁷²² nescio quo pacto mihi tua largiaris si⁷²³ mea prius reddideris. Qui cum paululum⁷²⁴ rei sustineret eventum, opperiens⁷²⁵ quidam Dei servus esset acturus; ecce et ille, qui scelus hoc furti perpetraverat superveniens sua crima his vocibus coepit: diaboli se sollicitatione fuisse præventum. Et ubi is⁷²⁶ qui perdiderat, aures Beati sua suggestione adire exorsus fuisset, illoco se catenis indissolubilibus visibiliter a sancto Marcellino fuisse constrictum. Et ita redditio⁷²⁷ ense, non solum criminis sed et dæmone purgatus est.

(19.) Sed ne forte dum similes res virtutum edicimus falsæ⁷²⁸ ab incredulis⁷²⁹ indicentur, præsentes hic⁷³⁰ sunt, quibus hoc⁷³¹ miraculi⁷³² quod sequitur, pro sua devotione contigit meruisse. Quidam est ergo apud nos, quem iam Presbyteri venustat officium. Huius filius lateris dolore afflictus supremum ducebatur spiritum; et cum iam spes desperatæ salutis patri [et] matri vetaretur ac irremediabile illud esset quod plangerent, spes quædam materna obsederat viscera⁷³³. In asylo illo interiori quod corpus sanctum ambit præveniens, a pulveribus Sancti abstrahi nulla poterat ratione, donec et lingua muto, et vita poene defuncto, nec non et parentibus Alius redderetur. Paria hæc sunt qui illius, Domine⁷³⁴, quondam Heliæ, qui Siraptæ viduæ unicum sua intercessione restituit filium: et sancto ille suo innocentis tempore⁷³⁵ calefecit membra corpusculi⁷³⁶ ac diu luci seposita oculorum restituit lumina, sed et Hælisæus dum

mortuus mortuum suscitans in sepulchro ostendit non posse mori, tua Christe, morte redemptum⁷³⁷. Sic nobis quæ sunt⁷³⁸ Domine, istius tanti Præsulis⁷³⁹ dum vivent merita, numquam sint mortua naufragia.

(20.) Quid inquam loquar, quidve taceam? Si universa complectar, immensum⁷⁴⁰ volumen legentibus concitabo. Si autem aliqua omisero, miserum fortasse videbitur. Sed quia multa et inmensa sunt, quæ de eius virtutibus lingua paupertatis meæ non valet edicere, sufficere credidi ilia præterire, quæ occultis⁷⁴¹ viribus mundo teste clarescunt. Ante aliquot⁷⁴² annos⁷⁴³ dura quædam infirmitatis procella per diversas mundi partes intonuerat, cumque partem populi depopulata fuisse atque⁷⁴⁴ Egiptiæ⁷⁴⁵ illæ⁷⁴⁶ vesicæ plagaque ipsa videretur, unum subito⁷⁴⁷ ex vernaculis Ebredunensis Ecclesiæ arrpiut. Et confestim præsens Pontifex et cuius si tempus requiras, non ignorabitur nomen⁷⁴⁸ ad sepulcrum eius, velut ad divinum auxilium confugit. Et adprehensum⁷⁴⁹ quod sæpius nominavimus olei sancti liquore⁷⁵⁰ cum⁷⁵¹ omne corpus infirmi fuisse perunctum, ita omnes illæ febrium pustulæ tabuerunt, ut nitidiori⁷⁵² quam fuerat cute statim mundus fuisse egressus. Sicque contagio venenosa a civitate ilia cessavit, nec ultra genus hoc morbi, Beato intercedente in locis illis apparuisse cognoscitur⁷⁵³.

(21.) Per idem fere tempus infantulus unicus, matri⁷⁵⁴ suæ gravissima infirmitate detentus, poene intra annos lactantes⁷⁵⁵ vitæ terminum clauderat. Quem cum mater eius in sepulchro memorati Antistitis devote mente proiecisset, et ubi lactantia⁷⁵⁶ membra violentiam sancti pulveris acciperunt, omnia sunt infirmitatis vincula relaxata: et ita mors devicta recessit et⁷⁵⁷ intercessor consuetus vitæ gratiam reparavit.

(22.) Additur⁷⁵⁸ etiam et illud. Dum puella adulescens⁷⁵⁹, vase apprenso⁷⁶⁰ ad hauriendum⁷⁶¹ aquam proficiscitur, in se constrictam manum ansa⁷⁶² ipsius ita stringerat⁷⁶³, ut a validissimis viris nulla potuisset ratione dissolvi. Sed quid humana fragilitas aut solvere valeat, aut ligare, nisi forsitan illius immensa maiestas, cui et solveni et ligandi indeficiens permanet in æternum potestas? Præsertim hoc et beato viro reservatum confidimus, ut inibi⁷⁶⁴ diabolus vinceretur, ubi etiam peccata⁷⁶⁵ confidenter præsumimus dimittenda. Ad⁷⁶⁶ ubi ianuas basilicæ eius introiet confusus victusque

satanas, qui hoc supplicium⁷⁶⁷ intolerat, discedens, ipsa extenta⁷⁶⁸ manu, vas quod adhæserat resolutum reliquid.

(23.) Aluid egro huic simile genus miraculi perclaruit. Cum ad locum sepulchri eius adulescens⁷⁶⁹ quidam fuisset exhibitus, omni ex parte poene præmortuus⁷⁷⁰, ita ut ei usus linguæ, aurum manuum ac peduum⁷⁷¹ per omnia fuisset ablatus; septem diebus a custode basilicæ ipsius oleo sancto perunctus⁷⁷² octava die omnia memoratorum⁷⁷³ membrorum officia usui sunt pristine restituta.

(24.) Modo, dum opusculum⁷⁷⁴ hoc emendandum relegerem, mirabilem rem, quæ et auribus et oculis nostris paruit, non omittendam penitus iudicavi. Homini cuidam panis ab usu ciboque cotidiano⁷⁷⁵ fuerat ablatus⁷⁷⁶. A mense ergo⁷⁷⁷ Augusto usque mensem Martium⁷⁷⁸, qui apud nos primus sine dubito vocatur, esca superius memorata fuerat illi denegata. Ad limina ergo sancti convolare, non nisi perfecta fide curavit et cum et iam manus usus ab ore fuisset⁷⁷⁹ retractus. Cumque in basilicam ipsam fuisset ingressus, et panem manducare, et manum mori applicare consuetudine pristina⁷⁸⁰ coepit: sicque gaudens nobis relegentibus supervenit simulque et rogare nos coepit, ut opus quod in eo Dominus sancto intercedente fuerat operatus, opusculo huic inferre debemus⁷⁸¹.

(25.) Hæc interim pro devotione petentium, præ fastidio lectorum breviter credidimus inferenda. Ceterum multa⁷⁸² est, quæ et operatur et operari dignoscitur. Nos ista facere fides conpulit. Vos quæso⁷⁸³ auditores, vosque curiosissimi⁷⁸⁴ lectores, ut quotienscumque hoc opusculum⁷⁸⁵ legere coeperitis, non attendatis inopiam sermonis quam pauper usus⁷⁸⁶ præsumpsit, sed magis vestra ad hoc accendatur devotio: simulque sint lumbi vestri præcincti, et spiritales luceant in manibus vestris lucernæ; et⁷⁸⁷ de vobis, si non possunt meliora, vel similia conscribantur. Finiunt virtutes Sancti Marcellini⁷⁸⁸.

Начинается описание чудес Святого Марцеллина

Глава III

(16) Хотя в предыдущей книге мы рассказали настолько, насколько смогли, в немногих словах о жизни святого Марцеллина, необходимо нам также описать чудеса, которые благодаря божественному милосердию и по сей день совершаются на его могиле. Итак, однажды один человек из числа наиболее бедных, мучимый дьявольскими кознями, прижал руку к груди, и ногти его проросли сквозь плоть до самых внутренностей. И поскольку растущие ногти постепенно приближались все ближе к вместилищу души, этот благочестивый человек пошел к могиле блаженного. Там он, полный веры, начал обмазывать маслом, которое было в светильниках около могилы, свою руку. И в том месте, где застарелая болезнь приняла силу священной жидкости, тут же рука его высвободилась, вышла из тела, и [к нему] прежнее здоровье возвратилось, а рука обрела способность к обычной деятельности. Но я полагаю, что рассказ об этом чуде необходимо дополнить сообщением о некой женщине с изогнутой рукой, которая была излечена таким же образом. (17) То, что я намереваюсь ныне сказать, стало известно и распространилось повсюду; и не только праведные, но и ариане не могли умолчать об общеизвестной истине. Когда к упоминавшемуся уже городу пришел вражеский отряд, местным жителям пришлось запереться внутри городских стен. И еще до того, как они закрыли ворота перед грозившими им врагами, как будто в последней надежде на спасение люди всех полов и возрастов с горечью из-за происходящего пришли к гробнице святого, не переставая со слезами умолять о привычном заступничестве, говоря [при этом]: «Какую пользу, – говорю я, – извлекут твои последователи, о благочестивый Пастырь, из того, что ты поддерживаешь их своим вмешательством во время мира, если ты позволишь теперь, чтобы враги подвергли их смертельным испытаниям? Поведай о нас нынче, как покровительствующий нам, славным ушам того, кто пребывает рядом со всеми, чье сердце находится в смятении. Пусть слезы

наших молитв будут донесены тобой к тому, кто прощал прегрешения наши перед ним. Если уж стенания нас, опутанных грехами, [не слышишь,] то услыши хотя бы плач невинных детей. Пусть не погибнет праведный вместе с нечестивым, пусть наконец не станет местный житель чужеземцем, когда у нас есть столь великий покровитель».

И когда, в соответствии с обрядом мессы они спрвили таинства, и оросили полноту крови Господней потоком рыданий, доверивши себя покровительству блаженного, то зашли обратно в город, обретя силы в том, что дали им их молитвы, или надеясь на милосердие великого поручителя. И вот чудо Ноя, вновь свершившееся в наши дни: тот, кто принял поток слез кающихся, вернул им дары, собранные их заслугами. Ведь было пролито такое множество слез, и в том числе слезы малых детей, просящих о спасении их родителей, а также слезы несчастных матерей, которые пролились в первую очередь, притом что матери и не знали, для кого в действительности льются эти слезы, что они потопили обилие грехов, чтобы не было развязано то, что Бог завязал, а также чтобы не погибло то, чему Бог повелел родиться. «Что ты делаешь, о старейший и святейший отец, почему ты объят сном? Почему не пробудишься ты от стольких побуждений рыдающих? Поднимись же теперь и пошли нам того духовного голубя, который в свое время принес ветвь покрытой зеленью оливы создателю первого ковчега». И действительно, в тот же час, когда они выходили из базилики, они заметили, что крест, находившийся на вершине этого здания, стал двигаться, крутясь вокруг своей оси, как если бы он хотел улететь от тех, кто смотрел на него, совершенно не понимая, что им являет сие знамение. И вот пришло войско, которое ожидали накануне. Однако в любых делах, о Христос, ты являешь такую мощь, что крест теперь спасает тех, кого исцелил уже перед этим. И вот все вновь обрели силы, и все уверовали, что не оставит божественная помощь тех, кого, избавив от опасности, венец из креста наполнил силами: ведь голубь белее снега, золотившийся на свету, вылетел из базилики и сел на башню ворот, намереваясь подать помощь.

Но чему же тут удивляться, если, о Господи, о спасении народа заботился тот самый голубь, который тебя, вошедшего в реку Иордан, чтобы принять крещение, осенил Святым Духом? И так же, как в те дни его волны, нарушив свой привычный бег, обратились вспять, дрожа перед твоим лицом, так и состояние небесных элементов подражало их движению. И вот, когда понеслась туча оперенных вражеских стрел, голубь не двинулся с места. И усилия врагов не приносили им успеха, а посланные стрелы обращались против них самих; и вот, как только минул час, из эфира был ниспослан дождь, размочивший луки, содрогавшиеся в ясное время, и погасивший ярость боя. А после того, как враги ничего не смогли сделать, они ушли домой, унося пустые колчаны. Таким образом, благодаря вмешательству блаженного, старания нечестивцев пропали даром, и они не радовались оттого, что получили там какую-то выгоду. (18.) Так какое же вынести решение? Когда некто, влекомый благочестием и благоговением, пришел в базилику для совершения молитвы, то свой обоюдоострый меч, который нес в руке, из почтения к месту положил перед вратами храма. И вот неожиданно появился другой путник, который схватил меч и попытался тайком унести его. И когда он попытался поспешно удалиться, хозяин меча, совершив молитву, вышел из храма: и, когда он не обнаружил оставленного меча, тут же прибег к помощи Христа и громким голосом возвзвал: «О блаженный Марцеллин! Почто ты освободил меня от оков греха, если уносишь принадлежащее мне? И не пойму я, для чего ты щедро одариваешь меня своим, если не возвращаешь того, что прежде было моим». Когда его волнение из-за произошедшего события немного улеглось, он стал ждать, что же предпримет Раб Божий. И вот тот, кто совершил эту кражу, неожиданно появившись, начал громким голосом каяться в своих преступлениях, говоря, что он был упрежден подстрекательством дьявола. И, что как только стенания пострадавшего достигли ушей Блаженного, он незамедлительно ощутил, как святой Марцеллин сжал его нерасторжимыми оковами. А после того, как вор возвратил меч, он не только очистился от преступления, но и избавился от демона. (19.) Между тем неслучайно мы объявляем о подобных

делах добродетели, должно истолковываемых неверующими, поскольку существуют среди нас те, кто своим благочестием удостоился совершать чудеса, о которых мы повествуем. Ведь есть у нас один человек, украшенный службой пресвитера. В сыне его, пораженном болезнью груди, едва теплилось дыханье; и когда уже у родителей не осталось надежды на спасение и неизлечимым казался тот недуг, по поводу которого они горевали, в материнском сердце зародилось некое упование. Придя в то внутреннее убежище, которое окружало тело святого, она припала к его праху, и, даже когда язык ее уже онемел, а жизнь почти угасла, ее никоим образом нельзя было оттащить прочь до тех пор, пока ее сын не исцелился. Эти дела, Господи, подобны тому, что некогда совершил Илия, который своей молитвой возвратил к жизни единственного сына Сарептской вдовы; своим святым теплом он согрел члены невинного тельца и возвратил свету угасший надолго блеск глаз; и Елисей, будучи уже мертвым, поднимая мертвого в могиле, показал, что не может умереть, твою, Христе, смертью искупленный. Так и у нас, Господи, происходят чудесные дела, совершаемые этим столь великим заступником, и пока живут благодеяния, да не случатся никогда смертельные несчастья. (20.) Что мне сказать, спрашиваю я, или о чем умолчать? Если я расскажу обо всем, то представлю читателям огромный том. Если же я что-то пропущу, то возможно [мой труд] покажется жалким. Но так как многочисленны и безмерны деяния святого Марцеллина, о которых бедность языка моего не в силах поведать, я подумал, что будет достаточно упомянуть те из них, которые с помощью тайных сил получили известность и подкреплены подлинными свидетельствами. Несколько лет назад некая тяжелая болезнь распространилась в различных краях света, а когда истребила она часть народа и стала казаться казнью египетской, то внезапно ею был поражен один из прихожан амбрёнской церкви. И тотчас же нынешний настоятель, имя которого, если найдешь время, не останется [тебе] неизвестным, прибег к могиле святого, как бы в поисках божественной помощи. И пораженное тело больного эссенцией святого масла, как часто мы называем, было натерто; и все

гнойные язвы высохли, да так, что кожа его стала светлее, чем была, и он тут же вышел чистым. Так губительная зараза ушла из города, и известно, что благодаря заступничеству Блаженного болезнь этого рода в тех местах более не появлялась. (21.) Почти в то же время у одной матери единственное дитя, пораженное тяжелейшей болезнью и пребывающее еще в грудном возрасте, находилось на пороге смерти. И когда мать в благочестивом порыве положила его на могилу упомянутого первосвященника и младенческие члены ощутили там живительную силу святого праха, то все оковы болезни были сброшены; побежденная таким образом смерть отступила, и исконный заступник возвратил благость жизни. (22.) Можно добавить также и следующее. Когда одна юная дева, взяв кувшин, отправилась набрать воды, то кисть руки, которой она держала ручку, так защемило, что самые крепкие мужи никаким способом не могли ее высвободить. Но в силах ли бренность людская разъединять или соединять, если не позволит безмерное величие того, в ком пребывает неубывающая в веках сила созидания и разрушения? Особенно мы полагаемся в этом на блаженного мужа, способного победить дьявола там, где мы уверенно осознаем, что должны покаяться в грехах. И вот к вратам его базилики сатана пришел смущенный и побежденный, и, не вынеся молитвы, он удалился, и после того как рука [девушки] сама вытянулась, кувшин, который она сжимала, был оставлен. (23.) И другое подобное чудо стало широко известно. Как-то к месту погребения святого принесли юношу, почти мертвого, который уже не говорил и не слышал, не двигал ни руками, ни ногами. В течение семи дней смотритель базилики натирал его святым маслом, а на восьмой день все упомянутые члены его тела обрели свои прежние возможности. (24.) Недавно, когда я перечитывал это сочиненьице, с тем чтобы подправить его, я решил, что невозможно не включить в него повествование об одном чудесном деле, о котором мы слышали и которое лицезрели. Один человек не мог есть хлеб, составлявший обыкновенно его ежедневный рацион. Итак, с августа и вплоть до марта, который у нас, несомненно, называется первым

[месяцем года], у него не было упомянутой выше еды. И, хотя он уже не мог подносить руку ко рту, однако не поспешил бы к порогу святого, если бы не твердая вера. А после того, как он вошел в саму базилику, то начал и хлеб есть, и действовать рукой по прежнему обыкновению. И вот, радуясь, он пришел к нам перечитывающим текст и тут же начал просить, чтобы рассказ о событии, в котором Господь принял участие, благодаря посредничеству святого, мы вставили в наш небольшой труд. (25.) Мы посчитали, что неприязненное отношение читателей к тому, что здесь кратко изложено, отступит перед благочестием жаждущих познания. Впрочем, многое есть такого, что совершается и достойно быть совершенным. Нас взялся за этот труд побудила вера. Прошу вас, слушатели, и вас, любознательнейшие читатели, чтобы всякий раз, как вы приметесь за чтение этого сочиненьца, вас не настораживала бедность слога, каковая объясняется малой опытностью [автора], но пусть более подвигнет вас к этому ваше благочестие: и равным образом пусть будут подпоясаны ваши чресла, а в ваших руках блестают духовные светочи; и пусть о вас, если не смогут написать лучше, напишут хотя бы подобнее.

Закончено изложение деяний Святого Марцеллина.

Гимн святыму Марцеллину

Incipit hymnus sancti Marcellini et confessoris

Si mihi⁷⁸⁹ linguæ centum sint – milleque ora⁷⁹⁰ resonent totas non possint⁷⁹¹ canere – Marcellini sancti laudibus⁷⁹². De his tantis virtutibus – repleti exultent faucibus⁷⁹³ immensisque⁷⁹⁴ – miraculis⁷⁹⁵ gallus⁷⁹⁶ dispersit similis⁷⁹⁷. Reliquid⁷⁹⁸ mundi divicias⁷⁹⁹ – africanæ⁸⁰⁰ provinciæ Cum sultisque operibus⁸⁰¹ – exultet ibi prædicans. Inluxit⁸⁰² quoque radiens⁸⁰³ – ebredunensis civibus⁸⁰⁴ ut trinitatem nominis – vincula purgaret⁸⁰⁵ lavacrum⁸⁰⁶. Dei repletus gratia⁸⁰⁷ – sancto quoque spiritu⁸⁰⁸ tres suscitavit mortuos – parentum reddit gaudium. Qui fontis sacri⁸⁰⁹ baptismi⁸¹⁰ – tellus⁸¹¹ construxit⁸¹² arida⁸¹³ rivum salvum⁸¹⁴ protulit – nature nova evomens. Interpens⁸¹⁵ apud⁸¹⁶ Domino⁸¹⁷ – optimuit⁸¹⁸ miraculum sicca cunctis temporibus – paschalis replens aquibis⁸¹⁹. Rupi excelsi⁸²⁰ gurgitis – cosantione⁸²¹ flumine orans aclita⁸²² Domino⁸²³ – post tergum fecit alveum. Divis⁸²⁴ dum fidem rennuens⁸²⁵ – pincerne⁸²⁶ calix frangetur⁸²⁷ sanctusque vitrum⁸²⁸ solidans⁸²⁹ – reddit tirandi⁸³⁰ puculum⁸³¹. Provolutus⁸³² vestigio⁸³³ – sanctoque⁸³⁴ pedes osculat⁸³⁵, lavaci effusus gracia⁸³⁶ – milex⁸³⁷ Xpisti⁸³⁸ efficitur. Replens fidem per ambitum – sanctamque sit ecclesia, ministrum suum dirigit – Domino Xpisti⁸³⁹ presole⁸⁴⁰. Qui diniensis (?)⁸⁴¹ opibus – refulgit⁸⁴² sancto antestite⁸⁴³ simul collegam⁸⁴⁴ Vincentium – multis prestans miraculis. Gloria tibi Domine – gloria unigenite⁸⁴⁵ una cum sanctu spiritu – in sempiterna secula. Finit⁸⁴⁶.

Начинается гимн святыму и крестителю Марцеллину

Если бы были у меня сто языков – и тысячи ртов могли говорить, То и тогда не были бы они в силах воздать столь многие хвалы святыму Марцеллину. Пусть об этих великих добродетелях – возвестят наполненные вдохновением уста, И распространится в то же время молва о безмерных чудесах, какие он совершил среди галлов. Он пренебрег мирскими богатствами – африканской провинции И, возложив на себя бремя трудов, – прибыл в Галлию, проповедуя. Одаряя светом – жителей Амбрёна, Чтобы купель крещения – освободила от

цепей имя Троицы. Наполненный Божьей благодатью и святым духом, Он трех мертвцев воскресил – радость родителям возвратил. И источник святого крещения возвел – на иссохшей земле, Непорочный поток породила – новая природа из своих недр. Представ перед Господом – получил способность творить чудеса, Во все времена в пасхальные дни, водой орошая сухую почву. У высокого утеса, где бурлила пучина реки, – он, моля Господа об убежище, заставил поток отступить. Когда у богача, не желавшего креститься, – виночерпий разбил кубок, И святой, соединив осколки стекла, – возвратил тирану чашу, Тот пал на колени – и лобзал святому ноги. И в купели омытый – стал он воином Христовым. И пусть церковь крепнет верой, – полнясь рвением и святостью. Своего служителя крепко сжав в объятьях, – к Господу Иисусу направляет. Того, который блестал божественной мощью, – полученной от святого настоятеля. С коллегой своим совместно, Винкентием, – кто был отмечен многими чудесами.

Слава тебе, Господи, – слава единородному вместе со святым духом на веки вечные. **Гимн окончен**

Житие Святого епископа Цезария. Vita Sancti Cæsarii episcopi.

О житии Цезария

Основной источник, рассказывающий нам о жизни и деяниях Цезария Арелатского, – Житие Цезария (*Vita Cæsarii*), составленное по просьбе Цезарии Младшей, аббатисы Арльского женского монастыря, которая, возможно, была его племянницей. В этом монастыре житие было закончено спустя семь лет после смерти Цезария. Над его созданием трудились пять священнослужителей, которые были лично знакомы с Цезарием. Свой труд они разделили на две книги, и в целом он выдержан в хронологической последовательности жизни Цезария.

Первая книга была выполнена тремя местными епископами: епископом Тулона Киприаном, епископом Узеса Фирмином и епископом Вивенцием⁸⁴⁷. Она охватывает период жизни Цезария от рождения до церковного собора в Оранже (529 г.) и письма папы Бонифация (531 г.). По большей части в ней освещены основные события жизни Цезария: его церковная карьера от монаха до епископа Арля, его нововведения в церковной жизни, административные и проповеднические дарования, а также отношения с епископами и варварскими королями. Авторами второй книги были клирики Арльской церкви, монах Мессиан и дьякон Стефан, которые меньше знали эту сторону его жизни. Эту книгу можно разделить на три части. Первая (II, 2–36) включает топосы о повседневной жизни святого и рассказы об излечении и изгнании нечистой силы благодаря его вмешательству. Вторая часть (II, 38–44) содержит рассказы о чудесах, свершившихся уже после смерти Цезария, и чудодейственности его мощей. Третья часть (II, 45–50) хронологически продолжает первую книгу с момента перехода Арля под власть франкского короля Хильдеберта (536 г.) и завершается описанием последних дней жизни Цезария и его похорон⁸⁴⁸.

Авторы жития просят у своих читателей не критиковать их «стиль изложения за грамматику и отсутствие красноречия», что, безусловно, представляет собой литературный штамп,

которому отдали должное и Иларий, и Иероним, и Августин, и Сидоний Аполлинарий, и сам Цезарий. Текст, хотя и далек от идеала поздней латинской литературы, написан образованными людьми на достаточно правильной латыни как по грамматике, так и по стилю. Это и неудивительно. Ведь Южная Галлия оставалась одним из наиболее романизированных регионов Западной Европы, в частности, в Арле в VI в. большинство прихожан были грамотны и могли сами читать Библию⁸⁴⁹. И хотя авторы жития отличаются друг от друга и по социальному статусу и, возможно, по образованию, этот момент не сильно сказывается на самом тексте, а имеющиеся различия не существенны.

Аутентичность и историческая ценность «*Vita Cæsarii*» давно уже общепризнана и не вызывает больших сомнений у исследователей⁸⁵⁰ прежде всего потому, что авторы жития были современниками Цезария. Так, епископ Тулона Киприан присутствовал на пяти галльских церковных соборах 524–541 гг., на четырех из которых председательствовал сам Цезарий. Епископ Узеса Фирмин участвовал в трех соборах 541–552 гг., Вивенций же подписался под решением Орлеанского собора в 541 г. Мессиан упоминается как нотариус (*notarius*) в письме 514 г. папы Симмаха, адресованном Цезарию. Только о Стефане нигде больше не говорится.

Будучи современниками Цезария, авторы жития обращают внимание на то, что они лично были знакомы с ним и «многие факты были почерпнуты из его рассказов, многие видели сами, а некоторые детали познали со слов почтенных пресвитеров и дьяконов, которые были его последователями»⁸⁵¹. Хорошая осведомленность авторов проявляется также и в том, что текст наполнен историями с участием епископов и аристократов, которые известны нам и по другим источникам. Так знакомство авторов, скорее всего Мессиана, с двором в Равенне отразилось в истории избавления дьяка-врача Хельпиdia, особы известной из писем Авита, Эннодия, Прокопия Кесарийского и Кассиодора как приближенного Теодориха Великого⁸⁵². Факт ссылки Цезария в Бордо упоминается в одном из писем Руриция Лиможского, прием же папой Симмахом

подтверждается в нескольких письмах, дошедших до нашего времени⁸⁵³. Местные аристократы также представлены на страницах жития, такие личности, как Либерий, Парфений и Фирмин, достаточно известны современной историографии⁸⁵⁴. Здесь же фигурируют и религиозные деятели своего времени, например епископ Шалона Сильвестр, аббат Леринского монастыря Порхарий, епископ Арля Эоний, ритор Померий и епископ Евхерий, все они известны по участию в церковных соборах, по письмам или своим религиозным трудам⁸⁵⁵.

Все это дает возможность говорить нам не только о том, что «*Vita Cæsarii*» достаточно достоверный и весьма ценный источник по истории южной Галлии в VI в. И здесь мы можем полностью согласиться со словами В. Клингшерна о том, что без жития наши знания об обществе и церкви Прованса в первой половине VI в. были бы намного беднее⁸⁵⁶.

Однако это совсем не значит, что «*Vita Cæsarii*» не содержит те штампы и шаблоны, которые существовали в то время в агиографии. В этом труде естественно отразилось желание создать образ Цезария, основываясь на уже имевшихся библейских и агиографических примерах⁸⁵⁷, в которых большое внимание уделялось его христианским добродетелям. Особенное место в жизни Цезария, по замыслу авторов, занимало усердие в проповедях, забота об обездоленных, сотворение добрых дел и выкуп пленных. Остальные же важные события его жизни, связанные с его бурной деятельностью на епископской кафедре Арля сначала под властью вестготов, потом остготов и, наконец, франков, либо отодвинуты на задний план, либо по какой-то причине совсем опущены. Сами по себе чудеса Цезария, наполняющие две книги его жизни и в основном связанные с излечением и изгнанием нечистой силы, не несут в себе полезной исторической информации, но именно благодаря этим пассажам мы узнаем достаточно много не только о культуре и быте этого региона, но и о существовавших в то время сельских приходах в окрестностях Арля.

Сам факт, что житие было выполнено по заказу Цезарии Младшей, до некоторой степени определяет цель его создания,

т. е. чтобы через прославление дел святого и описания его подвижнической и аскетической жизни поддержать престиж женского монастыря и предоставить монахиням пример аскетической жизни, которую проповедовал сам Цезарий. Несомненно, что возникновение культа святого Цезария должно было помогать монастырю, в котором хранились мощи святого. Поэтому даже слухи, ходившие у храма апостолов, о чудесной силе мощей Цезария были внесены в *Vita*⁸⁵⁸. Создание этого труда и продвижение культа святого Цезария, несомненно, было в интересах наследников Цезария на епископской кафедре города Арля, которые стремились благодаря развитию этого культа усилить свои позиции в раннесредневековом мире⁸⁵⁹.

Прежде чем обратиться к изложению самой жизни Цезария, хотелось бы остановиться на некоторых моментах. У. Клингшерн в своей монографии (*Cæsarius of Arles: The Making of a Christian Community in Late Antique Gaul*) на основе существующих свидетельств достаточно полно описал жизнь и деятельность Цезария, и эта работа выступает основополагающей для всех, кто обращается к фигуре Цезария. Поэтому мы не погрешим против истины, если скажем, что многие аргументы и выводы были почертнуты из этого замечательного труда. Однако некоторые вопросы ускользнули от внимания исследователя, а может, и намеренно не упомянуты из нежелания исказить выстроенный еще современниками Цезария образ этого, несомненно, выдающегося христианского деятеля. Нам же предоставляется возможность взглянуть на фигуру Цезария не так идеалистически, как хотели показать нам его биографы, а попытаться максимально полно описать его жизненный путь сквозь призму причинно-следственных связей, которые привели его к тому или иному шагу. Также в работе У. Клингшерна заметно поверхностное изложение политической истории этой бурной эпохи и абсолютное нежелание автора вникнуть в мотивы тех или иных действий варварских королей по отношению к самому Цезарию. В результате Цезарий в этом труде предстает перед нами абсолютно отдаленным от окружающих его политических событий. Мы же со своей стороны постарались более полно отразить перипетии борьбы между

королевствами, что позволило нам попытаться понять роль Цезария в системе варварских королевств VI в.

Жизнь и деятельность Цезария арелатского

Юность

Цезарий родился в промежутке между 469–470 гг. в области города Шалона-на-Соне, который, по словам Аммиана Марцеллина, был одним из тех городов, что украшают Первую Лугдунскую провинцию⁸⁶⁰. Как раз где-то в это время Шалон подпадает под власть бургундов, которые активно расширяли свой контроль на всю эту провинцию. Но это не повлекло за собой глобальных структурных перемен, и практически не затронуло интересы местной аристократии, которая сохранила свои привилегии, свое имущество и права⁸⁶¹. Родители Цезария принадлежали к местной галло-римской аристократии, о чем не преминули упомянуть в его житии⁸⁶², и жили, как и многие современные им аристократы, не в самом городе, а на загородной вилле, где и родился Цезарий. Авторы жития, по-видимому, мало знали о молодости и юношестве Цезария, поэтому об этом периоде его жизни известно только то, что он получил достаточно хорошее образование и мог уже в 17 лет поступить на службу к местному епископу Сильвестру в качестве чтеца⁸⁶³. Это свидетельствует о том, что в самом Шалоне продолжали еще свое существование те галльские школы, которые, судя по письмам Сидония, были наполнены прославленными риторами⁸⁶⁴. В этих школах молодые люди из местных видных фамилий могли получить начальное образование и приобщиться к современным знаниям, что в то время еще считалось в высшем классе галло-римского общества.

Кроме того, интересны те мотивы, по которым молодой человек из видной фамилии, вместо того чтобы заняться делами управления имуществом своей знатной семьи, избирает церковь. Однако, как известно, и имущества-то было не слишком много⁸⁶⁵, ибо его семья, хотя и принадлежала к высшим слоям общества, но была к тому времени совсем небогата, что прослеживается на протяжении всей жизни Цезария. Это побуждало молодого честолюбивого человека не сидеть сложа руки, а искать удачи на стороне. К тому же это

время было полно несчастий и войн, в результате которых постоянно можно было ожидать плены и разорения, грозивших как простым людям, так и знатным⁸⁶⁶. В связи с этим над семьей постоянно висела угроза потерять последнее. Еще совсем недавно честолюбивые люди направлялись в Италию к имперскому двору, где искали должностей, примыкая к тем или иным политическим партиям. Но та карьера, что совсем недавно, казалось, еще была доступна для Сидония, в 480-е гг. уже была невозможна в принципе. Западная Римская империя медленно сошла со сцены, а на ее место пришли королевства под предводительством различных варваров, которые не нуждались уже в таком большом чиновничем аппарате. И для поколения Цезария такая возможность продвинуться и сделать карьеру полностью исчезла. Единственное, что осталось от империи, – это христианская церковь, которая как раз и могла предложить молодому человеку достойную карьеру. Более того, во вновь образованных варварских королевствах получение епископского сана означало для галло-римских аристократов обретение самого влиятельного и прочного положения, на которое они могли рассчитывать⁸⁶⁷. Поэтому выбор молодого человека в пользу церкви вполне логичен. И полностью соответствует тому, что мы знаем о его современниках из галлоримской аристократии⁸⁶⁸. Кроме того, Цезарий имел живой пример успешной карьеры на этом поприще – своего родственника Эония, который стал епископом города Арля, одного из самых значимых и богатых городов в Галлии.

Таким образом, в 486/7 г. Цезарий приступил к службе под началом епископа Шалона Сильвестра и прослужил там в этом качестве около 2 лет⁸⁶⁹. Однако потом он принимает решение покинуть отчество. У. Клингшерн приводит несколько причин для этого решения. Во-первых, молодой и амбициозный аристократ, скорее всего, чувствовал, что перспективы его продвижения по церковной иерархии на родине весьма невелики, так как его семья, похоже, не имела родственных связей с семьей, контролировавшей епархию в Шалоне. Во-вторых, как раз примерно в это время его родственник занимает епископскую кафедру в Арле, и на юге он мог рассчитывать на

лучшие перспективы⁸⁷⁰. Если первое утверждение немного спорно, мы просто ничего не знаем о связях семьи Цезария при епископе Сильвестре, но если Цезарий там служил, то перспективы все-таки какие-то были. Но они не шли ни в какое сравнение с тем, что мог предложить Леринский монастырь при наличии родственника епископа Арля. Со дня основания этого монастыря связь между Арлем и Лерином была крепка и всем известна, из него вышли такие епископы Арля, как Гонорат и Иларий. На тот момент он был кузницей кадров для церкви, из которой вышли многие христианские деятели того времени⁸⁷¹. Желающих попасть туда, по-видимому, было немало, и попасть в ряды этой общины было довольно сложно.

Цезарий в Леринском монастыре

Однако Цезарий направляется туда в сопровождении лишь одного раба и, по всей видимости, имея при себе рекомендательное письмо некого покровителя⁸⁷². Аббат Порхарий принимает Цезария. Тот покровитель, вероятно, был настолько влиятелен, что Цезария сразу же назначают келарем общинны – на должность, достаточно влиятельную в общине. Таким образом, он становится одним из ее важных руководителей и распоряжается ее имуществом. И сопоставив все это, мы не погрешим против истины, если скажем, что под маской некоего покровителя скрывался его родственник, епископ Арля. Абсолютно очевидно, что только заступничество епископа Эония могло помочь в одночасье из простого чтеца сделаться келарем крупнейшей и влиятельнейшей монашеской общинны Запада, тесно связанной с епископатом Арля⁸⁷³. Естественно, на этом поприще Цезарий столкнулся и с оппозицией из людей не менее знатных, но давно уже живущих в общине и, по их мнению, более достойных этой должности. И очень скоро часть монахов выступила против Цезария, потребовав от настоятеля смещения Цезария с должности, что вскоре и было сделано⁸⁷⁴. Мы не можем с полной уверенностью утверждать, действительно ли Цезарий ненадлежащим образом исполнял свои обязанности, как утверждали монахи аббату, или же это были всего лишь происки оппозиционной к нему партии, но факт остается фактом: карьера Цезария, совсем недавно казавшаяся столь безоблачной, дала первый сбой. В связи с этим событием его авторитет в общине стал минимальным, противоборствовавшая же ему партия восторжествовала. В таких условиях Цезарий решается на практически полный разрыв с общиной, начинает пренебрегать укоренившимися нормами общежительного монашества в Галлии, особенно теми, которые были заложены авторитетом Кассиана. Пытаясь восстановить свой пошатнувшийся авторитет, он начинает вести на острове отшельническую жизнь и, подобно египетским отцам-пустынникам, истязать свое тело жесткой аскезой⁸⁷⁵. На наш

взгляд, все это было достаточно продуманным решением, поскольку добровольный уход с Лерина не сулил его дальнейшей карьере ничего хорошего, а нахождение в этой монашеской общине больше не оправдывало его честолюбивых стремлений. Цезарий не мог не знать, что чрезмерный пост может привести к лихорадке (об этом писал еще Кассиан⁸⁷⁶). Он начинает терзать свое тело самым жестоким постом, даже его биографы полагали, что он зашел в этом слишком далеко⁸⁷⁷. И, естественно, он вскоре серьезно заболевает лихорадкой. Хотя на острове был врач, Цезарий настолько сильно запустил болезнь, не желая изменить свою аскетическую практику, что аббат Порхарий вынужден был отправить его для лечения в Арль⁸⁷⁸. Добившись своего, Цезарий прекращает поститься и начинает жить в Арле, ничем больше не проявляя тех своих твердых убеждений, которые не позволяли ему умерить свой пост на Лерине. Это еще раз дает нам основание полагать, что все это было спланированной акцией Цезария, чтобы без потери репутации покинуть Леринский монастырь.

Хотя само пребывание в Леринском монастыре нельзя назвать удачным периодом его жизни, все же то недолгое время, которое Цезарий провел там, дало ему и некоторые положительные плоды. Там он смог более глубоко познать традиции монастырской жизни в одной из «колыбелей» ее изучения на Западе. Так как Леринский монастырь был в то время скорее центром обучения монастырской жизни, чем центром теологии⁸⁷⁹. Там же Цезарий впервые продемонстрировал свой характер и умение находить выходы из, казалось бы, тупиковых ситуаций. Он приобрел первый неоценимый опыт управления и манеры поведения при наличии сильной противодействующей ему партии. И хотя этот первый опыт был неудачен, но он, как мы увидим в дальнейшем, многому его научил.

Прибытие в Арль

Цезарий, потеряв перспективы в Леринском монастыре, покинул его и прибыл в Арль, но не как человек, не прижившийся в знаменитой общине, но как тот, которого в Арле окружающие иногда называли «достойным уважения и выдающимся монахом»⁸⁸⁰. По прибытии он был представлен местному кругу аристократов – некоторые из них небезызвестны для нас⁸⁸¹, – а также продолжил свое образование под руководством известного ритора Померия, который иммигрировал в Арль из Северной Африки и был видным последователем Августина. Именно от него и исходят основные идеи реформирования церкви, которые Цезарий впоследствии проводил в жизнь⁸⁸². Цезарий относится к тому поколению церковных деятелей, которые наравне с христианскими науками в достаточной мере познавали и труды античных авторов, и в особенности риторику, весьма популярную в высших кругах того времени. Знание риторических приемов и античных авторов обнаруживается в его проповедях⁸⁸³, об изучении же им светских наук напрямую говорится в его житии⁸⁸⁴.

Пример Цезария лишний раз показывает достаточно высокий уровень образованности и эрудированности среди как высших духовных лиц, так и высших кругов аристократии, из которых те и формировались в то время на юге Галлии и, в частности, в Арле.

Как уже отмечалось, Цезарий не выказывал никакого желания вернуться в Леринский монастырь и Эоний вытребовал его из-под власти аббата Порхария, ввел его в число своего клира, взяв, таким образом, развитие его дальнейшей карьеры под свой непосредственный контроль. Как и следовало ожидать, молодой человек стал стремительно подниматься в церковной иерархии. И вскоре он был назначен дьяконом, потом пресвитером, а когда умер аббат Арльского мужского монастыря, Эоний на освободившееся место назначил Цезария⁸⁸⁵. И тот, не достигнув еще и 30-летнего возраста, возглавил монашескую общину. В этом качестве он проработался

около трех лет и, по словам его биографов, приучил монахов к дисциплине и воссоздал этот монастырь.

В этот момент произошло одно знаменательное событие, которое не нашло никакого отражения в «Житии Цезария». А именно – Прованс был отторгнут от бургундов и перешел к вестготскому королю Аларику II. Не вдаваясь глубоко в перипетии предыдущих политический событий в этом регионе, стоит отметить лишь, что в V в. Прованс, и в частности Арль, несколько раз переходил из рук в руки, а к 500 г. находился под властью бургундов⁸⁸⁶. Но в 500 или 501 г. в Бургундском королевстве произошел очередной этап междуусобной борьбы, в которую вмешались и соседние королевства. Бургундский король Гундобад был разбит войском франкского короля Хлодвига близ Дигона, Гундобад, преследуемый Хлодвигом, скрылся в Авиньоне⁸⁸⁷, и казалось, что участь его была уже предрешена. Но Гундобад находит себе союзника в войне против врагов, им становится вестготский король Аларих II, который давно уже враждует с Хлодвигом. Гундобад заключает союз с Аларихом⁸⁸⁸, но взамен он, по-видимому, был вынужден передать контроль над Провансом, и в частности Арлем, Аларику. В результате этого Аларих двинулся к границам франков, и Хлодвиг, дойдя до Вьенны, вынужден был вернуться в свое королевство, опасаясь нападения вестготов⁸⁸⁹. Благодаря этому, Гундобад получил необходимое ему время, за которое он смог заново собрать силы и вернуть себе Бургундское королевство. Однако он вынужден был на время смириться с потерей выхода к Средиземному морю и экономически важного региона с крупнейшими городами Арль и Марсель.

Во время этих бурных событий епископ Арля Эоний, предчувствуя свою скорую кончину, пожелал передать епископскую кафедру Арля в руки своего родственника Цезария. Определение епископом своего преемника, хотя такие попытки и предпринимались в то время постоянно, все же напрямую противоречило церковному принципу свободного выбора должности епископа⁸⁹⁰. Однако Эония это не смущало, и он всего лишь спустя 3 года после того, как сделал Цезария

аббатом, обратился к народу, клиру и господам, «чтобы они, когда он сам по воле Бога отойдет к Христу, решили, что никто другой, кроме Цезария, не будет назначен ему наследником»⁸⁹¹. И когда, по мнению Эония, согласие в этом вопросе было получено и все надежно устроено, Эоний спокойно скончался, уверовав, что кафедра останется в руках его семьи.

Если подытожить жизнь Цезария до этих пор, то становится очевидным, что с момента ухода Цезария из Шалона эта жизнь, ведомая умелой рукой Эония, была строго выстроена и подчинена одной цели – стать преемником Эония на епископской кафедре. Таким образом, можно утверждать, что Эоний изначально хотел видеть в Цезарии своего преемника и готовил его к этому, несмотря на все желание биографов Цезария заретуширивать это.

Выборы епископа Арля

После кончины Эония Цезарий лишился уже привычной поддержки и должен был сам бороться за то наследие, которое вроде бы уже было оставлено ему. Как и в ситуации в Леринском монастыре, нашлись недовольные этим предопределением, у которых был свой кандидат на эту должность. Если учесть, что Арль был одним из самых крупных и значительных галльских городов и в поздней Римской империи практически стал центром Галлии, а из повествования Григория Турского мы знаем, что и за намного более скромные кафедры развертывалась настоящая борьба, то неудивительно, что желающих занять вакантное епископское место было в избытке. Развернулась борьба за кафедру, в которой, судя по древнейшим *fasti* Арля, первое время победу одерживала противоборствующая Цезарию партия, выбрав епископом некоего Иоанна⁸⁹². К сожалению, нам неизвестны детали этой борьбы, так как авторы жития решили вообще не упоминать об этом. Но сущность столкновения мы можем представить, если обратимся к аналогичной борьбе, завязавшейся за несколько лет до этого за папский престол в Риме. В ходе этой внутриобщинной борьбы за контроль над богатствами церкви кандидаты опирались и выражали интересы различных сил внутри самой общины. Симмах ориентировался на простой народ и клир, а Лаврентий на поддержку сената⁸⁹³. Дабы завоевать поддержку народа и клира, Симмах проводил в жизнь откровенно популистскую стратегию, возводя церкви и действуя как покровитель бедных (*amator pauperum*), регулярно раздавая одежду и пищу⁸⁹⁴. Кроме того, он также известен как освободитель пленных (*redemptor captivorum*), которых он выкупал в Лигурии, Милане и различных провинциях⁸⁹⁵. Если забежать немного вперед, то станет понятно, что Цезарий выбрал точно такую же стратегию: он возводил христианские постройки, раздавал одежду и пищу, выкупал пленных. И по аналогии с борьбой за папский престол становится очевидным, что и в Арле при избрании нового епископа столкнулись две

противоборствующие силы. Цезарий ориентировался на простой народ и клир, а Иоанн, скорее всего, был ставленником местной муниципальной знати.

Из «Жития Цезария» можно заключить, что борьба была настолько ожесточенной, что Цезарий, по-видимому, даже опасался за свою жизнь. И судя по сообщениям его биографов, был вынужден скрываться на кладбище в тайнике⁸⁹⁶. Все перипетии этой борьбы нам не известны. Однако борьба за кафедру продолжалась от 4 до 16 месяцев, и неизвестно, по причине ли смерти Иоанна, или по какой-либо другой, но в декабре 502 г. Цезария все-таки избирают епископом.

Сам Цезарий не обладал какими-либо богатствами, чтобы с их помощью полностью владеть ситуацией в общине и смягчить оппозицию. Поэтому единственным выходом для него было показать себя истинным христианским епископом, завоевывая общее уважение безупречным и примерным поведением⁸⁹⁷. Впитав в себя за время обучения идеи Августина и Померия, Цезарий сразу же проводит ряд небольших реформ во вверенной ему общине, направленных на привлечение все большего количества людей к христианскому культу. Он вслед за Амвросием Медиоланским, который считал проповедь главной обязанностью епископа, начинает свою проповедническую деятельность, прославившую его в веках. А также по тому же примеру распоряжается ввести в богослужение антифонное пение гимнов, когда попеременно с хором специально обученных певчих пел весь народ, собравшийся в церкви Святого Стефана⁸⁹⁸. Кроме того, он сам продолжает вести простой образ жизни, поддерживая свою репутацию аскета, которую он принес с Лерина, что не могло не сказаться на расположении к нему простого народа⁸⁹⁹. С этой же целью и в подтверждение своей репутации покровителя бедных он организует и больницу в Арле, наняв туда врача. Там он настаивал принимать всех больных, несмотря на их бедность⁹⁰⁰. Также он сразу демонстративно отказывается от управления хозяйством, отдав это на откуп управляющим и дьяконам, а сам полностью сосредоточивается на воссоединении расколившейся за время борьбы христианской

общины города⁹⁰¹. Цезарий принимает и пытается привлечь на свою сторону епископов, пресвитеров и служителей всех церквей, «одних – сладкими речами, других – более суровыми, одних – ласками, других – угрозами»⁹⁰². Такая политика принесла свои плоды, позиции Цезария внутри общины стали постепенно усиливаться. Это вкупе с тем, что Цезарий стал настоятельно пытаться привести жизнь клира к некой более аскетичной модели *vita perfecta*⁹⁰³, не могло устраивать всех, и вполне логично, что оставались и недовольные как избранием Цезария, так и проводимой им политикой. Поэтому борьба за кафедру не закончилась.

Первое обвинение и ссылка в Бордо

Вскоре Цезарий отправляется ко двору вестготского короля Алариха II⁹⁰⁴, где сначала находит помощь и поддержку. Аларих II дарит ему деньги и освобождение от налогов для Арльской церкви, что еще больше укрепило авторитет Цезария внутри общины и стало дополнительным козырем против оппозиции. Аларих II же, одарив Цезария, пытался заручиться поддержкой новоизбранного епископа Арля и тем самым еще более привязать эту вновь приобретенную область к своему королевству. К тому же политический расклад в Галлии изменился. Гундобад, отвоевав свое королевство, не хотел мириться с потерей Прованса, так как, по-видимому, этот регион был очень важен для бургундского двора. Уступка Алариху II Прованса – это в свое время показалось единственно возможным выходом из критической ситуации, в которую попал Гундобад, – фактически отрезала Бургундское королевство от средиземноморской торговли и доходов с богатейших городов и портов в этом регионе. С этим Гундобад смириться не смог, и в 503 г. он заключает союз со своим бывшим врагом Хлодвигом, направленный против Вестготского королевства. Поэтому Алариху II очень нужен был лояльный ему епископ в Арле. Поэтому он не только одарил деньгами Цезария, но и пошел на еще более широкие жесты в пользу Арльской церкви.

Однако оппозиционно настроенные по отношению к Цезарию круги решили воспользоваться ситуацией и дискредитировать его перед лицом Алариха II. Некий писец Луциниан, состоявший на службе у Цезария, донес через ближайших советников Алариху, что Цезарий «всеми силами желает подчинить город Арль и его территорию власти бургундов»⁹⁰⁵. Как уже говорилось выше, Аларих II связывал с Цезарием определенные надежды, и сомнительно, чтобы он в той ситуации поверил бы простым наветам. Поэтому такое обвинение должно было быть чем-то подкреплено. Луциниан, будучи писцом при Цезарии и зная о его тайной переписке, возможно, предъявил какие-то доказательства. Иначе трудно

объяснить, почему после столь благостного приема последовала ссылка.

Биографы Цезария, естественно, утверждают, что все обвинения против него были вымышлены и сам святой отец был абсолютно не виновен. Однако мы можем привести ряд причин, по которым Цезарий мог стремиться передать город власти Гундобада. Сам Цезарий был уроженцем Шалона, который находился на территории Бургундского королевства. К тому же, как уже говорилось выше, Арль лишь совсем недавно перешел вестготам, тем самым нарушив сложившиеся связи между семействами по разные стороны внезапно образовавшейся границы между двумя враждебными друг другу королевствами. Такие отношения, по-видимому, образовались после союза Гундобада с Хлодвигом (503 г.). Аларих II не мог питать иллюзий и сомневаться по поводу того, против кого направлен этот союз. Кроме того, король Гундобад хорошо относился к католическим епископам, что особо отметили собравшиеся в 499 г. на соборе в Лионе, а ряд членов королевской семьи бургундов приняли христианство в форме католичества⁹⁰⁶. Цезарий же, если бы находился под властью бургундского короля, будучи там по положению фактически «первым среди равных» епископом, мог существенно влиять на положение своей семьи, оставшейся в Шалоне. И возможность помочь своей не столь богатой семье и уберечь ее от опасностей еще в юности послужила одним из факторов при выборе Цезарием своей стези. Этот довод можно считать достаточно убедительным, к тому же его обвинитель Луциниан именно это приводит в подтверждение своих обвинений⁹⁰⁷.

Кроме того, появившаяся граница отделяла не только Цезария от семьи, но и разделила Арльскую митрополию, которая теперь состояла из двух частей. Севернее р. Дюранс под властью бургундов остались 11 диоцезов, которые формально должны были подчиняться епископу Арля Цезарию, но фактически ими руководил епископ Вьенны. В непосредственной власти Цезария оказались лишь те земли, которые были под властью вестготского короля. Перейдя же к Гундобаду, Цезарий смог бы воссоединить отрезанные границей

диоцезы с Арлем и восстановить свой контроль над ними, что в глазах Цезария не могло не служить важным фактором.

Если же посмотреть, какие привилегии могло принести владычество вестготского короля для Цезария, то мы можем упомянуть все то же освобождение от налогов, которое Аларих даровал Арльской церкви. Это еще раз показывает, насколько для Алариха II был вынужден такой шаг, который должен был компенсировать те затруднения, которые возникли при вынужденном разделе Арльской митрополии. Однако не совсем ясно, насколько этот шаг компенсировал все те явные преимущества, которые могло дать пребывание под властью Гундобада. Ведь если бы Арль перешел к бургундам, Гундобад мог своей властью подтвердить те льготы, которые даровал Аларих II, тем самым отрезав последнюю нить, связывавшую Цезария с вестготским королевским двором. Кроме того, если заглянуть немного вперед, то в связи с этим стоит вспомнить поведение Цезария во время осады Арля франко-бургундскими войсками в 508 г. В тот момент он тоже повел себя недостаточно лояльно по отношению к вестготам и, по всей видимости, был не прочь передать город осаждавшим⁹⁰⁸, но ему помешали горожане и готский гарнизон. Этот эпизод показывает, что для Цезария дарованный Аларихом II иммунитет не смог полностью компенсировать преимущества, которые он получил бы, пребывая под властью Гундобада.

Приняв во внимание все вышесказанное, можно прийти к мнению, что обвинения Луциниана, скорее всего, не были беспочвенными. Хотя мотивы Луциниана как сторонника оппозиционной Цезарию партии легко объясняются желанием дискредитировать Цезария в надежде на новое избрание епископа⁹⁰⁹, что само по себе не исключает возможной виновности Цезария. Он имел поводы для недовольства сложившейся политической ситуацией в первые годы своего епископства, но имел ли он в то время силы и возможности для непосредственного осуществления приписываемого ему замысла, остается неясным. Скорее всего, нет. Но Аларих имел формальные основания для ссылки Цезария и решил воспользоваться этим в своих интересах. Хотелось бы

подчеркнуть, что эта ссылка не имела под собой никакой религиозной подоплеки и была связана с чисто политическими мотивами. Поэтому ее нельзя привести как пример гонений против католического духовенства при Аларихе II.

Итак, в 505 г. Цезарий отправляется из Тулузы в ссылку в Бордо. Примечательно место ссылки Цезария: его отправляют не подальше от границ, а именно в Испанию, как до него епископа Тура Волузиана⁹¹⁰. Цезарий направляется в Бордо, город, который еще совсем недавно был атакован и взят франками⁹¹¹. Однако в 120 км южнее Бордо в то время собралась комиссия из галло-римских епископов и знати, которая занималась составлением «Бревиария Алариха». То, что этот сборник составлен при непосредственном участии галло-римских епископов, безусловно, отражается в тексте самого «Бревиария»⁹¹². Место же и время ссылки Цезария, несомненно, указывают на его персональную вовлеченность в деятельность этой комиссии. Таким образом, это была скорее не ссылка, а в современном понимании – длительная командировка, в процессе которой Цезарий должен был доказать свою лояльность Вестготскому королевству участием в выполнении одного из замыслов Алариха II. Примечательно, что как только «Бревиарий» был одобрен епископами и некоторыми провинциалами и обнародован 2 февраля 506 г., Цезарию тут же было позволено вернуться в Арль⁹¹³, тем самым еще раз указывая нам на его непосредственную вовлеченность в создание и утверждение «Бревиария».

Возвышение после ссылки

Проявив свою лояльность в процессе разработки и утверждения «Бревиария», Цезарий, по-видимому, удостаивается особого расположения со стороны Аларих II, который примерно в это же время решается созвать всех галло-римских епископов своего королевства на собор в г. Агд. Цезарий, несомненно, был в курсе приготовлений к этому событию и даже обсуждал их с Рурицием Лиможским⁹¹⁴. Аларих II понимал, что поддержка в этом вопросе со стороны епископа самой влиятельной кафедры в южной Галлии необходима и не может не сказаться на общем успехе этого мероприятия. Неудивительно, что Цезарий получает право председательствовать на этом соборе, который начался в конце лета 506 г. и завершился 10 сентября. Первый в своем роде «национальный» собор галльских епископов Вестготского королевства в общем прошел удачно. Епископы, подписав каноны, подготовленные в том числе и непосредственно Цезарием⁹¹⁵, разъехались по своим епархиям с уверенностью, что такие мероприятия теперь будут регулярными. На следующий год в Тулузе был намечен еще один собор, на котором должны были присутствовать и епископы Испании. В этот период Цезарий стал одним из определяющих лиц в Вестготском королевстве, он хорошо вписался в концепцию консолидации галло-римского общества под властью вестготского королевского дома, которую задумал Аларих II. И он с воодушевлением принял на себя эту роль, что можно понять из тона письма, в котором он призывал все того же Руриция Лиможского, отсутствовавшего в Агде, посетить намечающийся собор в Тулузе⁹¹⁶.

Примерно в это же время в рамках своей популистской стратегии Цезарий распоряжается начать постройку женского монастыря недалеко от Арля. Однако сам монастырь он собирался вручить в управление своей сестре Цезарии, которую специально подготовливал на роль аббатисы в новом монастыре, для чего отправил ее в старейшую в Галлии

женскую обитель – Марсельский женский монастырь. В Марселе Цезария должна была познать основы монастырской жизни, заложенные в начале V в. Кассианом⁹¹⁷. Интересно отметить тот факт, что Цезарий, после того как стал епископом, практически не обращает внимания на Арльский мужской монастырь, аббатом которого он был несколько лет. Более того, сам этот монастырь приходит в некоторое запустение, на его землях пасутся кабаны, а местная знать устраивает там охоты⁹¹⁸. Это выглядит странно, наряду с той заботой, которой он окутал свое новое детище. Объяснение этому можно найти в том, что Цезарий, как уже не раз подчеркивалось, большое внимание уделял родственным связям. Мы мало знаем о его близких родственниках мужского пола, а тот факт, что он не предпринимал попытку оставить кафедру за своей семьей, что было достаточно распространенной практикой в то время, наводит на мысль, что достойных представителей для этого просто не было⁹¹⁹. Женская же половина его семьи была более подходящей для его планов. Это и заставляет его заняться обустройством женского монастыря, который должен был стать оплотом его семьи в Арле⁹²⁰.

«Вестгото-франкская война» и второе обвинение Цезария

В 507 г. в разгар всех этих событий и приготовлений франки в союзе с бургундами начинают войну против вестготов. Хлодвиг с сыновьями, перейдя Луару, вторгается в Вестготское королевство. Аларих II, выступив против Хлодвига, терпит тяжелое поражение близ Пуатье и сам погибает во время битвы. Франки стремительно занимают Аквитанию, захватывают и разграбляют столицу Вестготского королевства Тулузу. Вестготское королевство стоит на грани полного краха. Ситуация осложняется тем, что после внезапной смерти Алариха II возникла проблема престолонаследия в королевстве. Амаларих, сын Алариха II и дочери короля остготов Теодориха Великого, был еще слишком мал, чтобы организовать сопротивление франкам, к тому же он был осажден в Каркассоне вместе с оставшейся казной королевства. Вестготы в столь сложный период сплачиваются вокруг Гезалиха, незаконнорожденного сына Алариха II. Однако на тот момент перспективы Вестготского королевства были достаточно туманны.

Арль во время этой войны подвергся осаде со стороны франков и бургундов⁹²¹, но готский гарнизон и горожане стойко держали его оборону. Сам же Цезарий, как уже упоминалось выше, во время осады повел себя не лояльно готам и был арестован по подозрению в попытке сдачи города осаждавшим. Его даже пытались удалить из города и под стражей поместить в крепость Бокер выше по Роне, но условия осады не позволили это сделать⁹²². Причины, побуждавшие Цезария желать сдачи города бургундам, существенно не изменились с 505 г., когда он впервые был обвинен в этом. А в связи со смертью Алариха II, который на время смог включить Цезария в круг своих сподвижников, и в то время, когда королевство вестготов находилось на краю гибели, эти причины вновь всплыли на поверхность. В связи с этими обвинениями Цезарий находился в весьма затруднительном положении и даже мог погибнуть. Но

он и его сторонники сумели отвести от себя удар. Они распространяли слухи, что на самом деле евреи собираются сдать город. А в доказательство своих обвинений предъявили явно подложное письмо с планом сдачи, якобы найденное за стенами города при очередной вылазке⁹²³. После того как он показал католической общине города «истинного врага» в лице евреев, Цезарию становилось проще манипулировать общественным мнением. А так как, по словам биографов Цезария, евреи активнее всех обвиняли его⁹²⁴, то трюк с письмом позволил заставить католическую общину сомневаться в обоснованности самих обвинений против Цезария и выступить в поддержку своего епископа. Получилось столкнуть иудейскую и католическую общину внутри города, и тем самым сами готы были поставлены перед выбором, какую из сторон им поддержать. Естественно, что в условиях осады они были вынуждены поддержать сторону более многочисленной и доминирующей католической общине, так Цезарий был освобожден и восстановлен в правах, а иудейская община стала заложницей сложившейся ситуации и подверглась наказанию⁹²⁵.

В то время как положение нового короля вестготов Гезалиха оставалось крайне трудным, оно стало еще более тревожным, когда Гундобад захватил его резиденцию – Нарбонн, и Гезалиху ничего не осталось, как бежать в Барселону⁹²⁶. В Южной Галлии сопротивляться вражеским нападениям продолжали только Арль и Каркассон. Однако на политической арене Галлии появляется новая сила, которая полностью меняет диспозицию в этом регионе. Состоявший в союзе с Аларихом II король остготов Теодорих, задержанный враждебными действиями Византии, летом 508 г. все-таки посыпает свои войска на помощь в Галлию. Остготское войско разбивает осаждавших франков и бургундов и в конце 508 г. снимает осаду с Арля, приведя в него бесчисленное количество пленников⁹²⁷. Две армии устремляются на территорию бургундов, которые вынуждены были вернуться за р. Дюранс, чтобы защитить свои дома. В 509 г. остготы отбивают у врагов Нарбонн и снимают осаду с Каркасона, освободив при этом

малолетнего Амалариха, внука самого Теодориха. А уже в начале 510 г. произошла крупная битва с франками, в которой остготский полководец Ибба уничтожил около 30 тыс. врагов, что охладило пыл франков⁹²⁸. Таким образом, вторжение с севера было остановлено. Однако Теодорих не ограничился выполнением только своих союзнических обязательств, обнаружив полную немощность Вестготского королевства, он присоединил Прованс к своему королевству. На этой территории он воссоздал Галльскую префектуру со столицей в Арле, объясняя это свое действие намерением спасти провинцию от варваров и вновь включить ее в «Римскую империю», восстановление которой он провозгласил⁹²⁹. Кроме того, видя слабость Гезалиха, Теодорих с легкостью смещает его. Гезалих к тому же столкнулся с оппозицией среди своего собственного окружения⁹³⁰, по-видимому, недовольного слабостью своего короля. И Гезалих был вынужден снова бежать, но на этот раз в Африку, ко двору вандальского короля Трасамунда. Там он находит понимание, но Трасамунд не решается открыто поддержать Гезалиха и ограничивается финансовой помощью, благодаря которой Гезалих возвращается и собирает войска. Но и на этот раз он был разбит Иббой под Барселоной. После этого он пытается скрыться при бургундском дворе, но, немного не добравшись до его пределов, он был настигнут преследователями и убит. Примерно с 511 г. Теодорих начинает править Вестготским королевством от своего имени, не обращая внимания на законные права своего малолетнего внука Амалариха, которого оставил при себе⁹³¹. В результате этих бурных событий у Арля появился новый правитель – король остготов Теодорих Великий.

Выкуп пленных

Сам город, по-видимому, не сильно пострадал, однако, вся округа была разорена осаждавшими и лежала в руинах. Городу грозил голод и нехватка всего необходимого, что потребовало от Теодориха принять меры. И он распорядился выделить средства для помощи городу, а также временно освободить его от налогов⁹³². Цезарий во время осады сумел выкрутиться из сложной ситуации, но эта история не могла не сказаться на его репутации. Кроме того, были и материальные потери. Лежал в руинах находившийся за стенами города женский монастырь, который начал возводить Цезарий, и это очень сильно огорчило епископа⁹³³. Город наполнился множеством пленников, захваченных готами. Среди них были франки и бургунды, а также, возможно, и галло-римляне, захваченные готами в ходе рейда на бургундскую территорию. По обычаю, их должны были или выкупить, или продать в рабство. И именно в этот момент, когда Цезарию было необходимо поддержать свой пошатнувшийся авторитет, он начинает проявлять необычную для своего времени опеку над пленными. «Он вдоволь раздавал им, находящимся в огромном недостатке, пищу и одежду, пока не выкупил их всех по одному». Это была уже подзабытая практика, подкрепленная авторитетом многих святых отцов, которые причисляли ее к одним из основных обязанностей епископа. Она, несомненно, должна была поднять персональный престиж епископа⁹³⁴. Цезарий, не имея собственных средств для выполнения этого, обращается к средствам церкви. Провозгласив столь благочестивый мотив своего поведения, Цезарий начинает беспощадно распродавать имущество церкви, не жалея ничего, даже украшений храма, которые сбивали топорами⁹³⁵. Но вырученных от этого средств ему не хватает, и в многочисленных проповедях он призывает свою паству делать пожертвования на эти цели⁹³⁶. Но от нас не может скрыться тот факт, что в этот же момент, когда ему не хватает средств для выкупа пленных, Цезарий не оставляет попыток возвести женский монастырь для сестры. Он

отказывается возводить его на старом месте, ввиду постоянной угрозы новых вторжений, и находит новое место под строительство в городе под защитой городских стен. Безусловно, что для этого мероприятия нужны были большие средства, которыми Цезарий не располагал. Но, воспользовавшись представившимся ему случаем, он нашел предлог, под которым он мог достаточно бесконтрольно распоряжаться средствами и имуществом церкви. Именно забота о пленных и их последующий выкуп послужили некой «ширмой» для строительства женского монастыря. Освящение монастыря произошло 26 августа 512 г., и первой аббатисой, конечно же, была назначена его сестра Цезария.

Кроме того, биографы не дают усомниться в том, что особое предпочтение в освобождении он оказывал всем пленным с бургундской территории, а именно – «из-за Дюранса, и в основном из города Оранжа», который был захвачен готами во время войны⁹³⁷. Своей заботой об этих людях, которые исходя из церковного деления должны были находиться под его пастырским контролем, но фактически выпали из-под него в связи с политическим делением Галлии, Цезарий еще раз демонстрировал свои церковные притязания на те диоцезы, которые попали под власть бургундов и фактически управлялись епископом Вьенны. И он не собирался отказывать в помощи людям, которые хотя и формально, но были под его пастырским контролем⁹³⁸. Итак, Цезарий благодаря практике выкупа пленных – не считая того, что он просто помогал людям, попавшим в отчаянную ситуацию, – во-первых, сумел значительно повысить свой авторитет как внутри общины, так и за ее пределами, так как молва о его благодеяниях быстро разнеслась по Западу; во-вторых, еще раз показал, что не намерен отказываться от тех диоцезов, которые фактически вышли из-под его контроля; в-третьих, получив благодаря этому предлогу бесконтрольный доступ ко всему имуществу церкви, воспользовался им, в том числе и для воплощения своей мечты, а именно – постройки и организации женского монастыря для своей сестры.

Третье обвинение и пребывание Цезария в Равенне

Вся деятельность Цезария на поприще выкупа пленных показывает непрекращающиеся тесные контакты между ним и бургундским королевским двором, которые не прерывались и с окончанием войны. Если о контактах с Гундобадом до 510 г. мы можем судить только по выдвинутым против Цезария обвинениям, то после войны биографы дают проследить их и в повседневной жизни святого отца. Цезарий не только выкупал, но и отправлял на родину бывших подданных бургундского короля, оказавшихся в плену, и тем самым, несомненно, помогал ему восстанавливать свое королевство после вторжения готов. Однако самым ярким индикатором этих тесных отношений является история о направлении бургундскими королями кораблей с зерном в помощь Цезарию в тот момент, когда он особо в этом нуждался. И как показывает само изложение этой истории, Цезарий заранее знал об этом решении королей и, без сомнений, ждал эти корабли, что говорит о постоянном общении между ними и возможной взаимной помощи. Такая взаимная любезность между епископом Арля и недавним врагом вкупе с поведением епископа во время осады не могла не встревожить королевскую администрацию в Равенне. И реакция не заставила себя долго ждать. В конце 512 г. Цезарию предъявили новые обвинения. И, заключив под стражу, отправили в Италию ко двору Теодориха, куда он прибыл уже в 513 г.⁹³⁹

На этот раз обвинений могло быть несколько. Цезарий мог быть обвинен в отчуждении церковных земель в пользу организованного им женского монастыря, что было запрещено как церковными законами, так и декретом сената и самого Теодориха в 507 г.⁹⁴⁰ Однако кажется сомнительным, чтобы Теодорику в тот момент были настолько интересны частные внутрицерковные дела епископата Арля. И уж тем более неправдоподобно то, что из-за этого обвинения его могли поместить под стражу и привести в Италию. Такой вариант развития событий мог случиться, только если Цезария обвинили

в чем-то более серьезном и угрожающем интересам государства, и при этом подразумевалось, что сам Цезарий может совершить попытку бегства за пределы королевства. Всем этим условиям соответствует ставшее уже традиционным для Цезария обвинение в государственной измене, которое вытекало из его откровенно дружеских отношений с бургундским двором. Именно оно и привело его ко двору короля Италии.

Ходатайство Эннодия⁹⁴¹ помогло создать соответствующее впечатление у Теодориха, и Цезарий получил благоприятный прием и заслужил расположение короля. Мотивы такой снисходительности короля лежат на поверхности. Так как Теодорих, несомненно, не желал будоражить галло-римское население недавно приобретенной провинции какими-либо жестокими акциями, то с его стороны было бы весьма опрометчиво наказывать их епископа. Таким образом, с одной стороны Цезарий получил строгое предупреждение, которое заключалось в долгих тревожных месяцах во время перехода в Равенну и ожидания решения короля. С другой стороны, Теодорих в этой истории получил возможность проявить свое великодушие, которое должно было произвести впечатление на подданных в Галлии. Ведь положение самого Теодориха в Галлии было далеко не безоблачным. Не исключено, что в это время еще шла война с франками. И хотя в 511 г. умер Хлодвиг, война с франками не закончилась и продолжалась вплоть до 512/513 или 514/515 гг., когда Теодорих, по-видимому, заключил мирный договор с сыновьями Хлодвига, в котором были закреплены границы готских королевств в Галлии⁹⁴². Благодаря договору с франками внешняя угроза была отведена, но в Вестготском королевстве, управление над которым взял на себя Теодорих, внутренняя ситуация продолжала оставаться напряженной на всем протяжении правления Теодориха. Более того, есть основания полагать, что его считали тираном, захватившим власть в Вестготском королевстве⁹⁴³, что при всех условиях было недалеко от истины. Это отношение выражалось и в активных действиях вестготов. Они устраивали засады на высших должностных лиц Теодориха, например, от их мечей пострадал и чуть не погиб Либерий, назначенный

префектом Галлии⁹⁴⁴. Таким образом, единственным в Галлии островком лояльности Равеннскому двору оставалась лишь территория вновь организованной Галльской префектуры. Проводя же какие-либо карательные действия в отношении человека, который был главой католической общины центра префектуры, Теодрих мог потерять поддержку галло-римлян в только что приобретенной им провинции, а это было явно не в интересах Теодориха, лишь при условии, что сам Цезарий проявит лояльность к королю остготов⁹⁴⁵.

Цезарий благодаря ходатайству Эннодия, достаточно близко знавшего короля, смог войти в доверие к Теодориху, который внимательно выслушал его и снял с него все обвинения. Кроме того, та деятельность Цезария, которую он осуществлял на поприще выкупа пленных, была на руку самому Теодориху. Ведь если Теодорих в то время желал расширить свою Галльскую префектуру за счет земель, входящих в Бургундское королевство, то действия Цезария по выкупу галло-римских пленных идеально подходили для налаживания добрых отношений с галло-римлянами после грабительских рейдов готских армий во время войны. Доброжелательность галло-римлян могла существенно облегчить задачу по приведению под свой контроль земель за р. Дюранс, к чему, как мы увидим, стремился Теодорих. В этом аспекте интересы Цезария и Теодориха были едины. Один хотел показать, что он не намерен отворачиваться от людей из тех своих диоцезов, которые из-за политической границы фактически выпали из-под его управления, другой же желал завоевать уважение галло-римлян, в которых в недалеком будущем он хотел видеть своих подданных, и сгладить в их памяти жестокости недавней войны.

В довершение аудиенции Теодорих вознаградил Цезария, подарив ему большое серебряное блюдо и деньги. Цезарий тут же воспользовался этим подарком и потратил деньги на очередной выкуп пленных, приведенных из-за р. Дюранс. Слуги короля, узнав об этом, были искренне возмущены тем, что Цезарий продолжил свою практику выкупа иностранных пленников, которая была почвой для одного из основных обвинений. Поэтому они сразу поспешили донести об этом

королю⁹⁴⁶. Однако Теодорих на этот раз «выказал восхищение и похвалу» действиям Цезария и тем самым в глазах своих подданных легализовал их и даже неким образом приложил к освобождению пленных свою руку. Этим он не только позаботился о спасении своей души, но и, как уже отмечалось выше, мог приобрести нужный имидж в глазах жителей той части Галлии, о завоевании которой он, возможно, задумывался. Примеру короля тут же последовали многие сенаторы и просто знатные люди из желания не только угодить королю, но и поучаствовать в благочестивом деле, что в итоге повышало их личный престиж⁹⁴⁷. Таким образом, из подсудимого Цезарий счастливым образом превращается практически в деятеля государственного уровня, к которому благоволит король, а молва о выкупах пленных быстро распространилась по Италии, окружив Цезария особым ореолом святости.

Цезарий в Риме

Столь удачно уладив свои дела в Равенне, Цезарий отправляется в Рим, «куда он был приглашен сенатом и знатью, папой и клиром, а также простым народом»⁹⁴⁸. Сам Цезарий имел вескую причину посетить Рим, в особенности папу Симмаха. Ему было необходимо так организовать дальнейшее обеспечение своего женского монастыря материальными ресурсами, чтобы избежать различных обвинений в неправомерном использовании средств церкви. Для этого он прибыл в Рим осенью 513 г.⁹⁴⁹ У него были веские основания полагать, что он будет благосклонно принят папой Симмахом. Во-первых, потому, что он был одним из самых авторитетных епископов в южной Галлии, что подтверждалось занимаемой им должностью епископа главного города Галльской префектуры, а также его председательством на Агдском соборе 506 г. Во-вторых, он был благосклонно принят королем Теодорихом и его двором, от которых Симмах и сам в некоторой степени зависел, что было немалым козырем в руках Цезария. Поэтому Цезарий, не мешкая, сразу же преподносит Симмаху петицию, подтверждающую некоторые церковные законы. А именно, он просит:

- запретить отчуждение церковной земли по различным поводам, кроме случаев дарения монастырям;
- запретить назначение мирян из каких-либо гражданских чиновников клириками или епископами, если они не прошли длительного срока пробации жизни по церковным законам;
- запретить жениться на вдовах, которые уже долго живут по религиозным правилам, и на монахинях, независимо от воли последних;
- запретить достигать епископского звания путем подкупа и взяток, и, чтобы бороться с этим злом было проще, такое назначение не должно обходиться без согласия епископа митрополии⁹⁵⁰.

Самый большой интерес среди перечисленных пунктов для нас представляет первый. Он документально иллюстрирует желание Цезария навсегда избавиться от возможных обвинений в передаче церковной земли во владение женского монастыря. И хотя это обвинение не было столь тяжким, чтобы быть причиной ареста епископа королем, однако сама возможность появления такого обвинения в будущем, несомненно, тревожила Цезария, и он не замедлил включить его первым пунктом своей петиции. Остальные же пункты имели чисто дисциплинарный характер и были направлены на поддержание соответствующей внутрицерковной дисциплины. Эти пункты были внесены в петицию, чтобы основное его желание сильно не бросалось в глаза.

Папа Симмах поддержал последние три пункта петиции, но первый и самый главный для Цезария пункт поддержал лишь частично⁹⁵¹. Дело в том, что сам папа Симмах детально рассматривал вопрос о возможном отчуждении церковного имущества в 502 г. и постановил, что церковное имущество можно передавать в ведение монастыря, достойного клирика или пилигрима только в качестве узуфрукта. Причем это решение было принято в контексте защиты Симмаха от нападок сторонников антипапы Лаврентия и соответствовало его собственным политическим интересам⁹⁵². И он, естественно, не мог в этом вопросе пойти навстречу Цезарию. Не получив полного удовлетворения по своей петиции, Цезарий получил от папы Симмаха очередное подтверждение своих прав на диоцезы, находящиеся за р. Дюранс, которые *de facto* находились под контролем епископа Вьенны Авита. Это решение не могло изменить фактическую ситуацию, однако Цезарий всячески пытался помешать Авиту превратить этот контроль из статуса *de facto* в статус *de jure*⁹⁵³. Кроме того, папа Симмах подтвердил притязания кафедры Арля как митрополии и для Второй Нарбоннской провинции, которая тоже подчинялась власти короля Италии. И, наконец, Цезарий удостоился высшей чести от папского престола и был назначен папским викарием в Галлии, т. е. своим официальным представителем. Из-за объективной невозможности своего

непосредственного участия в делах Галлии и дабы не потерять свой престиж на Западе, папский престол вынужден был последовать такой политике и делегировать свои права непосредственно на места. Такая практика уже существовала в Испании и в Иллирике, где были свои викарии. Такая политика папства и для самой Галлии была совсем не нова. Попытка усиления Арльского епископата и превращения его в проводника папской политики в Галлии была произведена папой Зосимом еще в 417 г., но она встретила решительную оппозицию провинциального духовенства, и уже в 428 г. папа Целестий был вынужден отказаться от этой идеи⁹⁵⁴. Однако в 513 г. папа Симмах решил повторить эту попытку и снова назначить викарием епископа Арля. Таким образом, Цезарий стал первым после почти столетнего перерыва, кто был назначен викарием Галлии. Его основная функция состояла в представлении интересов папского престола путем созыва соборов по проблемам, интересующим Рим, передавая в ведение Рима только те проблемы, которые не могут быть решены на уровне этих соборов. Так, в его ведении было снабжение клириков, идущих в Рим, специальным сопроводительным письмом, чтобы только подтвержденная викарием информация о делах в Галлии доходила до Римского престола⁹⁵⁵. Это назначение должно было показать наличие тесной связи и большого доверия между епископом Арля и Римом, а также подразумевало передачу Цезарию на правах викария контроля над всей Галлией.

Причины выбора Цезария на эту роль достаточно очевидны. Главная из них кроется прежде всего в той роли, которую играл сам город Арль, будучи до конца V в. фактически политическим центром Галлии. Нельзя забывать и об авторитете, который имели епископы Арля в галльской церкви на протяжении всего V в. Кроме того, к двум названным причинам нужно прибавить долгую историю сотрудничества епископов Арля и епископов Рима⁹⁵⁶. Из всего сказанного ясно, что со стороны папского престола назначение епископа Арля викарием было вполне естественным решением. Совершенно очевидно, что и личность самого Цезария играла в этом немалую роль. И процесс

прихода Цезария к власти, и модель его поведения невообразимо схожи с борьбой за папский престол и той манерой поведения, которые пропагандировал сам папа Симмах. Напомним, что Симмах был известен как освободитель пленных и покровитель бедных, возводивший церкви и регулярно раздававший одежду и пищу, чем был прославлен и Цезарий. Эти два церковных деятеля, одинаково ориентируясь на поддержку простого народа и клира, были настолько похожи друг на друга по своей поведенческой стратегии, что их можно назвать единомышленниками. И естественно, что именно человеку, своими делами столь похожему на самого себя, Симмах доверил викариат в Галлии и наделил его правом носить палий, тем самым подчеркивая его особую близость к Святому Престолу и выделяя его из других епископов не только званием, но и одеждой. Кроме того, арльским дьяконам было разрешено носить туники-далматики, которые носили только дьяконы Рима⁹⁵⁷. С этого момента наступает период особо близких отношений между епископами Арля и Рима. Обе стороны получали свои дивиденды от этого сотрудничества. Римский престол не хотел терять связи и быть в курсе галльских церковных дел. Благодаря этому он не утрачивал своего участия в этих делах и одновременно имел формальное подтверждение своего примата. Епископы Арля получили новый источник повышения своего престижа и пытались использовать его в своих политических целях⁹⁵⁸.

Таким образом, поездка в Италию, поначалу сулившая мало приятного, завершилась практически триумфом. Цезарий не только смог избавиться от обвинений, но и значительно поднял свой авторитет как в рамках церкви, так и Остготского королевства.

Цезарий в 513–523 гг.

В 513 г. Цезарий вернулся в Арль викарием Галлии, имевшим серьезную поддержку и при дворе Теодориха, и привез с собой значительную сумму в размере 8000 солидов, полученную в качестве пожертвований от элиты королевства⁹⁵⁹. Цезарий продолжил проводить в жизнь свою политику, которая уже приносила ему успех, поддерживая свою репутацию и созданный им христианский образ. Собранные им деньги он стал активно использовать для выкупа пленных. Но теперь в роли викария Галлии он посчитал себя попечителем не только жителей своей епархии, но и всех жителей Галлии. Поэтому он расширил свою деятельность, рассыпая дьяконов, аббатов и простых клириков во многие места с поручением выкупать пленных. Сам же для этой цели посетил Каркасон, ставший после завоевания Хлодвигом Аквитании городом, находившимся на границе с Франкскими королевствами⁹⁶⁰. Однако подобные притязания Цезария на первенство в церковной иерархии в Галлии на практике сталкивались с глухим неприятием галльских епископов на местах. Фактически Цезарий мог рассчитывать на лояльность только тех епископов, чьи диоцезы находились в пределах Остготского королевства. На основную же часть галльских епископов назначение Цезария должного эффекта не произвело. Живя под властью других королей, они ориентировались больше на собственные проблемы устройства церкви в новых реалиях. Рим для них уже перестал рассматриваться как центр власти, а так как других сил принуждения, кроме как убеждения, папский престол не имел, то все его указания фактически имели силу только на территории, подконтрольной королю Теодорику Великому.

Это положение вещей хорошо иллюстрируется на примере противостояния епископов Арля и Виенны за контроль над диоцезами севернее р. Дюранс. Как уже отмечалось выше, Цезарий во время визита к папе Симмаху получил от него еще одно официальное подтверждение своих прав, но изменений в существующее положение дел оно не внесло. Так как эти

диоцезы находились на территории Бургундского королевства, de facto контроль над ними осуществлял епископ Вьенны, несмотря ни на какие письма папы. Мало того, в 517 г. в Бургундском королевстве епископ Вьенны созвал Эпаонский собор, на котором присутствовало 9 представителей и епископов от диоцезов, формально принадлежавших власти Цезария, что показывало реальное положение дел и сильно сказывалось на авторитете епископа Арля. В этом контексте интересно, что сам Цезарий с момента созыва Агдского собора (506 г.) не созвал ни одного собора. Считается, что это была своего рода форма протеста против узурпации его прав⁹⁶¹. Ситуация, когда большая часть его диоцезов не была бы представлена своими епископами на соборе, немало роняла бы его авторитет и создавала для митрополии Арля опасный прецедент. Поэтому даже когда Цезарий захотел утвердить независимость Арльского монастыря от власти епископа, чтобы оградить свой «родовой оплот» от возможного вмешательства своих преемников, что можно было утвердить, просто созвав собор, он не сделал этого, а обратился за утверждением этого положения к папе⁹⁶². Это показывает, насколько чувствителен был этот вопрос для Цезария.

Однако в сложившуюся ситуацию вмешивается внешнеполитический фактор. В 516 г. умирает Гундобад, и Бургундским королевством правит его сын Сигизмунд, женатый на дочери Теодориха Великого. От брака с ней у Сигизмунда был сын Сигерих. В своей политике Сигизмунд, королевство которого было зажато между агрессивными франкскими королевствами и объединенной готской державой, искал поддержки у Византии. Поэтому он все более и более проводил проимператорскую, а следовательно, и антиготскую политику. Когда же его жена умерла, Сигизмунд женился на женщине неблагородного происхождения. В 522 г. король бургундов поддается наветам своей новой жены и приказывает убить внука Теодориха⁹⁶³. Этот шаг не мог быть не замечен в Равенне и означал конец оборонительной бургундской политики Теодориха. Теперь он должен был осуществить кровную месть за убитого внука, а к этому долгу Теодорих всегда относился

достаточно серьезно⁹⁶⁴. Для войны с Сигизмундом он заключает союз с королями франков, у которых тоже были свои мотивы для отмщения. В результате Сигизмунд оказывается втянут в конфликт с двумя самыми могущественными силами в Галлии. Франки вступают в пределы Бургундского королевства, Теодорих приказывает своему полководцу Тулуину не спешить с вторжением в Бургундию, а дождаться исхода битвы бургундов с франками. В 523 г. Сигизмунд и его брат Годомар терпят поражение в битве и бегут. Сигизмунд попадает в плен к франкам и погибает вместе со всей своей семьей. Узнав о таком исходе, Тулуин вступает в Бургундию и достаточно беспрепятственно занимает земли между реками Дюранс и Изер. В этот момент, возможно, и сыграла свою роль та деятельность Цезария по выкупу пленных из-за Дюранса, которую он осуществлял после войны 508–511 гг. и которую поддержал сам Теодорих, о чем мы уже писали выше. Заработанная в тот момент репутация среди местного населения, как возможно и рассчитывали, сработала в пользу относительно спокойного приведения этих земель под власть остготского короля. Это особенно контрастирует с ситуацией в той части Бургундского королевства, которая должна была отойти к франкам. После победы франки не смогли там закрепиться и вынуждены были отойти. Мало того, отступивший Годомар восстановил свои силы и отвоевал королевство, хотя и не полностью. Характерно, что земли, отошедшие к остготам, оставались под их контролем и расширили Галльскую префектуру Остготского королевства. Цезарий наконец-то получил долгожданный доступ к контролю над диоцезами севернее р. Дюранс, а Теодорих в том числе и при содействии такой фигуры, как Цезарий, сумел сохранить завоеванное, на что франкам потребовалось совершить еще не один военный поход⁹⁶⁵.

Соборы 524–529 гг.

Цезарий не стал терять времени и активно включился в работу по установлению контроля над возвращенными войной диоцезами. Теперь уже ничего ему не мешало созвать собор, что он и сделал в 524 г. Этот собор открывает серию соборов, которые по составу участников демонстрируют возросшую силу и политический авторитет Цезария. На них рассматривались вопросы организации различных церковных дел, как организационных, так и касающихся вопросов христианской доктрины⁹⁶⁶. Нельзя сказать, что на этом поприще Цезарий не сталкивался с проблемами. Так, один из старейших епископов его митрополии Агреций откровенно игнорировал некоторые его постановления. На соборе 527 г. Цезарий был вынужден убеждать епископов наложить на Агреция дисциплинарные санкции, но, по-видимому, решение собора Агреций игнорировал, и Цезарию пришлось обращаться к папе для подтверждения этого решения. Только тогда эта проблема, как кажется, была урегулирована, по крайней мере епископа Агреция в источниках мы больше не встречаем⁹⁶⁷.

Еще большего внимания Цезария потребовала ситуация, возникшая после того, как епископ Вьенны Юлиан созвал в Валенсе собор в 528 г., на котором поставили под сомнение правильность суждений Цезария о божественной благодати. Сам Цезарий отказался посетить этот собор, сославшись на болезнь, но послал одного из своих сторонников, епископа Киприана, которому и предстояло отстаивать на этом соборе позиции Цезария⁹⁶⁸. Однако усилий Киприанаказалось недостаточно, и было принято решение, явно не устраивающее Цезария. Поэтому уже в 529 г. Цезарий созывает новый собор в Оранже, на этот раз заручившись поддержкой римского престола и непосредственно от него получив установления по оспариваемым вопросам, на основе которых он составляет каноны. Примечательно, что решения этого собора подписали не только епископы, но и представители высшей администрации и аристократии в этом регионе (Либерий, Наманций и др.).

которые принимали участие в соборе. Этот факт демонстрирует, что Цезарий не был уверен в исходе и для принятия Оранжских канонов вынужден был воспользоваться всеми возможными средствами. Поэтому он обратился за помощью и к гражданской администрации и к местной знати, что не могло быть осуществлено без поддержки королевского двора в Равенне⁹⁶⁹. Таким образом, этот вопрос приобрел общегосударственное значение, а Цезарий после удачного завершения собора еще больше утвердил свой авторитет. С одной стороны, он отстоял свое понимание христианского вероучения, а с другой – не допустил и намека на возможный раскол в галльской церкви. Примечательно, что решения собора в Валенсе не сохранились и были, по-видимому, уничтожены. И, как мы видим из описания биографов Цезария, даже на этом борьба не прекратилась, и Цезарий был вынужден просить уже следующего папу Бонифация II подтвердить Оранжские каноны, что было им и сделано в 531 г.⁹⁷⁰ И только после этого «главы церквей постепенно приняли то, что в результате их неожиданного упорства дьявол хотел уничтожить»⁹⁷¹. После своего успеха в теологических вопросах, закрепленного Оранжским собором, Цезарий, развивая свой успех, в ноябре 529 г. созывает еще один собор, через который он проводит ряд реформ, направленных на усиление христианизации и усовершенствование деятельности самой церкви на этом поприще. Основной из таких реформ следует назвать право священников и дьяконов на осуществление проповеди. Таким образом, это право выводилось из сугубо епископской прерогативы и передавалось всем клирикам, что давало возможность прихожанам регулярно иметь наставления в христианской этике, а региону подвергнуться более глубокой христианизации⁹⁷². Добившись этого решения, Цезарий не забывал и о практических шагах, необходимых для того, чтобы эта реформа действительно была эффективна. Он прекрасно отдавал себе отчет, что не каждый священник готов к исполнению этой обязанности, поэтому он подготовил и разослал по «далеко расположенным провинциям во Франкии, в Галлии, а также в Италии и Испании» составленные им

проповеди, указывая, «что именно следует в своих церквях проповедовать»⁹⁷³. Эта реформа была одним из самых удачных деяний Цезария.

Если же вернуться к первому собору 524 г., созванному Цезарием в Арле, то он ознаменовался еще одним интересным фактом. Все собравшиеся на нем приняли участие в освящении храма Святой Марии, возведенного Цезарием. Кроме своего непосредственного назначения, этот храм в замыслах Цезария должен был служить и местом захоронения сестер женского монастыря, в нем же он заблаговременно подготовил место и для своего захоронения. Для этого он приказал вырубить из огромных камней саркофаги и расставить их плотно в ряд, «чтобы какая бы дева из той общины ни умерла, она бы имела уже приготовленное святое место погребения»⁹⁷⁴. Вскоре после освящения, возможно, в 525 г., умерла его сестра, аббатиса Цезария, и место своего упокоения она обрела именно в этом храме, на почетном месте в саркофаге между алтарем и кафедрой⁹⁷⁵. Ей унаследовала Цезария Младшая, скорее всего, племянница епископа, а управляющим монастыря был назначен дьяк Териций, тоже родственник Цезария, предположительно племянник. Таким образом, все заботы по созданию и устройству этого «родового оплота» Цезария не прошли даром, монастырь крепко держался в руках его семьи⁹⁷⁶.

В этот же период на политической сцене произошли некоторые события, которые повлекли за собой изменения в положении сил в Галлии. Ключевым из них стала смерть в 526 г. Теодориха Великого, короля остготов. На остготский трон взошел его малолетний внук Аталарих, регентшей и фактической правительницей при котором стала его мать Амаласунта. Кроме того, готская держава после смерти Теодориха была разделена, и Амалариху, другому внуку Теодориха, были возвращены казна и корона Вестготского королевства со столицей в Нарбонне. Арль остался в составе Остготского королевства, а Рона теперь стала естественной границей между двумя королевствами, которые полностью погрузились в свои проблемы и никогда больше не пытались вмешиваться во внутренние дела друг друга.

Приход франков

После смерти Теодориха Великого, своего основателя и идейного вдохновителя, готская держава, разделившись на два королевства, реально потеряла в своей военной мощи, что выразилось в вытеснении готов из Галлии. Уже, по-видимому, в 530 г. Амаласунта, чувствуя угрозу со стороны франков, пыталась создать буфер между своими территориями и франкскими. Для этого она добровольно передала земли, захваченные готовами в 523 г., бургундскому королю Годомару и заключила с ним союзный договор, считая, что рубеж по р. Дюранс с построенными вдоль нее крепостями будет более сложной преградой для франкских вторжений⁹⁷⁷. Цезарий опять потерял фактический контроль над теми приходами, за которые он столько боролся.

В связи с этим первым под удар все же попало Вестготское королевство. Поход франкского короля Хильдеберта I на Нарбонн в 531 г. хотя напрямую и не привел к потере земель, однако его итогом послужила смерть Амалариха, последнего вестготского короля из рода Балтов. Он не оставил наследника, и это привело к тому, что в Вестготском королевстве наступил вакuum легитимной власти. В галльских землях, подчинявшихся вестготам, в этот момент поднялись панические настроения и многие вместе с семьями поспешили перебраться в Испанию, под покровительство Теоды, давно уже имевшего там большую власть. Однако Хильдеберт был удовлетворен богатой добычей и вернулся в Париж, что на время и спасло вестготов.

В 532 г. другой франкский король Теодеберт I прорывается за оборонительный рубеж на р. Дюранс и даже захватывает Арль, но, взяв заложников, он был вынужден отступить⁹⁷⁸. Очень жаль, что об этом событии совершенно умалчивает «Vita Cæsarii». Возможно, Цезарий в тот момент повел себя недостаточно лояльно по отношению к франкам, о чем впоследствии его биографы не желали напоминать. Однако это остается всего лишь предположением.

В это же время Цезарий столкнулся с серьезной оппозицией внутри своей митрополии, которая была не согласна с его реформами и, по-видимому, имела свои взгляды на церковные реформы. Во главе их встал Контумелиоз, епископ Риеза, человек, принадлежавший к аристократам того времени и, по свидетельству Эннодия, обладавший хорошим литературным вкусом⁹⁷⁹. Возможно, он был не согласен с радикальными изменениями в пасторской деятельности и стиле жизни епископов, выдвинутыми Цезарием, он не подписал Оранжские каноны, тем самым оказавшись в оппозиции к Цезарию. В 533 г. на соборе в Марселе против Контумелиоза были выдвинуты обвинения в сексуальных связях и незаконном отчуждении церковного имущества. Контумелиоз под давлением свидетельств против него признал свою вину, согласился на временное покаяние в монастыре и возмещение ущерба за проданный им дом, принадлежавший церкви. Большего Цезарию добиться не удалось, хотя он настаивал на немедленном отстранении Контумелиоза от епископской кафедры. Собор не пришел к единому мнению по этому вопросу, так же как и о длительности его покаяния. Эти вопросы повисли в воздухе, что прекрасно иллюстрирует следующее. Как сам Контумелиоз, так, возможно, и его оппозиция Цезарию пользовались сочувствием и поддержкой среди епископов, а сам Цезарий не обладал достаточным влиянием даже внутри своего диоцеза. Авторитет Цезария был подорван, и ему ничего не оставалось, как в очередной раз обратиться за поддержкой к римскому понтифику. Папа Иоанн II, как и следовало ожидать, поддержал позицию Цезария и предписал отстранить Контумелиоза от должности. К письму папы Цезарий впервые приложил свое письмо, обращенное к епископам диоцеза, грозный тон которого показывал, насколько он был разозлен сложившейся ситуацией и насколько было чувствительно для него отсутствие полной поддержки⁹⁸⁰.

На политическом небосклоне продолжали сгущаться тучи над остготским владычеством над Провансом. В 534 г. объединенные силы франков окончательно покорили Бургундское королевство и буфер между остготами и франками

таким образом перестал существовать. В это же время король Теодеберт I осуществил еще один поход против вестготов и занял ряд городов по правой стороне Роны (Лодев, Безье), а также под его власть перешел г. Родез с прилегающей областью, до этого времени признававший власть вестготов⁹⁸¹. В результате Прованс практически со всех сторон оказался окружен владениями франков, не скрывавших своего желания завладеть им. Но положение еще более ухудшилось после начала остгото-византийской войны в 535 г. Ни Галлия, ни сам Прованс не были непосредственным театром военных действий, поэтому мы не будем останавливаться ни на предшествовавших событиях в остготском королевстве, ни на перипетиях самой войны. Однако в результате этой войны король остготов Витигис, претерпевая поражения и нуждаясь в консолидации всех военных сил в Италии против столь грозного соперника, встал перед необходимостью отозвать гарнизоны, охранявшие Прованс. Понимая, что это приведет к моментальному завоеванию этой области франками, наседавшими на ее границы, Витигис решил сохранить «хорошую мину при плохой игре». В 537 г. он предложил франкам добровольно отдать Прованс, патронаж над алеманами и всю альпийскую зону взамен на их вступление в войну на стороне остготов, на что те согласились, но в войну вступать не спешили⁹⁸². Таким образом, Арль и его епископ Цезарий в 537 г. в который уже раз поменяли «хозяев». Интересно отметить, что новым «хозяином» Арля стал король Хильдеберт I, а не соперничающий с ним Теодеберт I, который уже брал Арль и у которого были заложники из него. Тем самым Витигис сделал попытку вбить «клин» между ними, чтобы решительно не усиливать одного из них, не будучи уверенным в их намерениях.

С переходом Прованса под контроль франков Цезарий потерял свой исключительный статус, который он имел при правлении остготов. В королевстве Хильдеберта Арльская митрополия была лишь одной из 15 таких же, и Цезарий становился лишь одним из 15 равных по статусу епископов королевства. Правда, при этом Цезарий оставался викарием

Галлии, но этот статус, дарованный ему папой, не производил должного впечатления на других епископов. Так, в частности, Цезарий не посетил ни одного собора, созванного в королевстве Хильдеберта, ведь он имел претензии на первенство в галльской церкви, по крайней мере в части королевства Хильдеберта. И, конечно же, он претендовал на председательство и руководство соборами, проводимыми в королевстве. Но никто не мог, да и не хотел ему этого гарантировать, и мало считались с его претензиями. Цезарий же в условиях, когда его не поддерживала даже часть епископов его собственной митрополии, как мы видим из истории с Контумелиозом, тем более не имел рычагов влияния на епископов других митрополий. К тому же в Риме произошла смена папы. Новый папа Агапит совершенно не пытался придерживаться политики предыдущего папы, мало того, Контумелиоз добился в Риме пересмотра дела, и папа Агапит даже частично его оправдал, дав понять Цезарию, что на его помощь и поддержку он может больше не рассчитывать⁹⁸³. Это немало ударило по авторитету и амбициям Цезария, в таких условиях он не мог получить то, на что он претендовал, поэтому единственным выходом из этой ситуации было игнорировать созываемые соборы, что он и делал. И если на соборе 538 г. в Орлеане не появился ни сам Цезарий, ни один из епископов его диоцеза, то на втором в 541 г. присутствовало уже 16 из 23 епископов, а двое послали своих представителей. Цезарий же просто игнорировал оба собора, сославшись на болезнь, причем даже не посыпал своего представителя⁹⁸⁴. Таков был его ответ на не признание его амбиций. Однако с приходом франков для Цезария были и положительные моменты. Вновь под его контроль вернулись земли к северу от р. Дюранс, причем на этот раз окончательно.

Смерть Цезария

В такой обстановке 27 августа 542 г. на семьдесят третьем году жизни Цезария настигла смерть⁹⁸⁵. Он был похоронен в заранее подготовленном им месте в храме Святой Марии, рядом с саркофагом его сестры Цезарии. То, что он распорядился похоронить себя в женском монастыре вместо обычного для епископов Арля места захоронения, было последним актом, направленным на защиту и поддержание своего «детища». Ведь это должно было привести к экономическим выгодам для того места, где находилось тело святого, культа которого сразу же после его смерти стал продвигаться усилиями аббатисы, что, в частности, выразилось в составлении «*Vita Cæsarii*». И как мы видим, вторая книга его жизнеописания изобилует фактами о чудесном излечении с помощью самого Цезария, а главное, благодаря его мощам, что еще раз подтверждает практическое назначение «*Vita Cæsarii*». Кроме того, факт покровительства монастырю столь известного святого мог иметь влияние на лиц, желавших как-либо покуситься на имущество монастыря, – они могли убояться столь «могущественного» защитника. По крайней мере святой Мартин карал за такие злодеяния, направленные против покровительствуемого им монастыря⁹⁸⁶. И такие представления, похоже, в то время были общеприняты, что создавало дополнительную защиту для монастыря.

Цезарий также после себя оставил завещание, которое еще раз подтверждает нам, что он сам не был выходцем из богатой семьи и не обладал личным богатством. Перечень имущества, которое он оставил после себя, едва ли имеет смысл приводить, и, уж конечно, оно не идет ни в какое сравнение, например, с имуществом, которое по своему завещанию оставил один из его современников, епископ Ремигий⁹⁸⁷. Исходя из этого, единственное, что имело его особое попечение в этом завещании, – это установление максимальной независимости и финансового благополучия для основанного им монастыря, а также защита его от различных посягательств⁹⁸⁸. Эти вопросы в

основном и отражены в его завещании, что еще раз иллюстрирует нам, насколько важен для него был этот созданный им «оплот» семьи, если даже в завещании практически все мысли его были связаны с ним.

Такой мы увидели жизнь Цезария, которая протекала в один из самых бурных периодов истории Галлии. За время его жизни город Арль более пяти раз переходил из рук в руки, переживал осады и взятия, им правили бургунды и вестготы, остготы и франки. Однако, кому бы ни подчинялась провинция, Цезарий всегда находил свое место и навсегда остался одной из самых заметных фигур своего времени. Он был необычайно амбициозен, и его жизнь с самого начала проходила в постоянной борьбе за свой авторитет, за авторитет вверенной ему церкви, за благосостояние своего «детища», женского монастыря. На этом пути он всегда сталкивался с противодействием оппозиционных сил, против него постоянно выдвигали обвинения, он пережил ссылку и аресты, но всегда в трудные периоды своей жизни он умел находить выходы и выпускался из самых сложных ситуаций.

Incipit prologus in vita sancti Cæsarii episcopi

(1). Quia, reverenda nobis virgo Cæsaria, cum choro sodalium monacharum tibi commisso petis a nobis, ut vitam et conversationem beatæ memoriae sancti Cæsarii institutoris vestri ab exordio repetentes comprehendere litteris debeamus, per quam illius vitæ præmio fruitur, cuius beatitudo sermone mortalium non potest explicari, quamvis olim per totum mundum, ipso etiam hic vigente, fuerit venerabiliter divulgata, nefas tamen esse credimus, si tam sancto desiderio minime pareamus, præsertim cum hoc monasterio vestro ac magis ipsius ad invicem possit eius esse præsentiae, et nos dum de ipso loquimur, ipsum nos etiam videre quodam modo gratulemur. Deo igitur iuvante, adgrediemur implere, quæ postulas. Et multa quidem ipsius beatissimi domni nobis narratione comperta, multa a nobis ipsis visa, nonnulla etiam venerabilium presbyterorum sive diaconorum, discipulorum suorum relatione prolata didicimus, præcipue tamen venerabilis Messiani presbyteri et fidelissimi viri Stephani diaconi, qui ei ab adolescentia servierunt: ea dumtaxat quæ minus onerent et sint a prolixitate submota.

(2). Unum tamen hoc in præsenti opusculi devotione a lectoribus postulamus, ut si casu scolasticorum aures atque iudicia, nos simplices contigerit relatores attingere, non arguant, quod stilus noster videtur pompa verborum et cautela artis grammaticæ destitutus, quia nobis actus et verba et merita tanti viri cum veritate narrantibus lux sufficit eius operum et ornamenta virtutum. Etenim memoratus dominus Cæsarius, quem habemus in opere, solitus erat dicere: ‘Nonnulli rusticatatem sermonum vitant et a vitæ vitiis non declinant’. Meretur siquidem hoc et Christi virginum pura sinceritas, ut nihil fucatum, nihil mundana arte compositum aut oculis earum offeratur aut auribus placitum, sed de fonte simplicis veritatis manantia purissimæ relationis verba suscipiant. Atque ideo noster iste sermo integritatis religione contentus rennuit mundanam pompam, quia respuit cum suis operibus gloriæ mundanæ iactantiam, et potius delectatur eloquio piacatorum concordare quam rethorum. Nunc igitur unusquisque vivendo sequi appetat, quod legendo scire festinat.

Explicit prologus

Начинается пролог к жизнеописанию святого епископа Цезария.

1. Ты, Цезария⁹⁸⁹, которую мы почитаем как пресвятую деву, вместе с вверенными тебе монахинями, попросила, чтобы мы выполнили свой долг и составили полное жизнеописание основателя вашего монастыря, доброй памяти святого Цезария. Он теперь вознагражден за свой образ жизни, блаженство которой не описать речами смертных. И хотя совсем недавно, когда он был еще жив, его жизнь была широко известна по всему миру, мы же посчитаем грехом, если не исполним такое святое поручение. Особенно когда этот труд может быть выполнен в вашем, а точнее в его, монастыре. И когда мы говорим о нем, мы радуемся, так как мы видели его. С помощью Господа мы постараемся исполнить ваше поручение. Многие факты мы почерпнули из его рассказов, много мы видели сами. А некоторые детали познали со слов почтенных пресвитеров и дьяконов, которые были его последователями, в особенности от почтеннейших пресвитера Мессиана и дьякона Стефана, которые служили ему смолоду. И мы старались не включать того, что показалось многословно и обременительно.

2. В этом посвящении к нашему небольшому произведению мы, простые рассказчики, обращаемся к читателям, среди которых могут оказаться и знатоки, чтобы они не критиковали нас и наш стиль изложения за грамматику и отсутствие красноречия. Так труды Цезария и его добрые дела достаточны для тех, кто искренне раскрывает дела, слова и заслуги такого человека. Ведь прославленный господин Цезарий, которого мы знаем по его трудам, обычно говорил: «Некоторые избегают простоты речи, но не отказываются от пороков в жизни». Чистая непорочность дев Христовых заслуживает, чтобы ничего из приукрашенного и сочиненного земным искусством не было представлено с тем, чтобы порадовать их глаза и уши. Пусть они лучше примут слова самого неприкрашенного из рассказов, струящегося из фонтана простой истины. Таким образом, наш стиль, соответствующий религиозной чистоте, не подчиняется

мирскому блеску и отвергает мирскую похвалу вместе с мирскими трудами. И мы рады соответствовать речам скорее рыбака, чем ритора. Теперь же пусть каждый следует в жизни тому, что он поспешит узнать из чтения.

Закончен пролог

Incipit vita

(3). Sanctus ac beatissimus Cæsarius Arelatensis episcopus Cabillonensis territorii fertur indigena; cuius parentes, æque prosapies, quod est magnum et præcipuum honoris ac nobilitatis exemplum, supra omnes concives suos fide potius et moribus floruerunt. Qui sanctus ac venerabilis cum septimum seu amplius gereret ætatis annum, ex vestimentis, quæ circa se habuisset, absque ulla dubitatione pauperibus tribuebat. Sæpe domi seminudus revertens vir beatus, cum visus a parentibus suis fuisse, sub districtione discussus, quid de vestimentis suis fecerit, ipse hoc tantummodo respondebat, a transeuntibus sibi fuisse sublata.

(4). Igitur sicut arbusculæ quædam stirpibus nobilibus fructificare nonnumquam solent antequam crescere, in quibus utique quanto est ætas minor, tanto ubertas est gravior, ita in illo viro sancto inter ipsa infantiae rudimenta lætum vernantis spei germen erupit, ut priusquam spatio floreret ætatis, fructu exuberaret ingenii. Cum ergo octavum decimum gereret ætatis annum, ignoronte familia vel parentibus, incolatum cupiens regni cælestis adipisci, seque illius temporis pontificis sancti Silvestri vestigiis, præmissa supplicatione, prostravit, petens, ut, ablatis sibi capillis mutatoque habitu, divino eum pontifex servitio manciparet nec pateretur ultra supplicem a parentibus ad prædium affectusque pristinos revocari. Agente ergo pontifice gratias Christo, nulla extitit votis optimis mora. Cumque inibi biennio seu amplius sub hac inchoatione servisset, divinæ gratiæ instigatione succensus, deliberat artius semet ipsum expeditiusque iuxta euangelium divino mancipare servitio, ut pro amore regni cælestis non solum parentibus, sed et patriæ redderetur extraneus.

(5). Arreptam itaque salubriter fugiendi de sæculi compedibus libertatem, Lirinense monasterium tiro sanctus expetiit. Cumque iter cum uuo tantum famulo socius ageret, coram inquisitoribus non est. Diabolus vero in quendam ingressus miserum, insequens iter eius, postergum incessanter clamabat: ‘Cæsari, non vadas; quem ille, bibendi poculo benedicto porrectoque, statim curavit. Quod est, memorato eius comite referente, compertum, ipsamque eum

constitit primam fecisse virtutem. Suscepns ergo a sancto Porcario abbe vel ab omnibus senioribus, coepit esse in vigiliis promptus, in observatione sollicitus, in obauditione festinus, in labore devotus, in humilitate præcipuus, in mansuetudine singularis, ita ut quem instituendum susceperant disciplinæ regularis initii, perfectum se invenisse gauderent totius institutionis augmentis.

(6) Post parvum igitur tempus in cellario congregationis eligitur. Attente et studiose coepit his tribuere velle, quibus necessarium erat, vel si abstinentiæ amore nihil peterent; illis vero, quibus probaverat necesse non esse, nihil tribuebat, quamvis vellent accipere. Unde factum est, ut quibus adversa erat sancta discretio, supplicarent abbati, ut deberet a cellario removeri; quod et ut adolescentiæ corpus invalidum, quod palpare potius quam debilitare decuerat, effecerit crucis nimietate curvatum pariter et confractum, ita ut de exigua holeris seu pulticulæ coctioue, quam sibi dominico die parabut, usque in alia dominica victum traheret.

(7) Hæc igitur in exordiis meritornm eius bona fulserunt, quæ sequenti vita multiplicibus sunt augmentata virtutibus. Robur namque carnis atteruit, ut virtutem spiritus spei ac fidei soliditate firmaret. Et, ut ait apostolus, triumphans de se sibi, ut coronari mereretur evincens, interiori homini exteriora transsscripsit et præclaræ mentis imperiis rebellia corporis incitamenta abiecit. Post hæc tamen, stomacho fatiscente, typum quartanæ febris incurrit. Cumque de infirmitate ipsius abba sanctus graviter turbaretur et inter magistrum atque discipulum quemadmodum esset ægritudo divisa, ut iile animo laboraret, hic pateretur de abstinentiæ frenis et vigiliarum rigore laxari, iubet eum, immo cogit beatissimus abba ad civitatem Arelatensem causa recuperandæ salutis adduci.

(8) Erat igitur tempore illo Firminus illustris et timens Deum et proxima ipsius illustrissima mater familias Gregoria, illustrissima feminarum, in prædicta urbe Arelatensi, quorum studio et vigilantia curaque circa clerum et monachos circaque cives et pauperes civitas prædicta reddebat illustrior. Uterque enim proprias opes non consumebant mundana luxuria, sed ad paradisnm sibi eas io deportatione pauperum transmittebant. Qui prædictum sanctum Cæsarium ad se causa misericordiæ receperunt.

(9) Erat autem ipsis personis familiarissimus quidam Pomerius nomine, scientia rethor, Afer genere, quem ibi singularem et clarum grammaticæ artis memoria dono Christi videretur esse fulcitus, ut sacerdotalis scientiæ disciplinis monasterialis in eo simplicitas poleretur. Sed eruditionis humanæ figmenta non recepit, quem instruendum per se sibi divina gratia præparavit. Librum itaque, quem ei legendum doctor tradiderat, casu vigilia lassatus, in lectulo sub scapula sua posuit; supra quem dum nihilominus obdormisset, mox divinitus terribili visione percellitur, et in soporem aliquantulum resolutus, videt quasi scapulam in qua iacebat brachiumque quo innixus fuerat codici dracone conligante conrodi. Excussus ergo e somno, territus ipse visu, terribilis se ex eodem facto coepit arguere, eo quod lumen regulæ salutaris stultæ mundi sapientiæ voluerit copulare. Igitur contempsit hæc protinus, sciens, quia non deesset illis perfectæ locutionis ornatus, quibus spiritalis eminet intellectus.

(10) Post aliquot autem dies suprascriptæ personæ suggesserunt sancto Eonio episcopo civitatis, dicentes, esse quendam penes se venerabilem monachum et omni laude et privata interrogatione cognoscere. Iubet igitur eum ad se perduci. Præsentatum ergo sibi sanctum Cæsarium venerabilis Eonius episcopus diligentius percunctatur, qui cives esset quibusve parentibus fuerit procreatus. Qumque incolatum civitatis et parentum publicasset originem, congaudens sancta alacritate, episcopus dixit: ‘Mens es, fili, concives pariter et propinquus, nam et parentes tuos reminiscor optime et per consanguinitatem parentalı recordatione complector’. Coepit ergo invenem non ut peregrinum sive extraneum, sed respectu adtentiori intimis cordis oculis contemplari.

(11). Mox ab abbe suo sancto Porcario eum expetiit. Rogante igitur beato viro Eonio episcopo, licet ab invito ceditur. Illico diaconus, dehinc* presbyter ordinatur; numquam tamen canonicam modulationem monachi, numquam instituta Lirinensium vel modicum subrelinquens, ordine et officio clericus, humilitate, caritate, obsequio, cruce monachus permanebat. Ad ecclesiam vero matutinis aliisque conciliis primus de intrantibus, ultimus de egredientibus aderat. Non visus, non auditus animum beati viri a

celestium bonorum nectare sequestrabat, ita ut vultus eius qualitas nescio quid semper videretur renitere cæleste.

(12). Post hæc autem, defuncto abate, in suburbana insula civitatis dirigitur a sancto Eonio beatus Cæsarius pater, ut monasterium, quod recentius fuerat destitutum abitu rectoris, ipse in eadem reverentiæ auctoritate succedens, ad disciplinam formaret abbatis. Suscepit ergo vitam in suburbano coenobio libens, quam etiam intra urbem cotidianis semper excolebat actibus et votis semper optabat, monasteriumque prædictum taliter cotidiana instantia et divinis informavit officiis, ut inibi hodieque, Deo propitiante, servetur.

(13). Dum ergo in antelata insula parum ultra triennium in abbatis officio conversatur, Eonius sanctus clerum vel cives adloquitur et ipsos dominos rerum per internuntios rogat, ut cum ipse. Deo volente, migrasset ad Christum, nullum sibi alterum quam sanctum Cæsarium eligerent fieri successorem, quatinus ecclesiasticum rigorem, quem querebatur in multis regulis ægritudine sua fuisse mollitum, per servum Christi Cæsarium ad statum suum et vigorem gratularetur revocari fraternitas, essetque subsequentis labor emolumentum aliquatenus decessoris, ut cum talem posterum relinquebat, augmentuin æternæ hereditatis etiam in sanctissimi viri electione perciperet, et non deesset post transitum socius electionis voto, qui etiam superstis auctor extitit in decreto. Itaque, his omnibus divina providentia fideliter ordinatis, securus de successore beatus Eonius inigravit ad Doininum.

(14). Cum ergo ad notitiam, de quo loquimur, patris nostri vera opinio pervenisset, quod esset ordinandus episcopus, inter quasdam sepulturas latibulum requisivit. Sed absconsus esse non potuit, quem detexit non culpa, sed gratia. Itaque de quadam sepultura trahitur virus, quem non mortuum, sed absconsum vitæ claritas ostendebat. Igitur episcopatus sarcinam coactus suscepit, mansuetoque iumento Christi* impositum honus modestiæ temperamento portatur.

(15). De profectibus itaque cunctorum sollicitus et providus pastor statim io instituit, cotidie tertiae sextæque et nonæ opus in sancti Stephani basilica clerici cum hymnie cantarent, ut si quia forte sæcularium vel penitentum sanctum opus exsequi ambiret, absque

excusatione aliqua cotidiano interesse possit officio. Ipse vero, spreta omni sollicitudine curaque terrestri, ad instar apostolorum sollertia culture in dispensatione ordinatoribus et diaconibus credidit sub Dei obtestatione committendam et totum se verbo Dei et lectione, inquietis etiam prædicationibus mancipavit: re vera ut spiritalis medicus, qui morborum vitia curaret inserta et prohiberet malis cogitationibus nascitura.

(16). Tantamque ei Deus gratiam de se dicendi dedit, ut quicquid oculis videre potuisset, ad ædificationem audientium pro similitudinis consolatione proponeret. Tantum voluminum sacrorum seriem commendavit, sic semper recentia congregavit, ut de veteribus nihil amitteret, similis penitus templo Dei, quod et novos cotidie hospites suscipit et fovet antiquos et ita semper introitu advenientium crescit, ut numquam veterum discessione minuatur. Ita quantalibet, si res poposcit, divinorum voluminum exempla, seriemque narravit, quasi de libro cognita recenseret, non quasi de memoriæ thesauro olim lecta proferret, implens illud euangelii dictum de homine, qui de thesauro suo profert nova et vetera.

(17). Advenientes vero pontifices sive presbyteros cunctosque ordinis divini ministros, sive loci cives sive etiam extraneos, ut salutavit atque oravit, paululum de concivium vel suorum affectu saluteque consuluit; mox vero, armis sanctæ prædicationis arreptis, de umbra præsentium disputans, de perennitate beatitudinis persuadens, alios dulci invitavit alloquio, alios acriori deterruit, alios minando, alios blandiendo correxit, alios per caritatem, alios per distinctionem revocavit a vitiis; alios quasi in proverbii generaliter monens, alios asperius et sub contestatione divina increpans, ut monita sequerentur, æterna cum lacrimis supplicia minabatur, prout singulorum noverat aut virtutes aut mores aut vitia. Ita prædicationem proferebat, ut et bonos incitaret ad gloriam et malos revocaret a poena. Sicut bonus medicus diversis vulneribus diversa medicamina providebat, offerens, non quod unumquemque delectaret, sed potius quod curaret, non inspiciens voluntatem ægrotis, sed sanitatem desiderans competenter infirmis.

(18). Ipsosque pontifices sanctos et reliquos rectores ecclesiæ granditer increpabat, ut plebi sibi commissæ indesinenter spiritale pabulum ministrarent, dicens: ‘Uteris in Christi nomine ordinis primi

spiritualis militiae locum, frater; attende pastorali sollertia talenta tibi commissa, quatinus feneratori eadetn dupla restituas. Audi prophetam: Vac tnihi, quia tacui; audi apostolum cum metu dicentem: Vac mihi erit, si non euangelizavero; vide, ne, te occupante cathedræ locum, alius forsitan secludatur, et dicatur de te illud: Tulerunt clavem scientiae, ncc ipsi intrant nec alias sinunt intrare, qui forte melius dominicis profectibus respondere potuerant'. Hoc tamen, inspirante Domino, habuit proprium, ut, dum singulis singula proferebat, unicuique vitae suæ cursum ante oculos præsentaret, ut qui eum audiebat non solum scrutatorem cordis esse crederet, sed quemadmodum testem suæ conscientiae fateretur. Et sicut erat circa se severissimus, ita apparebat circa alias pro emendatione districtus.

(19). Adiecit etiam atque compulit, ut laicorum popularitas psalmos et hymnos to pararet, altaque et modulata voce instar clericorum alii Græce, alii Latine prosas antiphonasque cantarent, ut non haberent spatium in ecclesia fabulis occupari. Prædicationes quoque compunctissimas, tempore vel feativitatibus congruentes, instituit pariter et invexit.

(20). Infirmis vero adprime conauluit subvenitque, eis et spatioseissimam deputavit domum, in qua sine strepitu aliquo basilicæ opus sanctum possint audire; lectos, lectuaria, sumptos cum persona, quæ obsequi et mederi possit, instituit. Locum libertatemque suggesti captivis et pauperibus non negavit. Præcipiebat ministro suo semper, dicens: 'Vide, si aliqui pauperum pro foribus adstant, ne pro quiete nostra foraitan trepida et verecunda paupertas ad peccatum nostrum præstolans, patiatur iniuriam. Non enim implebitur regulariter ordinis nostri censura, si differamus miseros respicere vel audire, qui nos de diversis provinciis ærumnarum causa noscuntur expetere'. Data etiam redemptione, prout causa extitit, commendatosque addens, qua tutarentur, orationem laxavit. Trahenaque longa de profundo corde suspiria, dicebat: 'Vere factus est Christus blaterator et garrulus sordidus, et tameu rogit omnes, snadet, admonet, contestatur. Addebat etiam nostris procul dubio profectibus in præsenti sæculo pauperes impertitos, quibus nunc fideiussore Christo commodaremus in terris, quod postea reciperemus in cælis. Interim

etiam adiit Dei servus ob remedium Arelatensis ecclesiæ Alaricum Wisigothorum regem, ad quem tunc Arelatensis civitas pertinebat, invisere. A quo est reverentia tanta susceptus, ut cum esset Arriana barbans perversitate subversus, summo tamen cultu summaque reverentia cum proceribus suis Christi servum veneraretur pariter et ditaret. Namque pecunias captivorum profuturas remedii impertivit et dati firmitate præcepti ecelesiam in perpetuum tributia fecit inmunem.

(21). Sed tranquillitatem huius sancti viri post paucos dies æmula diaboli perturbavit adversitas, et cui non habebat quæ opponeret vitia corporis, crimen obicit traditoris. Etenim post aliquod tempus perditus quidam de notariis beati viri Licinianus nomine assumpsit gerere in virum apostolicum, quod discipulus Iudas non timuit adversus salvatorem nostrum, Dei filium, perpetrare. Veneno enim suevissimæ accusationis armatus, suggessit per auricularios Alarico regi, quod beatissiraus Cæsarius, quia de Galliis haberet originem, totis viribus affectaret territorium et civitatem Arelatensem Burgundionum ditionibus subiugare, cum ille præstantissimus utique pastor, flexis genibus, pacem gentium, quietem urbium diebus ac noctibus a Domino generaliter postularet. Qua magis causa credendum est, instinctu diaboli ad exilium sancti viri ferocitatem fuisse barbaram concitatam. Non enim acceptus aut gratus est inimico is qui orat, ut eius contradicatur operibus. Igitur instigatione præseutium nec innocentiae fides adtenditur, nec accusationis veritas flagitatur, sed falsis et inficitiis accusationibus condempnatus, cum ab Arelato fuisset abstractus, in Burdigalensem civitatem est quasi in exilio religatus.

(22). Sed ut in eo Dei gratia non lateret, casu accidit, ut nocte quadam civitas sævo flagraret incendio, populique velociter concurrentes ad Dei bominem, proclamarent: ‘Sancte Cæsari, orationibus tuis extingue ignem sævientem’. Quod cum vir Dei audisset, dolore et pietate commotus, venienti flammæ obvius in oratione prostrernitur et statim flammarum globus fixit et repulit. Quo viso, omnium concurrentium vocibus divinæ per eum laus est celebrata potentiae. Post hanc virtutem tanta admiratione ab omnibus habitus est, ut in eadem urbe non solum ut sacerdos, sed ut apostolus haberetur, et auctor persecutionis eius, id est diabolus,

confunderetur, qui eum quem nisus fuerat reum asserere videbat divini operis miraculis eminere. Quod ita factum fideli narratione comperimus.

(23). Instruxit itaque et ibi et ubique semper ecclesiam reddere quæ sunt Cæsarum Cæsari et quæ sunt Dei Deo, oboedire quidem iuxta apostolum regibus et potestatibus, quando iusta præcipiunt, nam despectui habere in principe Arriani dogmatis pravitatem. Sic, testante veritate, non potuit lucerna abscondi posita super montem, sed quocumque accessit, cunctos illuminavit radians super candelabrum Domini.

(24). Post hæc, comperta beati viri innocentia, poscit nefarius princeps, quatinus sanctus antistes ad pristinam reverteretur ecclesiam seque civitati pariter præsentaret et clero; accusatorem vero eius lapidare rex præcepit. Iamque cum lapidibus populi concurrentes, subito ad aures eius iussio regis pervenit. Statim festinus adsurgens, intercessione sua vir sanctus non tam vindictæ suæ accusatorem dari voluit, quam supplicatione propria maluit penitentiæ reservari, ut animam eius per penitentiam curaret Dominus, quam per falsam proditionem captivam fecerat inimicus, et domestico hosti clementer indulgens, antiquum adversarium in una causa conscientia pura bis vinceret.

(25). Hoc etiam specialius servus Dei studuit custodire, ut sive de servis seu de ingenuis obsequentibus sibi numquam extra legitimam disciplinam, id est XXXVIII, quisquis peccans acciperet. Si vero in gravi fuisset culpa deprehensus, permittebat, ut post dies uliquod paucis iterum cæderetur, hoc ordinatores præpositosque ecclesiæ suæ contestans, quod si quis amplius neglegentem cædi præciperet, et pro ipsa disciplina homo mortuus fuerit, reus esset homicidii, cuius imperio factum fuerit.

(26). Cumque nuntiatus fuisset homo Chriati reverti atque imminere prope civitati, egreditur in occursum ipsius tota fraternitas totusque sexus cum cereis et crucibus, psallendo sancti viri opperiens iutroitum. Et quia facit suos trepudiare virtutibus Christus et perfidos aperta mirabilium luce confundi, in adventu servi sui Dominus arenem terram longissima siccitate largissimo imbre perfudit, ut fructuum fecunditas sequeretur, quando revertebatur sibi placitus dispensator.

(27). Post hæc quadam die prospiciens de altario, vidi aliquos, lectis euangeliis, de ecclesia foris exire, qui verbum beati viri, id est prædicationem, dedignabantur in primo cognoscere. Illico currens, clamavit ad populum: ‘Quid agitis, o filii, quo ducimini foris, mala sussione subversi? State pro animabus vestris ad verbum admonitionis et audite solliciti; hoc vobis in die iudicii facere non licebit. Moneo et clamo; non ergo estote fugitivi vel surdi. Contestor, ecce! oris mei bucina, quia, si anima cuiusque vestrum fuerit diaboli mucrone perempta, non tenebor de taciturnitate culpabilis’. Ob hoc sæpiissime hostia post euangelia claudi fecit, donec, Deo volente, gratularentur cohortione et provectu, qui fuerant ante fugitivi.

(28). Concepit igitur mente homo Dei, ut semper, regnante Domino, divinitatis* instinctu non solum clericorum catervis innumeris, sed etiam virginum choris Arelatensium ornaretur ecclesia, et civitas muniretur, quatinus plenariam segetem non infructuosus agricola cælestibus horreis et superstis conderet et receptus sequacitate sua doceret inferri. Sed dispositionibus istis diabolicæ invidiæ obviavit aliquantis per adversitas. Eteniin, obsidentibus Francis ac Burgundionibus civitatem, iam enim Alarico rege a victoriosissimo rege Chlodoveo in certamine perempto, Theudericus Italiæ rex Provinciam istam, ducibus missis, intraverat. In hac ergo obsidione monasterium, quod sorori seu reliquis virginibus inchoavebat fabricari, multa ex parte destruitur, tabulis ac cenaculis barbarorum ferocitate direptis pariter et eversis. Dumque laborem, quem festinus urgebat manuque propria et sudore construxerat, everti videret et destrui, geminato coepit merore consumi.

(29). Tunc quidam e clericis concivis et consanguineus ipsius, captivitatis timore perterritus et iuvenili levitate permotus, diaboli contra servnm Dei armatu instinctu, funiculo per murum sese nocte submittens, ultiro offertur in crastino sceleratus obsidentibus inimicis. Quod ubi Gothi intrinsecus agnoverunt, inruunt in sanctum virum populari seditione, certe et Iudæorum turba immoderatus perstrepente atque clamante, quod in traditionem civitatis ad adversarios personam compatrioticam noctu destinasset antistes. Nihil ergo fidei, nihil probationis nihilque puræ conscientiæ reservatur, Iudæis præsertim et hæreticis id ipsum absque

reverentia et moderatione ulla clamantibus. Extrahitur igitur e domo ecclesiæ antistes atque in palatio artissimæ custodiæ mancipatur, quatinus sub nocte aut profundo Rodani mergeretur aut certe in castro Ugernensi teneretur detrusus, donec exilio et tribulatione ipsius amplius baccharetur adversitas.

(30). Domus vero ecclesiæ et cubiculum antistitis Arrianorum mansionibus constipatur. Unus tamen ex ipsis Gothis, qui se in lectulo illius, aliis contradicentibus, conlocavit, a divinitate percussus, alia die mortuus est, ut servi Dei locum nullus de reliquo auderet polluta conscientia violare. Cum ergo ex utraque ripa drumonem quo injectus fuerat obsidione hostium Gothi Dei nutu subigere non valerent, revocantes sub nocte in palatio sanctum virum, personam ipsius texere silentio, ut, utrum viveret, nullus catholicorum posset agnoscere.

(31). Dum ergo, diabolo exultante, ista geruntur in gaudio Iudæorum, qui in nostros ubique sine ullo respectu perfidiæ probra ructabant, nocte quadam unus ex caterva Iudaica de loco, ubi in muro vigilandi curam sorte suscepserant, illigatam saxo epietolam, quasi inimicos percuteret, adversariis iecit, in qua nomen sectamque designans, ut in loco custodiæ eorum scalas nocte mitterent, invitavit, dummodo ad vicem impertiti beneficij nullus Iudæorum intrinsecus captivitatem perferret aut prædam. Mane vero, amotis aliquantulum a muro inimicis, egredientes quidam extra antemurale, inter parietinas, ut solet, repartam epistolam intro deportant et publicant cunctis in foro. Mox persona producitur, convincitur et punitur. Tunc vero sæva Iudæorum immanitas, Deo et hominibus invidiosa, tandem aperta luce confunditur. Mox Danihel quoque noster, id est sanctus Cæsarius, de lacu leonum educitur, et satraparum accusatio publicatur, et impletum est de eorundem auctore: Lacum aperuit et effodit eum et incidit in foveam quam fecit.

(32). Fugatis denique obsidionibus et Arelato Gothis cum captivorum immensitate reversis, repletur basilicæ sacræ, repletur etiam domus ecclesiæ constipatione infidelium, eisque in grandi penuria alimenta pariter et vestitum homo Dei inpertitur affatim, donec singulos redemptionis munere liberaret, expenso argento omne, quod venerabilis Eonius antecessor suus ecclesiæ mensæ

reliquerat, custodiens illud, quod Dominus non in aurato vase tinxit panem, non in argenteo vase, et discipulis præcepit non possidere aurum neque argentum. Opus vero sanctum usque ad divini ministerii dispensationem peragitur. Etenim, thuribulis, calicibus patenisque pro eorundem redemptione datis, sacratae templi species pro veri templi redemptione venduntur. Videntur etiam hodieque securium ictus in podiis et cancellis, dum inde colomellarum ex argento facta excutiuntur ornamenta, hoc vir Dei dicens: Ne rationabilis homo sanguine Christi redemptus, perditio libertatis statu, pro obnoxietate aut Arrianus forsitan efficiatur aut Iudæus aut ex ingeuuo servus aut ex Dei servo hominis'.

(33). Ornavit enim per hoc et tutavit, non deformavit ecclesiam; aperire fecit filiis matris viscera, non dampnari, hoc sæpiissime dicens: 'Velim tamen, dicerent darentque mihi rationem aliqui mei domini sacerdotes sive reliquus clerus, qui nescio quo superfluitatis amore nolunt dare insensibile argentum aut aurum de donariis Christi pro mancipiis Christi. Velim, inquam, dicerent, si sibimet casualiter ista adversa contingerent, utrum se cuperent istis insensibilibus liberari donariis, aut forsitan sacrileguim computarent, si his aliquis de divinis munusculis subveniret. Non credo contrarium esse Deo, de ministerio suo redemptionem dari, qui se ipsum pro hominis redemptione tradidit'. Videmus ex hoc aliquos laudare quidem factum sancti viri et tamen nullatenus æmulari. Nonne in vitro sanguis Christi et in ligno corpus pretiosissimum eius pependit pro nobis et fulsit?

(34). Nos tamen credimus et in Domino confidimus, quia per misericordiam et fidem seu orationes beati Cæsarii sic in diebus suis Arelatensis quidem obsessa est civitas, ut tamen nec captivitate meruit nec prædæ subcumbere. Sic deinde a Wisigothis ad Austrogothorum devoluta est regnum; sic hodieque in Christi nomine gloriosissimi regis Childeberti subditnr ditioni, ut, sicut legimus, transierunt de gente in gentem et de regno ad populum alterum, et non permisit Deus hominem nocere Arelatensibns suis.

(35). Instar igitur monasterii, præcipue quod sorori præparare cooperat, et instar prioris normæ et singularitate claustrri, ipse, – vero siquidem nihil obviat mysterio quod congruit Christiano, – quasi recentior temporis nostri Noe, propter turbines et procellas sodalibus

vel sororibus in latere ecclesiæ monasterii fabricat arebam. Evocat Massiliensi monasterio venerabilem germanam suam Cæsariam, quam inibi ideo direxerat, ut disceret quod doceret et prius esset discipula quam magistra, et in præparatis habitaculis cum duabus aut tribus interim sodalibus intromittit. Inde convenientiunt inibi virginum multitudines catervatim; facultatibus quoque et parentibus renuntiantes, respuunt mortalium flores fallaces pariter et caducas. Cæsarii patris, Cæsariæ matris expetunt gremium, quatinus cum eodem, accensis lampadibus, cælestis regni ianuam præstolentur, et competenter ingressæ, Christi perpetuis mereantur amplexibus inhærere, ita retrusæ, ut usque diem transitus earum nulli liceat foris ianuam egredi de monasterio.

(36). Pro ista denique causa proque hoc studio procul dubio contrab servum Christi diabolus ut leo rabidus intumescens, iterum accusatione confecta, extrahi ab Arelate antistitem facit et in Italia sub custodia Ravennam usque perduci, ut impleretur in eo: Sicut probatur aurum et argentum in fornace, ita corda electorum apud Deum. Adiit palatum, regem quoque Theudericum Christo duce salutaturus, adgreditur. Ut vero rex Dei hominem intrepidum venerandumque conspexit, ad salutandum reverenter adsurgit hac, deposito ornatu de capite, clementissime resalutat, primum interrogans de labore ipsius atque itineris, dehinc de Gothis suis ac de Arelatensibus affectuose perquirens. Egresso igitur viro sancto pontifice a conspectu regis, suos alloquitur rex, dicens: ‘Non parcat illis Deus, qui huius innocentiae virum atque sanctitatis frustra fecerunt itinere tam longo vexari! Qualis ille sit, hinc probatur, quia, ingresso eo ad salutandum me, totus contremui. Video’, inquit, ‘angelicum vultum, video apostolicum virum; nefas arbitror mali quippiam de tam venerando viro censere’.

(37). Post hæc recepto in diversorio mittit muneris loco pransuro argenteum discum, cuius pensa ad sexaginta libras circiter fungebatur, adiectis in eo solidis trecentis, rogante pariter et dicente: ‘Accipe, sancte episcope. Rogat filius tuus rex, ut vasculum istum muneris loco dignanter beatitudo vestra percipiat et in usum pro memoria sui habeat’. Ille vero, qui in usum mensæ suæ argentum numquam habuit absque cocliaria, die tertia per ministros suos adpretiatum discum facit publice venundari eiusque pretio

coepit captivorum plurimos liberare. Mox, inquiunt, regi nuntiaverunt famuli sui: ‘Ecce! vidimus in proposito venalium dominicum munus venale, cuius pretium Cæsarius episcopus multitudines liberat captivorum. Etenim tanta enormitas pauperum in metatu ipsius est et domus atrio constipata, ut vix ad salutandum eum pro densitate suggestorum miserorum possit accedi. Nam et per plateas innumeratas catervas infelicium vidimus cursitantes, eentes scilicet ac redeuntes ad virum’.

(38). Quod ubi factum huiusmodi comperit Theodericus, tanta laude et admiratione prætulit, ut observantes eius palatio senatores ac proceres certatim omnes oblationis suæ mercedem per beati viri dexteram cuperent dispensari, divinitus semet proclamantes esse respectos, quod tales pontificem fuissent digni conspicere, qui temporibus illis factis et dictis verus apostolorum successor et apostolicus appareret. Et quia nihil velocius fama percurrit, opere sanctissimo crebrescente, statim sancti viri sancta pervolavit Romam opinio, coepitque inibi a senatu et proceribus, a papa quoque et clericis simulque et popularibus tanto caritatis desiderari fervore, ut ante singulis cordis inhæreret amplexu, quam corporalibus oculis videretur. Interea omnes captivos deultra Druentiam maximeque Arausici oppidi, qui ex toto fuerat captivitati contraditus, cuius etiam partem Arelate liberaverat redimendo, mox inventos in Italia redemit, ut potuit. Et ut eis libertas plenior redderetur, imposuit cum sumptu iumentis et plaustris in via suorumque solatio et ordinatione fecit ad propria revocare.

(39). Inter hæc in prædicta Ravennatum civitate quædam vidua habebat filium adolescentem præfecturiis officiis militantem, qui indigentiam genetricis emolumentis ac propriis stipendiis sustentabat. Hic puer, subita infirmitate faciente, iacebat exanimis. Cui cum humanæ curationis spes omnis et consolatio defecisset, mox mater eius, relicto filio et amisso, ad virum Dei festina percurrit, et prostrato corpore oculisque faciem rigantibus, dans insuper ululatus, fide solummodo vigente, beati viri genua complexa, clamavit, dicens: ‘Credo, quia miseratio divina ideo hic te, sancte, deduxit, ut filium redderes matri’. Flebiliiter supplicant mulieri paululum recusavit, et tamen durum credens, si tales lacrimas non audiret, solita miseratione commotus, volens scilicet sic debitum

impendere caritatis affectum et sic in Dei nomine virtutem exercere, ut in omnibus refugeret vanitatem, ad tugurium eius occulte latenterque pervenit.

(40). Fusa itaque prece, solito more prostratus humo, ubi divinam virtutem invocationi suæ per Spiritum sanctum adesse persensit, abscessit; notario suo illo tempore, nunc venerabili viro presbytero Messiano relicto præcepit, ut, cum adolescens ad se reverteretur, sibi protinus nuntiaret. Qui cum ante decubentis lectulum excubaret, neicum hora expleta, puer de mortis est tenebris revocatus et mox, reseratis orbibus oculorum, matrem alloquitur, dicens: ‘Vade, mater, ad servum Dei festinanter et propera, cuius orationibus tibi vitæque sum redditus, et age gratias, quod mentis virtutibusque suis Deus dedit effectum’. Illa perniciter advolans adcurrit, gratias non tantum verbis quantum lacrimis et vocibus gaudiisque persolvens postulansque, ut quem Deus per illum istim luci reddiderat, ad Gallias rediens, de suo non pateretur discedere famulatu. Sed beatus ilie vir altioris ingenii respondit, eam illi potius debere referre gratias, cuius virtus et pietas omnibus merentibus et lamentantibus adesse consuevit. Huius igitur miraculi magnitudo non solum civitatem illam, sed provinciam cunctam fidelium devotionibus ac nuntiis peragravit.

(41). Medicus etiam diaconus Helpidius regiæ potestati ac sæculo famulatu intimus, diabolica infestatione non solum reliquis diversis insidiis fatigatus, sed et saxorum quoque imbre in domo sua crebrius adpetitus, sanctum Dei exorat, ut a vexatione ipsa eius mereretur orationibus liberari. Cuius domum sanctificaturus ingrediens benedictæ aquæ infusione respersit atque ita consuetæ vexationis discriminibus liberavit, ut ultra ibi nihil tale contigerit.

(42). Post hæc Romam veniens, beato Symmacho tunc papæ ac deinde senatoribus et senatricibus præsentatur. Omnes Deo et regi gratias retulerunt, quod meruissent oculis corporeis intueri, quem iam dudum oculis cordis aspexerant. Igitur apostolicum virum non iam fama vulgante, sed corporali præsentia conprobantes, certatim diligere ac veneraree cooperunt. Pro qua re papa etiam Symmachus, tanta meritorum eius dignitate permotus et tantæ sanctitatis ac reverentiæ honore provocatus, non solum verissimi eum metropolitani gradibus invexit, sed et concesso specialiter pallii

privilegio decoravit. Diaconos quoque ipsius ad Romanæ instar ecclesiæ dalmaticarum fecit habitu præminere.

(43). Debinc ad propria reversus, Arelatensium ingreditur civitatem, psallendo suscipitur secumque, expedita redemptione, octo milia solidorum qui exiliandus ierat ab Italia defert. Etenim die, qua civitatem ingressus est, ecclesiam ad vesperam benedictionem datus intravit. Etb ecce! una feminarum subito tremore correpta, cum spumis eiulans et proclamans extitit; pavefactis quoque in ecclesia cunctis, erupit. Quæ adprehensa hinc atque inde manibus, beato viro ante altare ilico præsentatur, exorantibus cunctis, ut, depulsa peste, redintegrari mulierem faceret sospitate. Tunc solo more suo pro eadem in oratione prosternitur, et inponens capiti manum, omnesque sensus ac vultum tactu olei sacri perunxit. Quo facto, nequaquam deinceps repetiit mulierem depulsa in Christi nomine calamitas.

(44). Interea habebat præcipuam inter reliquas sollicitudinem captivorum, tantusque in hac administratione fuit tamqne præclarus, ut nullius hoc possit explere relatio. Nam quadam die dum deesset sanctis manibus auri vel argenti species, quod daretur egenis, interpellatus a paupere, ait: ‘Quid tibi faciam, miselle meus? Quod habeo, hoc tibi do’. Ingrediens cellula suam, casulam qnam processoriam habebat albam paschalem exhibens, dedit ei, dicens: ‘Vade, vende cuicunque clericu et de pretio ipsius redime captivm tñnm’. Non solum enim qui eum expetierunt captivitatis sunt vinculis absoluti, sed ipse quoque per se pro redimendis captivis Carcasonam profectus est civitatem. Nam et multis vicibus per loca diversa abbates, diaconos et clericos pro miserorum redemptione direxit.

(45). Tot autem divinæ gratiæ munera solus habere promeruit, quod vix in plurimis Deo servientibus floruerunt; ipse tamen sic in se unamquamque semper excoluit, tamquam si ipsam solam prorsus virtutem haberet: tamdiu præcedentia eius pulcherrima ac iucundissima videbantur, quamdiu a sequentibus vincerentur. Quis enim eius patientiam, quis puritatem, quis caritatem, quis fervorem spiritus, quis discretionem, quis benignitatem, quis zelum sanctum, quis iugem meditationem die noctuque in lege Domini poterit explicare? Qui cum a meditatione psalmorum aut prædicatione

cessare videretur, lector aut notarius ante eum legere non desistebat. Assertor fidei, forma sacerdotum, ornatus ecclesiarum, prædicator gratiæ, extinxitor iurgii, seminarium caritatis, norma disciplinæ, morum ponderator, libra consilii, defensio pupillorum, captivorum redemptio. Numquam de ore illius detractio, numquam mendacium, numquam maledictum contra qualemcumque personam processit: et non solum non detraxit cuiquam, sed nec detrahentem patienter audivit. Si quis suorum iuravit subito aut forsitan maledixit, prout persona fuit, ita in eo salubriter vindicavit. Illius tamen ista fuit pro maledictione benedictio, si contra aliquem aliquando motus est: ‘Deleat Deus peccatum tuum, auferat Deus scelus tuum, castiget Dominus delictum tuum; corrigat hic Dominus errorem tuum, ut illuc non servetur tibi’.

(46). Ad interiorem suum prodebat exterior. Nam vultu semper placido et angelico, ita ut secundum scripturam, corde lætante, vultus floreret, sicut numquam in risu iusto remissior, ita numquam meroris nimietate depresso, nisi forte quando pro alienis peccatis lugebat; numquam aliquem odio habuit et non solum pro amicis, sed etiam pro inimicis toto affectu cordis oravit, nec docuit verbis quod non adimplevit exemplis. Nulla hora eum diei sine divini eloquii meditatione transibat, sed nec dormientem præteribat; nam frequenter et dormire visus est et meditari, ita ut recte et veraciter diceret: Meditatio cordis mei in conspectu tuo semper.

(47). Quodam igitur tempore, dum iter ageret circa Alpina loca, virvene rabilis sanctus Eucherius episcopus cum ipso erat. Factum est, ut in media strata infelix et infirma mulier occurseret, [quæ], manibus pedibusque contractis, per terram reptabat. Quam cum fuisset intuitus, interrogavit ipsum sanctum Eucherium, quid esset hoc, quod sic per terram se traheret. Ille mulierem interrogavit. Ipsa respondit, iam annis multis paralyticam se et omnibus membris contractam. Tunc beatus Cæsarius dixit sancto Eucherio: ‘Descende et signa eam’. Ille coepit quasi trepidare et excusare, omnino ille non desistere, nisi faceret. Descendit itaque et signavit eam et dixit: ‘Ecce! feci quod iussisti’. Cui rursus ait: ‘Mitte modo manum tuam et adprehende manum illius et erige eam’. Ipse respondit: ‘Faciam aliud, quicquid tu Eucherio iusseris; hanc vero rem adgredi non præsumam. Sed istud fac tu, cui dedit Deus et animas et corpora

sanare languentium'. Ille respondit: 'Interim tu fac quod dico'. Cumque ille fortiter reniteretur et humiliter et lacrimabiliter excusaret diutiusque contenteret, dixit ad eum: 'In ignem tu propter oboedientiam ingressurus eras, qui nec propter misericordiam es paratus facere quod caritas iubet? Mitte ergo manum tuam in nomine Domini et erige eam'. Tunc iussis oboediens, mulierem, porrecta manu, levavit; pedibus suis atque omnibus membris recuperatis, ad hospitiolum suum incolumis ambulavit.

(48). Nam quantis virtutibus emicuerit, quis enarrare valeat? Factum est, in agro monasterii sui suburbano apri frequentarent. Egressabantur comites civitatis vel reliqui militantes et non permittebant homines domus ipsins laborare, sed nimia eos cæde mactabant, qua feros prohiberent. Illi vero iam diutius non ferentes iniurias et inquietudines, venerunt et interpellaverunt ipsum dominum, proclamantes atque dicentes: 'Fac de nobis quod iubes, nam nec servire tibi nec stare ibi possumus'. Sollicite interrogavit, quæ essent querelæ eorum. Qui responderunt: 'Propter apros veniunt comites et Gothi et diversi venatores et interficiunt nos'. At ille publica voce, elevatis oculis et manibus, aspiciens in cælum, dixit: 'Domine Iesu Christe, ne in loco illo ultra apri accessum habeant! Ex eadem hora usque in præsentem diem numquam ibi nec nutrierunt, sicut consueverant, nec comparuij quod venari posset. Merito imperavit bestiis, qui a se expulit omne vitium; potuit ille impetrare a Deo, cuius præceptum numquam præterivit.

(49). Evenit etiam, ut illustrissimi viri Parthenii patricii puerb, qui prælatus servis ceteris a domino suo præcipuus habebatur, per quandam nequissimam temptationem sæpius in terram, alienato sensu, corrueret. Et dum re vera hostis ipsius vexatio magis animi quam corporis infirmitas videretur, oleo beatissimi viri benedictione sacrato perunctus est. Quo facto, ita temptatio maligna discessit ab eo, ut quem, cessante cura terreni medici, per servum suum Cbristus reddiderat sanitati, domui etiam suæ dominus ipse præponeret.

(50). Pro exemplo terroris et, quod sub admiratione magis potest esse formidine, ad declarandum meritum viri sanctissimi memorabilem factum eius nefas est silentio præterire. Dum sanctus igitur vir dioceses suas circumiens in villam quæ Launico dicitur a

dominis propriis fuisse exceptus, in cella in qua lectum Habuit post discessum illius in stratum ipsius pestifer quidam Anatolius nomine medicus, pro tali crimine valde dolendus, scortum expetiit meretricis. Ubi mox ab incentore suo diabolo publica vexatione correptus, in conspectu hominum est elisus in terram et publica voce, pro qua præsumptione correptus fuerat, dum servi Dei virtutem confiteretur, sceleris sui publicavit admissum.

(51). Scimus enim multas per intercessionem viri Dei Dominum fecisse virtutes, quas longum est per ordinem prosequi. Nam dum unus e nostris, qui hæc scripsimus, pro suffragio suo benedictionis ab ipso consecratum oleum postulasset, ampullam plenum ab ipso acceptam diligenter ad domum deferens, tamquam maximas reliquias studuit conservare. Et dum post aliquod tempus tertianæ febris nimiis urgeretur ardoribus, ampullam in qua erat oleum cum maxima veneratione grandique præsidio ad caput suum petiit debere suspendi. Quæ dum fuisse mundissimo linteo involuta, ut credimus, neglegentia faciente famulorum, confracta est; sed ita intra ipsam stetit oleum, ut nullus liquor in terra vel in linteo descenderet. Quo viso, dum in vase alio cum summa velocitate mutaretur, cum perevacuata fuisse, statim se ampulla confracta dissolvit: ab ipso qui hæc veraciter memorat, adiuvantje Domino, febris sine ulla dilatione discessit.

(52). In disserendis autem scripturis et in elucidandis obscuritatibus quanta gratia in illo emicuerit, quis poterit enarrare? ita ut hæc ei summa iocunditas fuerit, si ilium aliquis, ut obscura dissereret, provocaret. Et ipse frequentissime incitabat, dicens nobis: ‘Scio, quod non omnia intelligit, quare non interrogatis, ut possitis cognoscere? quia non semper vaccæ ad vitulos currunt, sed nonnumquam vituli ad vaccas festinant, ut de matrum uberibus possint suam esuriem satiare. Hoc et vos omnino debetis facere, ut interrogando etiam nos exerceatis, ut debeamus perquirere, unde vobis possimus spiritalia mella proferre’. Væ mihi misero Cypriano, qui tam tepidus in discendo extiti, ut modo cognoscam et peniteam! Quare de tanti fontis fluentis non tantum hausi, quantum mea indigebat ariditas?

(53). Resplenduerunt in eum singulæ quæque virtutes, virginitas scilicet cum sinceritate, modestia cum verecundia, sapientia cum

simplicitate, severitas cum mansuetudine, doctrina cum humilitate, vita denique inmaculata, vita inreprehensibilis, vita sibimet semper æqualis. Caritatis autem eius ardorem, qua omnes homines dilexit, quis umquam poterit imitare? Ille enim hoc maxime et corde et ore gestabat et, ut inimicos diligere deberemus, hortatu blandissimo, sermone et exemplo laudabiliter instruebat. Vix aliquis illo affectu pro caris quo ille pro inimicis orabat; et licet non essent causæ, quibus illi quisquam inimicus existeret, nisi forte pro invidia ant disciplina aliqui æmuli esse viderentur, ille tamen eos non solum paterno, sed etiam materno diligebat affectu, hoc sæpius nobis insinuans, quia cum dilectio usque ad inimicos extenditur, fieri non potest, ut proximus non ametur.

(54). Docuit præterea memoriter, quamdiu potuit, altaque voce semper in ecclesia prædicavit. In quo opere tam pia atque salubris eius provisio fuit, ut, cum ipse pro infirmitate iam non posset ad ipsum officium peragendum accedere, presbyteros et diaconos imbuerit atque statuerit in ecclesia prædicare, quo facilius nullus episcoporum se ab hac necessaria cunctis exhortatione cuiuscumque impossibilitatis excusatione suspenderit, hoc dicens: 'Si verba Domini et prophetarum sive apostolorum a presbyteris et diaconibus recitantur, Ambrosii, Augustini seu parvitatis meæ aut quorumcumque doctorum catholicorum a presbyteris et diaconibus quare non recitentur? Non est servus maior domino suo. Quibus data est auctoritas euangelium legere, credo et licitum esse homelias servorum Dei seu expositiones canonicarum scripturarum in ecclesia recitare. Ego me exuo hoc instituendo; sancti sacerdotes, qui hoc implere contempserint, causas se inde in die iudicii noverint esse dicturos. Non quidem credo, quod quisquam tam obduratum sensum habeat, ut cui Deus dicit: Clama, ne cesses, nec ipse clamet nec alios clamare permittat; timeat illud: Væ tacentibus de te, quoniam loquaces muti sunt, et illud apostoli: Canes muti, non calenes latrare. Etenim quantæ oves, tacente sacerdote, aberraverunt, de tantorum animabus redditurus est rationem.

(55). Prædieationes quoque congruas festivitatibus et locis, 8ed et contra ebrietatis ac libidinis malum contraque discordiam et odium, contra iracundiam atque superbiam, contra sortilegos et aruspices, contra kalendarum quoque paganissimos ritus contraque

augures, lignicolas, fonticolas diveraorumque errorum vitia fecit, easque ita paravit, ut, si quis advenientum peteret, non solum non abnuerit inpertire, sed, etsi minime suggereret, ut deberet accipere, offerret ei tamen et inpertiret ipse quæ legeret. Longe vero positis in Francia, in Gallias atque in Italia, in Hispania diversisque provinciis constitutis transmisit per sacerdotes, quid in ecclesiis suis prædicare fherent, ut, projectis rebus frivolis et caducis, iuxta apostolum bonorum operum fierent sectatores. Bonus ergo Cbristi odor per ipsum longe lateque diffusus est. Flagravit ubique profectibus, quo non est conspectibus præsentatus; tetigit pectora, quorum membra non contigit.

(56). Adiecit etiam hoc, ut numquam in ecclesia sua diaconum ordinaret ante tricesimum ætatis eius annum; verum etiam et hoc addidit, ut nec in qualibet maiore ætate umquam ordinaretur, nisi quattuor vicibus in ordinem libros veteris testamenti legerit et quattuor novi. Sanctæ conscientiæ suæ testis sum ego peccator Cyprianus, quia quicquid aut aliis præcepit aut ipse fecit, omnia propter Deum semper implevit; quicquid aut prohibuit fieri aut ipse vitavit facere, omnia in zelo Dei, nihil carnaliter aut egit aut sapuit.

(57). Et quia numquam otiosus ab opere Dei esse voluit, disposit fabricavitque triplicem in una conclusion basilicam, cuius membrum medium in honore sanctæ Mariæ virginis cultu eminentiore construxit, ex uno latere domni Iohannis, ex alio sancti Martini subiecit. Et ut auferret sacris quas congregaverat virginibus curam necessariæ sepulturæ, monobiles archas corporibus humandis aptissimas de saxis ingentibus noviter fecit excidi, quas per omne pavimentum basilicæ constipatis sterni fecit ordinibus, ut quæcumque congregationis illius de hac luce migrasset, locum sepulturæ paratissimum et sanctissimum reperiret.

(58). Non multum igitur post monasteriæ matrem germanam suam Cæsariam sanctam ad præmia Christi migrantem inter has quas præmiserat inibi ad medium throni iuxta eam quam sibi paraverat condidit sepulturam, succedente eidem quæ nunc superest Cæsaria matre, cuius opus cum sodalibus tam præcipuum viget, ut inter psalmos atque ieunia, vigilias quoque et lectiones libros divinos pulehre scriptitent virgines Christi, ipsam matrem magistram habentes.

(59). Insistebat itaque, ut solitus erat, orationi, lectioni et elemosinis beatus homo, prædicationibus incessanter omni dominica omnibusque diebus festis; frequenter etiam ad matutinos, ad lucernarium propter advenientes homeliæ recitabantur, ut nullus esset, qui se de ignorantia excusaret. Oboedientes invitabat, sollicitos instruebat, renitentes vero acriter contestabatur, quia, sicut fidelibus in diem iudicii digna esset retributio conferenda, ita et hos dignæ indignationis ultio sequeretur. Statuit etiam regulariter, ut nubentes ob reverentiam benedictionis ante triduum coniunctionis eorum eis benedictio in basilica daretur. Tanta denique bona in se, largiente divina gratia, habuit et de audientium profectibus et de discipulorum sequacitate et de virginum consecratione, ut non uno tantum sit merito coronatus, sed inter tantas ac multiplices coronas de coruscantibus meritis suis cingatur, totus in corona gloriæ demutetur.

(60). Et multi quidem æmuli surrexerunt, qui eius resisterent doctrinæ de gratia prædicandi. Sed o felicitas æmulanda! Etenim susurris et mala interpretatione quorundam oboritur in Galliarum partib Us contra prædicationem Dei hominis frustra sinistra suspicio. Ob hoc antistites Christi ultra Eseram consistentes, caritatis amore collecti, in Valentina civitate conveniunt; ubi etiam beatus Cæsarius infirmitatis solitæ causa, sicut disposuerat, properare non potuit. Misit tamen præstantissimos viros de episcopis cum presbyteris et diaconibus; inter quos etiam sanctus Cyprianus Thelonensis antistes magnus et clarus enituit, omnia quæ dicebat de divinis utique scripturis adfirmans et de antiquissimis patrum institutionibus probans, nihil per se in divinis profectibus quenquam arripere posse, nisi fuerit primitus, Dei gratia præveniente, vocatus. Sed dum suam institiam qnærebant statuere, iustitiæ Dei non erant subiecti, non reminiscentes, Deum dixisse: Sine me nihil potestis facere; et: Ego vos elegi, non vos me; et: Nemo habet quicquam, nisi datum illi fuerit desursum; et apostolum: Gratia Dei sum id quod sum; et alium: Omne datum optimum desursum est; et prophetam: Gratiam et gloriam dabit Dominos. Et quod tunc vere liberum homo resumat arbitrium, cum fuerit Christi liberatione redemptus, sub qua etiam absolutione valeat consequi perfectionis effectum. Quorum intentionibus homo Christi dedit veram et evidentem ex traditione

apostolica rationem. Nam et beatæ memoriæ Bonifacius Romanæ ecclesiæ papa olim, eandem conluctationem compertam, calcata intentione iurgantium, prosecutionem sancti Cæsarii apostolica auctoritate firmavit; donante Christo, paulatim ecclesiarum antistites receperunt, quod optaverat diabolus repentina animositate cassare.

(61). Hoc itaque iure definito, præstolantibus fratribus summus pontifex quibuscumque prædicabat, dicens: ‘Si amas Dei verbum, inpectoratum utique retines, quod ingessi. Amori namque divino congruit decalogi summa perfectio: ut in te sibi caritas Christi devinxit, reddas etiam ipse cum homine participata largitate commune. Sed nec parentum, amicorum sive clientum de hoc alloquio nostro tantummodo credas animas esse pascendas: testor te coram Deo eiusque angelis sanctis, reus eris saluti mancipiorum tuorum quorumlibet infirmorum, si non æque illis, ut amicis vel parentibus, cum reversus fueris, quod prædicavimus ingesseris. Conditione namque tibi corporea in præsenti subditum noveris esse mancipientium, non perennitatis vinculo mancipatum’. Iterumque ad eos quos fuerat allocutus dicebat: ‘Quid diximus, fratres? Quid disseruimus, filioli? Quæso vos, qui fnerunt nostri hactenus in conlatione sermones? Si diligitis, retinetis; si retinetis, procul dubio nostra dicta cordibus conclusistis’. Taliter provocando etiam invitis studium retinendi extorquebat.

(62). Ad prandium vero et ad cenum mensæ suæ sine cessatione cotidie legebatur, ut uterque interior exteriorque homo satiatus refectione duplii lætaretur. In hac ergo arta constrictaque conclusione audientes cum sudore, fateor, et verecundia grandi multi ante eum mox obliviousi sunt agniti, dum pauci, quod peius est, commissam narratiunculam potuerant saltuosis compendiis replicare. In domo vero ecclesiæ suæ, sicut illo præsente, ita absente, convivium semper præparatum est clericis sive quibuscumque advenientibus. Nullus illo superstite tamquam ad extraneam civitatem, sed tamquam ad propriam domum Arelato venit. Cum grandi zelo hac fervore spiritus sollicitudinem gerens de ecclesiis, de monasteriis, de peregrinis, de viduis, de infirmantibus, de quorumcumque causis, ne aliquis contra vestigia oppriineretur, precabatur. Universos viros occurrentes sibi tantæ caritatis affectu excepit, cum tam sancto et dulci alloquio affatus est, ut partem se

æternæ benedictionis percipere crederet, quicumque eius expetiit præsentiam. Mulieres tamen intra domum ecclesiæ non ad salutandum, non qualibet causa, nec religiosæ nec propinquæ ancillæ, nulla omnino feminarum introeundi habuit licentiam. Et vere sancta, cauta et perfecta consuetudo, ut abscindatur omnis occasio maligna sive sinistra suspicio.

(63). Et quia de innumerabilibus eius bonis hæc pauca præsuinpsimus attingere, sufficient manifesta, etiamsi celantur occulta. Rogamus tamen vos, sancti fratres Messiane presbyter et Stephane diacone, quibus de illo multa comperta sunt, pro eo quod ab adolescentia in obsequio ipsius fuistis, ut huic opusculo vestram quoque collationem iungatis.

Explicit liber primus.

Начинается жизнеописание.

3. Святой и блаженный Цезарий, епископ Арля, был уроженцем области Шалона. Его родители, равно как и вся его семья, служили великим примером славы и знатности и отличались от всех своих сограждан своим нравом и верой. Этот почитаемый святой, будучи семи лет от роду, без колебаний раздавал бедным имевшуюся у него одежду. И часто, когда Цезарий возвращался домой раздетым, родители, встречая его, строго ругали за то, что он отдал свои одежды. Он же им отвечал, что они были отняты прохожими.

4. И подобно тому, как некие деревца имеют обыкновение плодоносить благородными побегами, прежде чем вырасти, и при этом, чем они моложе, тем больше их урожайность. Так и в этом святом муже при первом своем опыте налился крупный плод весенней надежды, и прежде чем расцвел величиной возраста, уже изобиловал достаточной мудростью. Когда ему было 17 лет, хотя семья и родители не знали о том, он, сотворив молитву, припал к ногам Сильвестра, бывшего в то время епископом⁹⁹⁰, желая достичь пребывания в царствии небесном, стремясь, чтобы, после того как был пострижен и стал монахом, епископ предал его служению Богу и не потерпел, чтобы он был возвращен родителями обратно. Епископ воздал благодарность Христу и без промедления вознес молитвы. И когда там в течение двух или более лет был рабом Божиим под тем же началом, он был удостоен Божественной милости, познавая более строго самого себя. Он был вполне готов отдаться служению Господу в соответствии с Евангелием, чтобы ради любви к царству небесному сделаться чужим не только родителям, но и отечеству.

5. Итак, благополучно обретя свободу от мирских оков, молодой святой устремился в Леринский монастырь⁹⁹¹. Совершая свой путь с одним слугой, он пересек реку в присутствии преследователей, посланных его матерью, но не был уведен ими. Некий несчастный, в которого вселился дьявол, неотступно следовал за Цезарием и постоянно кричал

ему: «Цезарий, не ходи!» Но он тотчас излечил его, благословив и протянув ему чашу с питьем. И это достоверно, ведь так это его славный спутник передал, и не подлежит сомнению, что Цезарий так совершил свое первое чудо. Принятый святым аббатом Порхарием⁹⁹² и всеми старцами, он скоро начал проявлять себя в бдении, в почитании и в послушании, благоговейно, преданно в труде, выдающимся в смирении, исключительным в кротости. И они радовались, что тот, кого приняли для обучения начали обязательных дисциплин, пришел обученный всему этому.

6. Вскоре он был выбран келарем общины⁹⁹³. И начал старательно и бережливо раздавать тем, которым было необходимо, даже если те из-за любви кдержанности не хотели этого. А после проверки выяснял, кому что нужно, а кому нет, и тем, которым не нужно, не давал, сколько бы они ни хотели получить. И поскольку те попрекали его за такой раздел, они коленопреклоненно просили аббата, чтобы Цезария отстранили от должности, что и было сделано. Вскоре, когда его управление было закончено, он стал умерщвлять себя непрерывностью чтения, пения псалмов, моления и бдения, чтобы тело юноши, которое следовало лучше ласкать, чем калечить, обессило и сделалось согнутым и разбитым от чрезмерных мук. Из малого количества овощей и похлебки он приготавливал себе трапезу воскресным днем, и вплоть до следующего воскресенья растягивал ее⁹⁹⁴.

7. Такими благими делами он прославился в начале жизненного пути, которые были приумножены в последующей жизни многочисленными чудесами. Он обуздал плотские желания, чтобы прочностью веры и надежды сделать сильным свой дух. И, как апостол говорил, *восторжествовав над ними собой*⁹⁹⁵, когда победивший заслуживает увенчать себя венком, физическому человека предпочел духовное и отбрасывал строптивые побуждения тела властью ясного разума. После этого, когда желудок его был уже истощен, он подвергся регулярным приступам лихорадки. И когда вследствие его немощи святой аббат серьезно заволновался, как будто болезнь была разделена между пастырем и учеником,

когда один страдал душой, а другой телом. Святой отец Порхарий учтивал, что лекарство не может быть предоставлено в монастыре, хотя там и находился врач. И поняв, что побуждения юноши, пылающие к духовному, не позволяют ему избавиться от поста и строгости ночных бдений, благочестивый аббат велел ему, даже мало того – заставил отправиться в город Арль для восстановления здоровья⁹⁹⁶.

8. В то время в Арле жил Фирмин⁹⁹⁷ – муж славный и богообязненный, а также близкая ему Григория⁹⁹⁸, славнейшая из женщин, стараниями, заботой и опекой которых этот город снова вернулся к более славному отношению к клиру и монахам, а также к гражданам и беднякам. Ведь они оба не растратили свои собственные средства на мирскую роскошь, но перенесли их в рай для себя благодаря помощи бедным. Они из сострадания приняли у себя святого Цезария.

9. Также там жил, связанный с этими людьми дружественными связями, ритор по имени Померий, который был родом из Африки⁹⁹⁹, где знания в грамматике сделали его особенно известным. И поскольку казалось, что Цезарий был наполнен Божественной милостью и одарен Христом, они решили, что монастырская простота в нем должна быть украшена знаниями светских наук. Но он не принимал творения человеческого познания, ведь его Божественная мудрость подготовила для обучения только при своей помощи. Однажды Цезарий, ослабленный бдением, в кровати положил под спину книгу, которую ему передал учитель для чтения. Когда же он все же заснул на ней, вскоре он по воле Господа был поражен ужасным видением. Находясь во власти сна, он увидел, как будто спина, на которой он лежал, и часть руки, которой он опирался на книгу, были обглоданы схватившим его змием. Проснувшись, напуганный видением, он начал сурово упрекать себя за то, что захотел связать свет истинных знаний с глупой мирской мудростью. Тогда он немедленно презрел ее¹⁰⁰⁰, зная, что поскольку красоты прекрасной речи было достаточно для нее, то духовное познание превосходит ее.

10. Через несколько дней вышеназванные знатные люди обратились к епископу того города, святому Эонию¹⁰⁰¹, говоря,

что у них есть достойный уважения и выдающийся монах и он обязан познакомиться с ним и лично по-дружески пообщаться с ним. Тогда он велел, чтобы его привели к нему. И уважаемый епископ Эоний усердно расспрашивал представшего перед ним Цезария, откуда он и кто его родители. И когда он раскрыл место своего жительства и происхождение, епископ возрадовался и сказал: «Ты земляк и родственник мне, помню я родителей твоих, и вследствие нашего близкого родства я обниму тебя в память о твоих родителях». И он стал относиться к юноше не как к чужому и постороннему, а с большим уважением и искренней любовью¹⁰⁰².

11. Вскоре святой Эоний потребовал его у святого аббата Порхария. В ответ на просьбу благочестивого епископа Эония Цезарию хотя и неохотно, но разрешили уйти¹⁰⁰³. Вскоре он был назначен дьяконом, потом пресвитером. Он никогда не оставлял ни каноническую размеренность жизни монаха, ни скромные принципы Леринского монастыря, он оставался клириком по должности, а по смирению, любви, послушанию и мукам – монахом. И был он на утренних и иных молебнах первым входившим в церковь и последним из нее выходившим. Ни зрение, ни слух не отделяли дух блаженного мужа от нектара небесных благ, так что всегда казалось, что черты его лица блестят чем-то небесным.

12. Когда аббат умер¹⁰⁰⁴, святой Цезарий был направлен святым Эонием в островную область города, чтобы он, наследуя аббату в почетной власти, приучил к дисциплине монастырь, который недавно был заброшен из-за ухода руководителя. Он с готовностью усвоил жизнь в этом монастыре, ту, которую он в городе часто ежедневными делами прославлял и в молитвах желал, и так он ежедневным усердием и богоугодными делами воссоздал монастырь, который там и сейчас, по воле Бога, сохраняется.

13. В то время, как он находился в должности аббата на том острове немногим более трех лет, святой Эоний обратился к клиру, гражданам и через посланников просил самих господ¹⁰⁰⁵, чтобы они, когда он сам по воле Бога отойдет к Христу, решили, чтобы никто другой, кроме Цезария, не был

назначен ему наследником. А братия, которая жаловалась, что болезнь Эония размягчила их в многочисленных правилах, возрадовалась, что при помощи раба Божьего Цезария церковная твердость вновь вернется к прежнему положению и жизненной силе. И труд его последователя Цезария был в какой-то степени успехом предшественника, так как, когда он оставил такого наследника, братия приобрела увеличение божественного наследия. И после смерти Эония хватало союзников в отношении избрания Цезария, которого Эоний утвердил для всех переживших его в постановлении. И когда все это божественным провидением было надежно устроено, блаженный Эоний, спокойный в выборе преемника, отошел к Господу.

14. Когда стало известно Цезарию, о чем мы рассказывали, а именно – что он должен быть избран епископом, он укрылся на кладбище в тайнике¹⁰⁰⁶. Но не мог быть скрыт тот, которого прославила не вина, а слава! И среди могил он живой был обнаружен, и яркость жизни была в нем не мертвой, но сокрытой. Итак, вынужденно приняв бремя сана епископа¹⁰⁰⁷, Цезарий со скромностью нес доверенный ему груз ответственности.

15. Заботливый и волнующийся о благополучии всех пастор тотчас постановил, чтобы клирики ежедневно в базилике Святого Стефания¹⁰⁰⁸ пели с гимнами в Третий, Шестой и Девятый час¹⁰⁰⁹ и чтобы если кто-либо только обратится с просьбой, будь то человек светский или раскаявшийся, который пожелал бы следовать святому делу, то такой ежедневно и без отказа мог бы участвовать в службе¹⁰¹⁰. Сам же, по примеру апостолов отбросив все волнения и земные заботы, призвав в свидетели Господа, вверил мастерство возделывания земли в управление администраторам и дьяконам. А всего себя отдал словам Божиим, чтению и бесконечным проповедям¹⁰¹¹. Поистине, он был как духовный врач¹⁰¹², который исцеляет врожденные недуги и не дает дурным мыслям зародиться.

16. И такой дар красноречия Господь даровал ему, что, если он не мог видеть очами, он при помощи аналогий в своих наставлениях мог убедить и утешить слушателей. Он хранил у

себя ряд святых свитков и часто собирал новые, не забывая при этом и о старых. Он был подобен внутри храму Божьему, что ежедневно принимал новых гостей и старых сохранял, и так всегда прирастает вхождением приходящих, что никогда не уменьшается из-за ухода старых. И если дело требовало, он цитировал сколь угодно длинный отрывок из своих свитков, словно пересказывал знакомое из книги, а не так, как будто вынимал некогда прочитанное из сокровищниц памяти, не напоминая при этом сказанное в Евангелии про человека, *который выносит из сокровищницы своей новое и старое*¹⁰¹³.

17. Приходящих епископов и пресвитеров, а также всех служителей Церкви, как граждан города, так и даже чужеземцев, он приветствовал, говорил с ними немного и обсуждал настроение и здоровье как свое, так и сограждан. Затем, когда советы его святой проповеди воспринимались, рассуждая о мраке текущего времени, убеждая в неиссякаемости счастья, одних привлекал сладкими речами, других устрашал более суровыми, тех направлял ласками, этих угрозами, удерживал от грехов одних любовью, других суворостью. Одних, словно в пословице, уговаривал, других, призывая в свидетели Бога, грозно бранил. Чтобы следовали указаниям, со слезами грозил вечными мучениями, в соответствии с тем, что он знал о добрых делах, нраве и грехах каждого. И так выстраивал проповедь, чтобы она добрых приводила к славе, а дурных отзывала от кары. Как если бы хороший врач подготовил различные лекарства для разных ран, предлагая не то, что услаждает, но скорее то, что лечит, невзирая на желание больных, но желая им выздоровления.

18. Святой Цезарий призывал этих святых епископов и остальных руководителей Церкви, чтобы они постоянно привносили духовную пищу простому народу, вверенному им, говоря: «Ты, брат, во имя Христа, занимаешь место главы духовной службы. Прояви таланты пастыря, вверенные тебе. Как долго ты возвращаешь кредитору вдвое¹⁰¹⁴! Услышь пророка, который говорил: “Горе мне, потому что молчал”¹⁰¹⁵. Услышь апостола, говорящего со страхом: “Горе мне, если не благовестую!”¹⁰¹⁶. Узри, чтобы, когда ты занимаешь кафедру,

другой, возможно, не затаился и не сказал о тебе: “*они взяли ключ разумения: сами не вошли, и входящим воспрепятствовали* ¹⁰¹⁷¹, а они, возможно, могли лучше соответствовать помощникам Господним». Цезарий, вдохновленный Господом, владел исключительной чертой – пока излагал каждому о своем, представлял каждому перед глазами его жизненный путь. Причем так, что кто слушал его, не только поверил, что он исповедник сердца его, но точно так же согласился, что он и знаток совести их. И как строгим был по отношению к себе, так был поглощен исправлением по отношению к другим.

19. Цезарий обращал большое внимание и принуждал, чтобы народ его города заучивал псалмы и гимны¹⁰¹⁸ и чтобы пели секвенции и антифоны наподобие клириков высоким голосом на мелодичный лад как по-гречески, так и на латине, чтобы не занимались в церкви пустыми разговорами. Он выстраивал и произносил подходящие по времени и празднику проповеди.

20. Он был одним из первых, кто заботился о больных, помогал и предоставил им обширнейший дом, в котором они без лишнего шума могли слушать службы, доносящиеся из церкви. Купив кровати и покрывала, он предоставил их им вместе с человеком, который мог бы лечить и ухаживать за больными. Не отказывал ни в крыше над головой бедным, ни в даре свободы пленникам. И постоянно говорил своему слуге: «Смотри, всякий раз, как другие бедные стоят за воротами, чтобы стыдливая бедность, к нашему греху ожидая, для нашего спокойствия не терпела обид. [И не будет исполняться наше предназначение, если мы откажемся выслушать и принять бедных, которые из разных провинций, как известно, стремятся к нам по причине многих бедствий постигших их]. И когда откуп давался, в зависимости от того, что за обстоятельства обнаруживались, освобождая вверенных ему¹⁰¹⁹, он умерял молитву, которой защищал]¹⁰²⁰. И, тяжело дыша, говорил от широкого сердца: «Истинно есть, что Христос – болтун грязный и говорливый, однако он расспрашивает всех, советует, взвывает и увершает всех. И, без сомнения, он в теперешний век

добавил нашему благополучию неимущих, чтобы теперь мы одарили их под гарантию Христа на земле, что потом воздастся на небесах»¹⁰²¹. [Между тем раб Божий Цезарий посетил короля вестготов Алариха, которому тогда город Арль принадлежал, ради помощи Арльской церкви. У него был принят с таким уважением, что, хотя варвар и погряз в арианской ереси, он вместе со своей знатью принял и одарил раба Божьего с высочайшим уважением и почетом. И передал в помощь деньги, которые пойдут на пользу спасения пленников, и твердостью пожалованного предписания сделал церковь [Арля] свободной от налогов и податей]¹⁰²².

21. Но спустя несколько дней дьявол нарушил покой этого святого мужа. И так как его нельзя было упрекнуть в телесных пороках, то против него выдвинули обвинения в предательстве. Некий несчастный по имени Луциниан, служивший писцом у блаженного мужа, позволил себе совершить по отношению к святому мужу то, что Иуда не побоялся сделать против спасителя нашего, сына Господня. Вооружившись ядом страшнейшего обвинения, донес королю Алариху через ближайших советников, что блаженный Цезарий, так как имеет происхождение из Галлии, всеми силами желает подчинить город Арль и его территорию власти бургундов, хотя этот славнейший пастор днем и ночью, преклонив колени, просил у Господа мир народам и покой городам. Следует скорее поверить, что наущение дьявола побудило варварскую дикость к ссылке святого отца. Ведь врагу был не мил и не любим тот, кто просил, чтобы его делам противостояли. Исходя из реалий того времени, и не обращая внимания на веру в невиновность, и не желая узнать истинности обвинения, он был разлучен с Арлем и осужден по вымыщенным обвинениям на ссылку в город Бордо¹⁰²³.

22. Но чтобы стала известна милость Господа к нему, случилось так, что как-то ночью город занялся страшным пожаром и люди, прибежав к Божьему человеку, кричали: «Святой Цезарий, погаси своими молитвами бушующий огонь!» Когда он услышал это, взволнованный состраданием и скорбью, простерся навстречу приближающемуся огню в молитве и

тотчас оттолкнул и остановил сплошную стену огня. И когда это увидели, хвала божественной силе, исходящей от него, была разнесена всеми присутствовавшими. После этого чуда все стали относиться к нему с таким уважением, что в городе его принимали не только как священнослужителя, но и как апостола. А вдохновитель его гонений, дьявол, который увидел, что Цезарий, которого он постарался выставить виновным, защищает дело Господа нашего и выделяется чудесными делами, смущился. Мы узнали этот факт по достоверному рассказу.

23. Он везде подготовил церковь к тому, чтобы возвращать кесарю кесарево, а Божие Богу ¹⁰²⁴, повиноваться, согласно апостолу¹⁰²⁵, королям и знати, когда они велят законное, и презирать порочность арианства в короле. Ведь, как известно, свеча, поставленная на горе, не могла быть не видна, и куда бы ни дошел [свет], освещал все, как будто сияя на подсвечнике Господа¹⁰²⁶.

24. После того как невиновность блаженного мужа была изобличена, нечестивый король потребовал, чтобы святой епископ вернулся в прежнюю церковь и отдал всего себя тому городу и клиру. И король приказал забросать камнями обвинителя его¹⁰²⁷. И когда народ пришел с камнями, только тогда приказание короля дошло до ушей его. Тотчас поспешно встав, он своим вмешательством воспрепятствовал, чтобы обвинитель подвергся каре. И в молитве просил сберечь того для раскаяния, чтобы через раскаяние Господь вылечил его душу, которую пленил враг с помощью вероломного предательства. И спокойно смилиостивившись к неприятелю, он с чистой совестью дважды в одном деле поверг соперника, [т. е. дьявола].

25. Раб Божий Цезарий старался сохранять то, чтобы всякий виновный или из рабов, или из зависимых свободных никогда не получал больше положенных 39 ударов¹⁰²⁸. И если был пойман в тяжком преступлении, то он разрешал, чтобы тот по истечении нескольких дней еще раз был слегка побит. Цезарий предупреждал назначенных в свою церковь исполнителей, что если кто из них предпишет, чтобы

провинившийся был побит больше положенного, и из-за этого наказания человек умрет, то виновником убийства будет тот, по чьему приказу это было сделано.

26. И когда стало известно, что человек Божий вернулся и находится близ города [Арля], то вся братия, мужчины и женщины, вышла навстречу со свечами и крестами. И ожидали с пением псалмов вступления в город святого человека¹⁰²⁹. Ведь так как Христос сотворил, что свои возрадовались добрым делам, а коварные были смущены ясным светом чудес, Господь оросил измученную долгой засухой землю обильным проливным дождем, чтобы, когда любезный Ему управляющий [Цезарий] возвратился, за этим последовало и обилие плодов.

27. Несколько дней спустя Цезарий стоял у алтаря и увидел, что некоторые, когда Евангелие дочитали, уходят из храма¹⁰³⁰. Они не удосужились познать слова, а именно проповедь, блаженного мужа. Он тотчас поспешно воскликнул народу: «Что вы делаете? О сыновья, чем вы влекомы из храма? Совращаемые дурным увещеванием? Остановитесь ради ваших душ и взволнованные услышьте слова увещевания! Не будет позволено вам сделать это в день суда! Я настаиваю и кричу! Не будьте просто беглецами или глухими! Я заклинаю горном моих уст! Потому как, если душа кого-нибудь из вас будет умерщвлена дьявольской силой, меня нельзя будет обвинить в молчании». Вследствие этого он после чтения Евангелия приказывал, чтобы закрывали двери, пока те, что ранее уходили, не возблагодарили [Цезария] смирением и преуспеянием.

28. Божий человек замыслил, чтобы всегда в царствие Господне церковь в Арле по божественному побуждению украшалась не только бесчисленной толпой клириков, но и хором девушек, и община укреплялась, поскольку при жизни [он как] земледелец, угодный небесным хранилищам, хранит посев, а после смерти по своему усмотрению указывает, как внести его в небесные хранилища. Но противодействие дьявольской силы помешало этим установлениям. Ведь когда франки и бургунды осаждали город и когда король Аларих был убит победоносным королем Хлодвигом в битве¹⁰³¹, король Италии Теодорих

вступил в эту провинцию, послав своих полководцев¹⁰³². При этой осаде монастырь, который он начал возводить для сестры и остальных, был разрушен в большей части, когда варвары по дикости опрокинули плиты и разрушили этажи¹⁰³³. И когда Цезарий увидел, что работа к исполнению которой он приложил все старания, была уничтожена, то он занемог от печали.

29. Его родственник и согражданин из числа клира, страшась угрозы плена и приведенный в движение юношеским легкомыслием, а также вооруженный дьявольским внушением против раба Божьего, спустившись по веревке со стены, на следующий день оказался у врагов, осаждавших город. Когда это узнали готы в городе, то они напали на святого мужа с возмущением, а толпа иудеев чрезмерно шумела и кричала, что глава ночью послал своего земляка, чтобы сдать город врагу. И не осталось ни веры, ни чистого сознания, особенно когда иудеи и еретики выкрикивали это без уважения или какой-либо сдержанности. Главу церкви вытащили из дома и передали страже во дворец, чтобы он, оклеветанный, был или утоплен в водах Роны, или помещен в крепость Угерес [г. Бокер], а враждебные ему силы радовались его ссылке и мучению.

30. Хозяйство церкви и покой ее главы были заняты арианами [готами]. Пока другие препирались, один из готов, который лег в его кровать, был сражен божественным возмездием и на другой день умер, чтобы никто из остальных не желал осквернить место раба Божьего грязными помыслами. Когда готы по воле Господа и из-за вражеской осады не смогли пригнать дромон с того берега, где он был брошен, под вечер были вынуждены вернуть святого мужа во дворец, но скрыли молчанием его личность, чтобы никто из католиков не мог узнать, выжил ли он.

31. Когда дьявол ликовал и все это было совершено на радость иудеев, которые повсюду без всякого уважения изрыгали на нас ругательства. Ночью один из множества иудеев с того места, где по жребию они приняли на себя обязанность охраны на стенах, как будто отгоняя неприятеля, бросил врагам привязанное к камню письмо. В нем он указывал имя и план действий, раскрывая, что ночью в неком месте охрана,

состоящая из иудеев, спустит лестницы, но только в том случае, если за оказанную услугу никто из иудеев внутри не будет подвергнут ни разграблению, ни плену. Утром, когда враги были слегка отогнаны от стен, вышедшие за наружный крепостной вал принесли внутрь, как часто бывает, найденное среди развалин письмо и рассказали всем на городском рынке¹⁰³⁴. Вскоре этот человек был приведен, разоблачен и наказан. Тогда злобная свирепость иудеев, ненавистная Богу и людям, была сметена ясным светом. Вскоре наш Даниил, т. е. святой Цезарий, был поднят из львиного рва¹⁰³⁵ и обвинение сатрапов было обнародовано и дополнено тем же автором: «Рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил»¹⁰³⁶.

32. Когда осада с города была снята и готы возвратились в Арль с бесчисленным количеством пленников, святые базилики переполнились, и дома церкви наполнились скоплением неверующих. И Божий человек вдоволь раздавал им, находящимся в огромной нужде, пищу и одежды, пока не выкупил их всех по одному. Платил всем серебром, которое его предшественник, почитаемый Эоний, оставил для использования в трапезе епископа¹⁰³⁷. Помня о том, что Господь смачивал хлеб не в золотой и не в серебряной посуде, и наставлял ученикам не владеть ни золотом, ни серебром¹⁰³⁸. Это же святое дело было доведено до конца вплоть до продажи церковной посуды. Ведь, когда кадила, чаши и миски были даны взамен на выкуп пленных¹⁰³⁹, имущество церкви распродавалось ради обретения истинного храма. И сегодня еще видны следы от ударов топора и снаружи, и внутри, там, где снимались украшения столбиков, сделанные из серебра. А человек Божий приговаривал: «Да не будет разумный человек, искупленный кровью Христа, когда свобода теряется, из-за смирения делать арианином или иудеем или из свободнорожденного стать рабом, или из раба Божьего рабом человека!»

33. И этим он украсил и защитил, а не обезобразил церковь. Ведь он разрешил предоставить сыновьям чрево Матери Церкви¹⁰⁴⁰ и не был обвиняем за это, часто говоря: «Однако я

хотел бы, чтобы священнослужители и остальной клир, которые, я не знаю, по какой любви к чрезмерности, непостижимо не желают отдавать золото и серебро из пожертвований Христу за рабов Христовых, как-нибудь дали мне отчет. Я хотел бы, чтобы они ответили, если эти несчастья случайно прикоснутся к ним, хотели ли бы они избавиться с помощью этих пожертвований или сочли бы это святотатственным, если бы кто-нибудь спас их при помощи этих подношений? Я не верю, что это противно Господу, который себя самого отдал в искупление человека, чтобы из принадлежащего ему выкуп был выдан». Мы видим, что некоторые восхваляют это деяние святого мужа, однако никак ему не подражают. Разве не за нас кровь Христа в чашу, а его драгоценное тело на крест было помещено и воссияло?

34. Мы веруем и полагаемся на Господа, потому что, когда город Арль был осажден, то при помощи сострадания, веры и молитв святого Цезария он не подвергся ни захвату, ни разграблению¹⁰⁴¹. Так город от вестготов перешел к Остготскому королевству, так и сегодня во имя Христа он был передан под власть короля Хильдеберта¹⁰⁴². Таким образом, словно он повторял то, о чем мы читаем: «И переходили от народа к народу, из царства к иному племени, и Господь не позволял, чтобы человек причинял вред нашим жителям Арля»¹⁰⁴³.

35. [Цезарий восстановил] монастырь наподобие того, что он уже начинал подготавливать своей сестре¹⁰⁴⁴, эту обитель непорочности с ее более ранними монашескими правилами. Поскольку не было препятствий для претворения христианского таинства, которое подобало христианину, Цезарий, словно Ной нашего времени, ввиду смут и сильных бурь, возвел из кирпича ковчег монастырской церкви для братьев и сестер [во Христе]. Он пригласил из Марсельского монастыря¹⁰⁴⁵ свою сестру Цезарию, которую направил туда, чтобы она познала, чему учить, и была скорее учеником, чем наставником. Теперь он послал ее в подготовленную обитель с двумя или тремя сестрами¹⁰⁴⁶. После того множество девушек стали приходить туда толпами, отказываясь от родителей и имущества¹⁰⁴⁷, отвергали обманчивые и бренные радости смертных. Они добивались покровительства отца Цезария и матушки Цезарии,

поскольку с ними, когда лампады были зажжены¹⁰⁴⁸, они были готовы ко входу в царство Небесное. Входящие туда удостаивались быть тесно связанными бесконечными объяниями Христа. И никогда не покидали обитель, потому что постоянно днем ни один проход не позволял им выйти из монастыря¹⁰⁴⁹.

36. Без сомнения, по этой причине и за это его старание дьявол, аки лев рыкающий, злясь на раба Божьего, когда еще раз обвинение против него было выдвинуто¹⁰⁵⁰, сделал так, что епископ был выведен из Арля и приведен в Италию, находясь по пути в Равенну под постоянной охраной. Чтобы на его примере было явлено: «Как золото и серебро поверяется в печи, так души избранных у Господа». Цезарий вступил во дворец и, намереваясь приветствовать короля Теодориха, подошел к нему, ведомый Христом. Как только король заметил почтенного и бесстрашного Цезария, встал для приветствия, сняв символ королевской власти с головы, снисходительно ответил на приветствие и спрашивал прежде всего о страданиях его в пути, затем подробно о своих готах и о жителях Арля. Когда епископ Цезарий покинул короля, тот обратился к своим приближенным: «Пусть Господь не пощадит тех, кто напрасно заставил проделать столь долгий путь человека такой святости и безупречности. Кто он есть, было проверено здесь. Ведь когда он вошел для приветствия, меня сотрясло. Я вижу ангельское лицо и вижу апостольского мужа и считаю грешным высказывать что-либо дурное о столь почтенном человеке»¹⁰⁵¹.

37. После этого, когда Цезарий пришел на постоялый двор и намеревался там позавтракать, король отоспал ему в подарок серебряное блюдо, вес которого оценивался примерно в 60 фунтов, и, прибавив к нему еще 300 солидов, просил: «Прими, святой епископ! Король, твой сын, просит тебя принять в дар небольшое блюдо, чтобы ты, пользуясь им, хранил память о короле». Цезарий же, не имея по обыкновению ничего серебряного на столе, кроме ложек¹⁰⁵², на третий день приказал своим слугам для общественной пользы продать ценное блюдо, а за вырученные деньги начал освобождать множество пленников. Вскоре, как рассказывают¹⁰⁵³, собственные слуги

рассказали королю: «И вот! Мы увидели выставленным на продажу твой дар, за цену которого епископ Цезарий освободил множество пленных. И столько бедных скопилось на входе и в гостиной его дома, что из-за столпившихся несчастных едва можно было подойти для его приветствия. Ведь мы видели на улице неисчислимую толпу несчастных, входящих к нему и выходящих от него».

38. И когда Теодорих узнал об этом его деянии, он выказал такое восхищение и похвалу, что сенаторы и знать, наблюдавшие это в его дворце, всенепременно возжелали, чтобы их благотворительные взносы были розданы руками блаженного Цезария. Провозглашая при этом, что они отмечены Всевышним, раз удостоились увидеть такого епископа, который в те времена благодаря своим делам и речам был истинным наследником апостолов. И так как ничто не простирается быстрее молвы, при повторном святом деянии слава о Цезарии долетела до Рима. И он туда был приглашен сенатом и знатными, папой и клиром, а также простым народом с искренним уважением, и до того как показаться им, он у всех уже укоренился глубоко в сердце. Он, сколько мог, освобождал всех пленных из-за р. Дюранс, в основном из города Оранжа¹⁰⁵⁴, который был захвачен. Часть из которых в Арле он освободил, затем остальных, найденных в Италии, выкупил. И чтобы свобода им была возвращена полностью, за свой счет предоставил им и лошадей, и повозки, и по своему распоряжению возвратил на родину.

39. Между тем в упомянутом городе Равенне некая вдова имела юного сына, состоявшего на службе в префектуре, который помогал своей бедной матери, получая за службу жалованье. Этот мальчик заболел и лежал полумертвый. Когда вся надежда и упование на его человеческое излечение отпала, мать, оставив сына, поспешила прибежать к святому, простерлась пред ним, обливаясь слезами, живя только одной надеждой, и, обняв колени блаженного мужа, воскликнула: «Так как божественное сострадание привело тебя, я верю, что ты вернешь матери сына». Но он отказал припавшей к его ногам женщине. Однако он полагал, что поступил жестоко. И все же,

видя такие слезы, а также движимый привычным состраданием, желая так употребить преисполненную любовью обязанность и так во имя Господа заниматься добрым делом, чтобы во всем избежать пустословия, скрытно пришел в ее хижину.

40. Когда молитва была произнесена, он, по обычаю распостершись на земле, почувствовал, что божественное доброе дело, которое он призывал через Святой Дух, случилось. И он ушел, а оставленному своему писцу, а теперь почитаемому пресвитеру Мессиану¹⁰⁵⁵, велел, чтобы, когда молодой человек придет в себя, тотчас же сообщил ему. Тот остался охранять кровать с лежащим. И когда не прошло еще и часа, мальчик пришел в себя и сразу, как только открыл глаза, обратился к матери, говоря: «Иди скорее, мать, к рабу Божьему, чьими молитвами я вернулся к тебе и к жизни, и воздай благодарность, что своим чудом Господь дал исполнение молитв». Она, торопясь, быстро прибежала, воздавая благодарность не столько словами, сколько слезами. Она пожелала, чтобы тот, кого Господь с таким блеском вернул при его помощи, не отнялся бы от его службы и последовал за ним в Галлию. Но он ответил, что она должна воздать благодарность тому, деяния которого и справедливость обыкновенно даруется всем достойным и плачущим. Величие этого чуда рассказами верующих и вестниками обошло не только тот город, но и всю провинцию.

41. Дьякон-врач Хельпиций¹⁰⁵⁶, приближенный к царскому двору и светской службе, был терзаем дьявольскими нападками, не только обычными враждебными кознями, но сверх того на него в собственном доме обрушился камнепад. Он умолял святого, чтобы удостоиться молитвами его быть освобожденным от страданий. Цезарий, намереваясь освятить его дом, войдя, окропил его святой водой и так очистил от несчастий, что там ничего такого больше не случалось.

42. После этого пришел в Рим и был представлен папе Симмаху¹⁰⁵⁷, а затем сенаторам и их женам. Все воздали благодарность Господу и королю за то, что были удостоены увидеть того, на которого уже давно взирали взглядом сердца. До того как слава о том, что он апостолический муж, разнеслась

по миру, при виде его они почитали и благоговели перед ним. За это дело папа Симмах, побужденный великолепием его заслуг и славой такой святости и почтения, не только превознес его до положения митрополита, но и особенно украсил предоставленной ему привилегией паллия¹⁰⁵⁸. И также утвердил, что дьяконы по подобию Римской церкви должны были носить далматики¹⁰⁵⁹.

43. И вот он, ранее изгнанный, вернулся обратно и вошел в Арль. И был встречен пением псалмов. С собой он принес из Италии, даже после выплаты выкупов, восемь тысяч солидов. В тот же день, когда он вошел в город, под вечер, намереваясь дать благословение, пришел в церковь. Одна из женщин была охвачена неожиданной дрожью, она выбежала, рыдая, и кричала с пеной у рта. Все были объяты страхом, она вырвалась наружу. Но когда ее схватили, она тотчас была передана святому мужу перед алтарем, и все его уговаривали, чтоб он излечил женщину и изгнал болезнь. Тогда он по своему обычанию распростерся за нее в молитве, приложив руку к голове, намазал все ее органы чувств и лицо освященным маслом. И болезнь, изгнанная именем Христа, эту женщину больше не тревожила.

44. Между тем он особенно заботился о пленных и достиг такой славы в этом служении, что никакой рассказ не может восполнить. В один день, когда святым рукам недоставало золота и серебра, что отдал терпящим нужду, он, докупаемый бедняком, сказал: «Что я могу сделать для тебя? Что имею, то отдам тебе». И войдя в свою келью, показал белую пасхальную ризу, которую он имел для процессий, и отдал ее, говоря: «Иди, продай ее какому-нибудь клирику и из ее цены освободи своего пленника!» И не только те, которые добивались у него, были освобождены из плена, но и он сам отправился в город Каркассон для выкупа пленных. И направлял аббатов, дьяконов и клириков во многие селения в различных местах для выкупа несчастных.

45. Он один удостоился иметь такие дары божественной милости, которые в других служивших Господу едва сияли. Сам же всегда так осуществлял каждое доброе дело, как если б он

безусловно имел его одно. Так его предшествующие деяния долго казались более красивыми и милыми, пока они не были повержены следующими. Возможно ли описать его стойкость, чистоту, заботу, жар его души, благоразумие, доброту, его святую ревность в вере, беспрерывные днем и ночью размышление о Законе Божьем?¹⁰⁶⁰ Когда казалось, что он отдыхал от размышлений о псалмах и проповедях, чтец или секретарь не переставал читать подле него. Он был защитником веры, образцом священнослужителя, украшением Церкви, проповедником милости, усмирителем споров, источником любви, образцом поведения, судьей нравов, защитой сирот, выкупом пленных. Никогда из уст его не вырывалось ни злословия, ни лжи, ни проклятия против какого-либо человека, и не только не вредил кому-либо, но и не слушал клеветника. Если кто-нибудь из своих внезапно ругался или, возможно, злословил, он в зависимости от того, что это был за человек, разумно принимал строгие меры против него. И была его молитва против злословия такова, если когда-либо против кого-нибудь ее необходимо было направить: «Пусть Господь истребит грешника сего, уберет твои злодеяния, возбранит твои грехи и исправит твои ошибки, чтобы до тех пор тебе не быть спасенным!»

46. И внешнее его шло от внутреннего. И часто был с таким смиренным ангельским лицом, что, согласно писанию, лик его расцветал, когда сердце радовало. Как никогда сверх меры не радовался и не смеялся, так никогда и не был подавлен чрезмерностью печали, если только когда скорбел за чужие грехи. Никогда не обходился с кем-либо с ненавистью и не только за друзей, но и за врагов молился со всей нежностью сердца и не обучал словам, которые не наполнял примерами. И не проходило и часа в его дне без размышления над откровениями Господа¹⁰⁶¹, даже когда он спал. Ибо часто казалось, что он одновременно и спит, и размышляет. Так, что истинно и правдиво он говорил: «Помышления сердца моего всегда пред Твоим взором»¹⁰⁶².

В то время, когда он проделывал путь около Альп Верхнего Прованса, с ним был почитаемый святой епископ Евхерий¹⁰⁶³. И

случилось, что несчастная больная женщина подошла посреди улицы и, согнув руки и ноги, начала ползать по земле. И когда он внимательно разглядывал ее, спросил святого Евхерия: «Зачем это? Отчего она лежит на земле?» Тот спросил женщину, и та ответила, что она многие годы уже разбита параличом и все члены у нее покалечены. Тогда Цезарий сказал святому Евхерию: «Иди и перекрести ее». Тот начал волноваться и отказываться, а Цезарий совершенно не отступал, пока тот не сделает этого. И Евхерий подошел к ней, перекрестил ее и сказал: «Я сделал, что ты велел». Цезарий снова сказал ему: «Возьми ее за руку и подними!» Но Евхерий отвечал: «Вели мне сделать, что угодно другое, и я выполню это, но, в самом деле, я не отваживаюсь начать это дело. Так сотвори это ты, кому Господь доверил излечить души и тела больных!» Цезарий ответил: «Все же ты сделай, что я говорил». И когда Евхерий сильно упирался, со слезами смиренно оправдывался и долго спорил, Цезарий сказал ему: «Ты намереваешься войти в огонь из покорности, но не готов из-за милосердия сделать то, что любовь велит? Протяни свою руку во имя Господа и подними ее!» Тогда, повиновавшись приказанию, Евхерий протянул руку и поднял женщину. И когда руки и ноги ее были излечены, он невредимый направился на постоянный двор.

48. Сколь многими добрыми делами он блестал, кто сможет изложить? Случилось так, что кабаны во множестве стеклись на земли загородного монастыря¹⁰⁶⁴. Комиты города и остальные военные вышли и не позволили людям трудиться на своем хозяйстве, но поубивали их во время большой охоты, отгоняя диких животных. Жители, не желая больше терпеть ущерб и насилие, пришли и сказали своему господину: «Сделай с нами, что пожелаешь, но теперь мы не можем ни служить тебе, ни находиться там». С тревогой он спросил об их жалобах. И они ответили: «Пришли на кабанов комиты, готы и различные охотники и убивают нас». И он громким голосом, воздев глаза и руки, взирая на небеса, сказал: «Господь наш Иисус Христос, да не позволяй больше кабанам приходить в то место!» И с того времени и по нынешний день больше кабаны там не кормились,

как будто их приучали, и не случалось того, что можно было поохотиться. И заслуженно управлял зверями тот, который изгнал из себя все пороки. Он мог вымолить у Господа это, так как никогда не проходил мимо указаний Его.

49. У патриция Парфения был мальчик, которого он выделял среди других рабов¹⁰⁶⁵, но тот как-то стал, теряя разум, падать на землю. И так как казалось, что истинное дело его врага было направлено больше на мучение его души, чем на ослабление тела, то его обмазали маслом, освященным блаженным мужем. И когда это было сделано, хотя помочь земных врачей отсутствовала, Христос через раба своего возвратил мальчику здоровье. И настолько злой недуг вышел из него, что господин даже назначил его управлять своим хозяйством.

Ради примера страха, который побуждает больше к поклонению, чем к боязни, и ради прославления его заслуг было бы грехом обойти молчанием замечательные деяния святого мужа. В то время когда Цезарий обходил свой диоцез, он был приглашен хозяевами на виллу, которая называется Лауник. А после его ухода в келье, где имелась кровать, на его одеяле некий врач по имени Анатолий добился любви проститутки. И за такой заслуживающий порицания грех он вскоре постиг публичные мучения от подстрекателя своего дьявола. А именно – на глазах у людей бросился на землю и, пока громко признавал добрые дела раба Божьего, открыл для всех свой проступок.

50. Мы знаем, что Господь сделал множество добрых дел при посредничестве Божьего человека и в течение долгого времени одарял его ими. И в то время как один из нас, кто написал это, попросил для себя освященное Цезарием масло, и, аккуратно перенося полученный от него полный флакон к дому, оберегал его, как будто величайшую реликвию. И когда через некоторое время он мучился от сильного жара лихорадки, он попросил, чтобы флакон с величайшим почтением и осторожностью был подвешен к его голове. И когда флакон обернули в наичистейший платок, он, как мы полагаем, по нерадению слуг треснул. Однако масло находилось внутри него

таким образом, что ни капли не попало, ни на землю, ни на платок. Когда это заметили, то очень быстро перелили масло в другой сосуд, и как только флакон был полностью опорожнен, он тотчас развалился. А того, кто это так точно рассказал, с Божьей помощью лихорадка тотчас оставила.

52. А как изящно он разбирал писание и разъяснял неясности! Кто сможет это передать? И если кто-нибудь просил его, чтобы он истолковал темные места, то для него это было большим удовольствием. И часто сам поощрял нас, говоря: «Я знаю, что вы не понимаете все, почему же вы не спрашиваете, чтобы узнать? Так как не всегда коровы спешат к теленку, то иногда телята торопятся к коровам, чтобы утолить свой голод из вымени матери¹⁰⁶⁶. Это и вы должны делать, чтобы беспокоить нас, вопрошая, чтобы мы были обязаны разузнавать и могли открывать вам духовный мед». О горе мне, несчастному Киприану, за то, что я был к учению прохладен! Это я сейчас познал и раскаиваюсь! Почему из такого струящегося источника я не черпал столько, сколько нуждался?

53. И блестали в нем следующие добродетели: непорочность с чистотой, умеренность со скромностью, мудрость с простотой, строгость с кротостью, ученость со смиренением, и, наконец, жизнь непорочная и безупречная, всегда соответствующая ему. Кто когда-либо мог воспроизвести тот пыл, с которым он любил всех людей? Ведь он носил в сердце и повторял в речах, что мы должны любить врагов, и славно наставлял в этом и ласковыми уговорами, и проповедью, и примером. Едва ли кто-нибудь с такой любовью молился за своих любимых, как он за врагов. И хотя не было причины, по которой у него мог бы появиться враг, если только не казалось, что некоторые ревновали из-за зависти или за его ученость. Он, однако, любил их не только с отцовским, но и с материнским чувством. И часто наставлял нас, что, когда любовь простирается и на врагов, не может быть, чтобы и близкий не был любим.

54. Кроме того, он, сколько мог, заучивал наизусть тексты и громко проповедовал в церкви. Забота в этом деле была столь благочестива и полезна, что, когда он сам по болезни не мог

прийти для проведения необходимой службы, он обучал пресвитеров и дьяконов и ставил проповедовать в церкви. Что никто из епископов по отношению к проповеди, которая была необходима, не делал, оправдываясь невозможностью этого. Цезарий говорил так: «Если слова Господа, пророков и апостолов оглашаются дьяконами и пресвитерами, почему слова Амвросия, Августина или мои с другими католическими учителями не оглашались бы пресвитерами и дьяконами? Раб не больше господина своего ¹⁰⁶⁷. Я верю, что кому дозволено читать Евангелие, тому можно читать в церкви как проповеди рабов Божьих, так и их толкования канонических текстов. Я оправдываю себя, вводя это. Пусть знают епископы, которые не будут выполнять это, что они ответят в день Страшного суда. Я же не верю, что кто-нибудь, кому Господь говорит: “Взытай громко, не удерживайся” ¹⁰⁶⁸, и сам не будет взывать и не позволит другим взывать. Пусть побоится того: “Горе тем, которые молчат о Тебе, ибо и речистые онемели” ¹⁰⁶⁹ и слов апостола: “Все они немые псы, не могущие лаять” ¹⁰⁷⁰. Ибо сколько овец заблуждается, когда священник молчит! И он даст отчет об этих душах».

55. Он выступал с проповедями, подходящими по времени и празднику, против зла пьянства и страстей, раздоров и вражды, вспыльчивости и высокомерия ¹⁰⁷¹, прорицателей ¹⁰⁷² и предсказателей, календ и языческих ритуалов, а также авгуром, почитателей деревьев, ручьев и пороков различных заблуждений. И так подготавливал проповеди, что, если кто-нибудь из пришедших просил, Цезарий не отказывался уделить ему время. И даже если тот просил у него малое из того, что должен был получить, Цезарий все равно сам предлагал ему и рассказывал о том, что читал. А далеко расположенным провинциям во Франкии, в Галлии, а также в Италии и Испании посыпал через священников предписания – то, что следует в своих церквях проповедовать, чтобы, отбросив бренные и пустые дела, они стали ревностными к добрым делам ¹⁰⁷³ апостолов. И благоухание Христа благодаря нему было на обширном пространстве. И там пылал успехом, где не был представлен взорам, и трогал души, не притрагиваясь к сердцу.

56. И установил, чтобы в своей церкви никогда не назначались в дьяконы до исполнения 30 лет¹⁰⁷⁴. Но также прибавил, чтобы когда-либо не назначались и более старшего возраста, если только не читал четыре раза подряд Ветхий завет и четыре раза Новый. Я, грешник Киприан, свидетель этого, потому что, чтобы ни велел другим или ни делал сам, всегда достигал всего благодаря Господу. И все, с чем боролся или чего избегал делать сам, все это, ради ревности к Господу, никогда не совершил и даже не ощущал вкус.

57. И так как никогда не хотел быть свободным от дел Божьих, возвел и разместил тройственный храм в одном месте¹⁰⁷⁵. Центральную часть его построил с большой заботой в честь святой девы Марии и присоединил к ней с одной стороны в честь святого Иоанна, а с другой в честь святого Мартина. И чтобы предоставить святым девам, которых он собрал, попечение о необходимом погребении, он велел, чтобы вырубили саркофаги из огромных камней, соразмерные должным быть погребенными. И приказал, чтобы их поставили плотно в ряд на полу в храме, чтобы, какая бы дева из той общины ни умерла, она бы имела уже подготовленное святое место погребения¹⁰⁷⁶.

58. Немного позже он воздвиг могилу между алтарем и кафедрой своей сестре и матушке монастыря Цезарии, отошедшей к Христу¹⁰⁷⁷. Близ места, которое подготовил для себя и среди других, которых он до этого захоронил там. Когда же матушка Цезария ей наследовала¹⁰⁷⁸, которая и сейчас жива, то дело ее вместе с сестрами так расцвело, что девушки Христа под руководством своей матушки среди пения псалмов, постов, бдения и чтения священных книг также много и красиво писали¹⁰⁷⁹.

59. И по обыкновению блаженный муж беспрестанно предавался проповедям, чтению и молитвам по всем воскресным и всем праздничным дням. И часто утром и вечером читал вслух проходившим поблизости проповеди, чтобы не было ни одного, кто мог оправдываться незнанием. Призывал послушных, беспокоящихся наставлял, а упорствовавших горячо молил, потому, как в день суда

достойное воздаяние верным вере будет дано, так и последует достойное отмщение упорствовавшим. Он, согласно правилам, установил, что в течение трех дней после свадьбы молодожены должны получить благословение в храме. Щедро одаренный милостью Господа, имел столько хорошего в себе от успеха у слушателей, верности учеников и посвящения девушек, что не за одну заслугу был увенчан. А был украшен такими многочисленными венками за свои блистательные дела, что и сам превратился в венец славы.

60. Однако же много и соперников появилось, которые противостояли его учению о благодати. О успех, который всегда должен быть оспорен! Ибо из-за слухов и дурного истолкования в областях Галлии ошибочно возникло неверное подозрение о высказываниях Божьего человека. Для этого главы церквей с другой стороны р. Изер, созданные любовью к благодати, собрались в крепости Валанс¹⁰⁸⁰. Туда из-за обычной болезни блаженный муж не смог прийти, как планировал, однако же он послал выдающихся мужей из епископов вместе с дьяконами и пресвитерами. Среди них и святой Киприан из Тулона блистал¹⁰⁸¹, подтверждая в особенности все, что сказано в Священном Писании, и доказывая, исходя из указаний древних отцов церкви, что никто сам не может преуспевать в божественном благополучии, если сначала не будет призван благодатию Господа. И хотя они хотели установить свои законы, Божьи заповеди не были отброшены. Они не помнили, что Господь говорил: «Без Меня не можете делать ничего» ¹⁰⁸², «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал» ¹⁰⁸³, «Никто не имеет что-нибудь, если бы не было дано ему свыше»¹⁰⁸⁴. И апостол: «Но благодатию Божией есть то, что есть» ¹⁰⁸⁵, «Всякий дар совершенный исходит свыше» ¹⁰⁸⁶, и пророк: "Господь дает благодать и славу" ¹⁰⁸⁷. И тогда человек истинно имеет свободное суждение, когда он будет искуплен прощением Христа, и при этом прощении он захочет следовать влиянию совершенства. Из-за стремления к этому Цезарий дал истинное и очевидное из апостольского предания уложение¹⁰⁸⁸. А блаженной памяти Бонифаций, в то время папа Римской церкви, в той борьбе, когда рвение Цезария было попрано

упорствующими, апостольской властью поддержал его сторону¹⁰⁸⁹. И главы церквей постепенно приняли то, что в результате их неожиданного упорства дьявол хотел уничтожить.

61. И когда этот канон был определен, высочайший епископ проповедовал поджидавшим отцам, говоря: «Если ты любишь слова Божьи, то удерживай в сердце, что я произнес (дал). Высшее совершенство десяти заповедей подобает божественной любви. Как любовь Христа привязала себя в тебе, пусть сам же ты воздашь, когда всеобще щедрость будет разделена с человеком. Поверь, что не только души родителей, друзей и клиентов должны быть питаемы от той речи. Призываю в свидетели тебя перед Господом и его святыми ангелами, что ты ответственен за спасение твоих клиентов¹⁰⁹⁰, каких бы ни было слабых, если не так же, как и родителям, будешь им давать, когда вернешься к тому, что я предписывал. И ты познаешь, что раб был дан тебе в настоящее время земным творением и не передан тебе навсегда». И еще раз к тем, к которым звал, обратился: «Зачем мы говорили, братья? Зачем обсуждали, сыновья? Я спрашиваю вас, как до сих пор наши проповеди были в согласии? Если вы уважаете сказанное нами, то сохраните это, если сохраните, то, без сомнения, сердцами дойдете до этого». Таким образом, звавая, он добивался стремления запомнить даже от упорствовавших.

62. Ежедневно без перерыва во время завтрака и обеда были чтения за его столом, чтобы духовное и телесное в человеке радовалось, насыщенное таким двойным подкреплением. Я признаюсь, многие слушавшие в тех тесных и сжатых пределах с трудом и громадной скромностью были согласны, но вскоре забывали это, и, что еще хуже, немногие могли повторить переданный им небольшой рассказ даже в сокращении. В доме его церкви всегда трапеза была приготовлена клирикам и каждым приходящим, как когда он был, так и когда отсутствовал. Когда он был жив, никто не приходил в Арль как в чужой город, но приходил как в собственный дом. [С великой ревностью и пылом души Цезарий принял заботу о храмах, монастырях, чужеземцах, вдовах и слабых. Он молился по какой бы то ни было причине, чтобы

другой не был несправедливо угнетен. Встречал всех спешивших к нему с такой любовью и обращался с такой приятной речью, что кто бы ни добивался его присутствия, верил, что Цезарий обладает частью вечного счастья. Ни монахиня, ни родственница, ни служанка и вообще ни одна из женщин не имела право войти в дом его церкви ни для приветствия, ни по какой-либо другой причине¹⁰⁹¹. И это был святой, осмотрительный и прекрасный обычай, чтобы все дурные поводы и неверные подозрения были отброшены.]¹⁰⁹²

63. И так как мы начали затрагивать то малое из его многочисленных добрых дел, (из них) хватает явных, даже если некоторые тайные были скрыты. Мы просим вас, святых братьев наших, пресвитера Мессиана и дьякона Стефана, которые поведали о том, как в юности они были у него в подчинении, чтобы вы изложили свои воспоминания в небольшом связном рассказе.

Закончена книга первая.

Incipit liber secundus.

(1). Messianus presbyter et Stephanus diaconus dixerunt: De sancti beatissimique patris et sacerdotis ac magistri nostri, domni videlicet Cæsarii, conversatione atque virtutibus ilia dicturi sumus, quæ vel simul vel singillatim de eo cognovimus, vel cum sanctissimis coepiscopis eius, id est domno Cypriano et domno Firmino atque sancto Viventio pariter vidimus; qui et ea quæ de ipso superius adscripta sunt ab initio referentes, usqne ad finem articuli concluserunt et nobis permittere ac iubere dignati sunt, ut unusquisque nostrum, quæ sibi de gestis eius essent bene cognita, fideliter enarraret. Non indigemus, vel si nobis suppeteret, eloquentia sæculari, quia omnem mundanæ facundiæ transcendit ornatum sanctorum veritas actionum. Ad quam plenissime demonstrandam ilia nobis puritas simplicitasque sufficiet, qua ipse quoque beatissimus pater miracula quæ a nobis sunt referenda perfecit, maxime cum frequenter hoc et ipse dominus communi habuerit in sermone, quia quod erudite diceretur, intellegentiam doctis tantummodo ministraret, quod vero simpliciter, et doctos simul et simplices competenter instrueret. Ergo ea quæ veraciter ab eo facta dictave cognovimus aggrediemur Deo propitio verbis infucatis et integris pro parte qua possumus fidelibus auditoribus intimare, ut ex ipsis et infirmis compunctio et perfectis gaudium et ad perfectionem tendentibus ministretur exemplum. Incipiems igitur, quemadmodum recordamur, breviter opera eiussancta, Deo adiuvante, retexere.

(2). Petri diaconi huius ecclesiæ filia, in qua omnis utilitas domus ipsius consistere videbatur, languore gravi faciente, triduo iam muta iacebat. Pro qua re quodam die pedibus se beatissimi viri prostravit, dicens: 'Miserere, serve Christi, senectuti meæ, veni, ora pro filia mea, quia confido tibi a Domino nihil esse negandum; pone manum super eam, et salva erit. Iam enim per triduum muta, oculis clausis, iacet, horisque et momentis singulis exitum eius expecto'. Quo audito, motus et compunctus lacrimis senis, ad domum eius perrexit. Ubi cum ingressus fuisset et omnes in ipsa domo cum patre fortiter flentes videret, ad orationem prosternitur; ubi velut alter Heliseus ad caput eius inter angustias archæ et lecti se adtraxit.

Post orationem, quam cum lacrimis fudit, statim reverti ad domum ecclesiæ coepit.

(3). Erat enim consuetudinis eius, ut cum, spiritu sibi insinuante, preces suas exaudiri pro infirmis agnosceret, statim cum celeritate exinde discederet, ne si illo præsente fieret, quod ipse a Domino precibus impetrasset, aliqua arrogantiæ nasceretur occasio, quia et re vera frequenter et duiciter quasi in figura, ut nemo intellegere posset, dicebat: ‘Cui animarum cura credita est, fortiter debet timere et curam corporum exercere. Denique simplicibus magis quam doctis istud gratia divina concessit. Utinam in his quæ nobis misericors Dominus dedit discretionem nobis sibi placitam concedat. Istud tam en a nobis indignis minime est præsumendum’.

(4). Discedente ergo eo, coepit iterum atque iterum clamare pater post euntem: ‘Novi, quia, si Dominum tuum precaris, reddetur mihi filia mea! Tunc ille unum de cubiculariis suis reliquit, dicens: ‘Vade, observa ibi et post paululum veni et die mihi, quid agit! Necdum hora complete, et ecce! nuntius: ‘Domne’, inquit, ‘reversa est ad se puella, supra quam orasti; quæ hoc dicit: “Dominus episcopus hic fuit, cuius orationibus reddita sum et sana facta»’. Pro qua re venit pater, gratias agens, et sibi iam per orationes episcopi sancti revocatam a morte filiam protestatur; nam denique hodie, Domino annuente, vivens huius rei ipsa per se testis existit.

(5). Sed licet, ut mos servorum Dei est, semper virtutes faciendas excusent, is præcipue servus Christi, et quando ad præsens sibi præstari, insinuante Domino, confidebat, nec tunc temere arrepere, sed caute subterfugere volebat. Verum sive stetisset sive fugisset, numquam postulanti defuit Deus, quem ille in corde suo non solum in oratione et obsecratione, sed etiam in convivio, in itinere, in collocutione, in consessu, in prosperis, in adversis et etiam in somno semper secum habuit. Denique nos ipsi vel conservi nostri, qui in cella ipsius manserunt, sciunt quæ dicimus, ilium inter pausas somni, quas iam ætas non solum exigebat, sed etiam pro infirmitate aliquotiens premebat, spiritu semper vigilante, dicere, tamquam admonens, qui psalmum diceret: ‘Age, die’. Nulli dubium est, quod aut spiritualiter cum sanctis psallebat, aut certe illud impleverit propheticum: Ego dormio, et cor meum vigilat. Frequenter etiam in sopore positus, de futuro iudicio et

de æterno præmio prædicabat. Interea non est meorum meritorum, ut indignus præclara de famulo Dei referam.

(6). Cum igitur in cella ipsius diaconus in servitio illius ad iudicium meum delegatus essem, curam me inter reliqua etiam de nocturnis horis iusserat habere. Itaque cum de cella inferiore ubi manebam foris egressus fuisse, quia in omnibus sanctus vir modum semper voluit custodire, præcipue ad noctur nos, vigiliantissime observabat, ut absque eo qui sibi peculiariter inhærebat, – Deo solo sibi attestante, dicebat, – nullus suorum qui secum manebant ante horam legitimam excitaretur. Tunc per somnum lenta voce clamabat: ‘Duo sunt, nihil est medium, duo sunt: aut in cælo ascenditur, aut in infernum descenditur’. Deforis cellam ego revertens, ille evigilavit, ait ad me: ‘Quid’, inquit, ‘iam hora est ad nocturnos?’ Ego dixi: ‘Non est hora, adhuc tempore est’. Et ille: ‘Vere hora est’. Et re vera sic erat. Tunc implevimus nocturnos. Et dixit ad me: ‘Cuinam per somnium cum grandi intentione clamabam: “Duo sunt, duo sunt, non est quicquam medium: aut in infernum aut in cælo itur?” Ego respondi: ‘Consuetudinem tuam facis incessanter clamare’. Tunc ego peccator arbitratus sum, quod semper ille de Deo et cum Deo loquebatur. (7) . Hic enim, ut supra dictum est, sic omnium virtutum amator fuit, ut nullum bonum fuerit, quod vel per se non cum alacritate exercuerit vel cum is fervore spiritus aliquis habere et voluerit et docuerit. Inter omnia igitur bona, quæ generaliter ut fierent, docebat, et mala, quæ nulla omnino fieri pronuntiabant, præcipue, quod benigna et sincera conscientia vestra novit, infidelitatis, mendacii, superbiæ atque luxuriæ vitia et ebrietatis inpatientissime omnino abhorrebat. Iesu bone, quibus gemitibus, quibus suspiriis, quo fletu pro peccatoribus supplicabat, ut iam videres hominem Dei tam quam in præsenti conspicere miserum peccatorem ad gehennæ supplicia destinari! Denique secundum apostolum numquam sibi solo vixit, numquam pro se solo oravit.

(8) . Quodam igitur tempore cum velut ad cumulum meritorum suorum undique captivi Arelato redimendi non frustra exhiberentur, magna multitudo redemptorum ingenuorum et multorum nobilium Arelato ab ipso viro sancto cotidie pascebantur. Tunc venit ordinator ipsius et coepit ipsum contestare: ‘Edice, ne captivi isti vadant, domine, per plateas et petant, unde comedant, quia, si hodie

consuetudinarie ab ecclesia pasti fuerint, crastino ad mensam tuam , unde panes fiant, non habebis'. Tunc ille fiducialiter in cellam ingrediens, ad consuetudinaria subsidia confugit, ubi numquam testem hominem habere voluit, et petiit a Domino, substantiam miseris dari; nam si quis forte, ubi ille solo stratus orabat, casu supervenisset, fortiter abhorrebat. Itaque tam profuse flevit, ut statim impetraret quod postulaverat. Tunc ergo inde exiens, cum alacritate et fiducia quodammodo infidelitatem ordinatoris obiurgans, venerabili viro Messiano presbytero, tunc temporis notario dixit: 'Vade in horreum et ita scopa, ut nec quicquam granorum, si fieri potest, ibi remanent, et fiant panes secundum consuetudinem, et omnes simul manducemus; et si crastina non fuerit quod manducetur, omnes ieunemus, dummodo hodie bene nati homines seu reliqui captivi, nobis edentibus et bibentibus, non eant per platens mendicare', Vocans tam en unum e nobis, in aure eius dixit: 'Cras dabit Dens, quia qui dat pauperibus numquam egebit'. Etenim adhuc ipsis captivis non licebat ad propria remeare. (9). Quid multa? Impletur quod iussit. Murmuratur ab omnibus ecclesiæ convivantibus, unde essent alio die commessuri. Sed qui Heliæ providerat mulierem viduam, ad quam veniendo pauxillulo sustentaretur, et isti sine ambiguitate, cum oraret, insinuaverat, omnia captivis et peregrinis erogando nihilque omnino sibi reservando ut semper uberius ditaretur. Denique alia die, qua pallentes lucescere metuebant hi qui ope ecclesiæ sustentabantur, et cum non minimis suspiriis expectarent, quid ageretur, Gundobaldus et Sigismundus reges Burgundionum scientes, quam alacer servus Domini ad opera misericordiæ festinaret, antequam ipsa lux diei claresceret, tres naves quas latenas vocant maiores plenas cum tritico direxerunt. Et omnes, qui pridie incredulitate famis periculum metuebant, videntes, quod Dominus servo suo numquam deesset, gratias cum gaudio Deo in necessitate subvenienti maximas referebant. (10). Quodam igitur tempore patricius Liberius, insidianibus Gothis, quos Wisigothos dicunt, lanciæ vulnere in ventre usque ad vitalia perforatus est. Et quia trans Druentia periculum ipsum gestum fuerat, turbatis omnibus concurrentibusque post percussorem, ille solus remansit. Periculo vulneris ipsius perterritus et spe vitæ suæ desperatus, quantum potest homo,

donec fiat exanguis, prope non minus quingentos aut eo amplius passus in aliam ripam propriis pedibus transfugit. Sed cum ad locum Arnaginem, ubi homines vici ipsius occurrere potuerunt, pervenit, omnino sine ulla spe vel respiratione animæ cadens iacuit. Hæc enim pæne omnis civitas novit; tam en quæ dicimus, magnificentissimo viro ipso referente, cum lacrimis et grandi admiratione virtutis viri sancti cognovimus. (11). ‘Tunc, inquiunt’, vir ille referebat nobis, ‘nihil mihi in supremum meum aliud in memoriam venit, nisi cum lacrimis proclamarem: “Omnia remedia cessaverunt; dominum meum Cæsarium rogate, ut mihi subveniat”. Quod nos exceius qui missus fuerat velocitate verum esse cognovimus. Nam dum in agro sancti monasterii sui aliquantum et repausare et ordinare aliqua voluisse, ibidem cooperat paululum remorari; et ecce! subito qui missus fuerat anhelans venit, suppliciter deposcens: ‘Cito propera’, inquit, ‘domne: filius tuus, ut ante obitum suum ilium videoas, rogat’. Et cum nullum sine medicamento penitentiæ de hoc mundo vir Dei voluisse recedere, ilium præcipue sine hoc remedio non optabat abire. Statim etenim ad vicum Arnaginem pervenimus. Ergo, sicut supra dixi, ea quæ vir ipse mihi ex plurimis retulit indicabo. (12). Nam dum ita exanimis iaceret, ut non solum omnes reliquos suos, sed etiam nec coniugem nec filiam unicam agnosceret, tunc ipse cum Sacramento dicebat fuisse sibi visum humana voce audisse, quæ illi in aure lente loquens dixerit: ‘Ecce! sanctus episcopus venit’. ‘Statim ad ipsam vocem oculos aperui et ipsum famulum Christi venientem cognovi. Sed ubi ad me peraccessit, manus illius, quantum necesse erat mihi, qui spem vitæ amiseram, osculari fortiter insti. Tunc ergo, ut credidi, Deo mihi peccatori inspirante, birrum ipsius domni mei adprehendi et vulneri meo imposui. Sed cum ibidem paululum partem vestimenti ipsius tenuisse, in eadem hora sanguis, qui penitus non desistebat fluere, ita deinceps cessavit, ut non solum sanitas, sed etiam virtus maxima mihi redderetur; et si permissus fuisse, caballo sedens ad civitatem nitebar properare’. Quod etiam apud nos qui præsentes fuimus verissimum esse constituit.

(13). Igitur illustrissima feminarum Agretia, matrona eiusdem viri, cum mulieris illius, quæ extremam fimbriam vestimenti Domini tetigit, infirmitate laboraret, non dissimilis fide et devotione liberata

est. Cum ad occursum eius venissem, ilia familiariter dignabatur meam parvitatem: infirmitatem suam acsi cum verecundia matronali prodens, coepit sub obtestatione Domini multis precibus poscere a me, ut unum pannum de tessellis illius, quem a nudo sui corporis habuisset, feminæ deferrem. Cumque ego, in cella beati viri dum essem, facile potuisse facere quod sperabat, timere tamen coepi, ne unde ilia sibi remedium petebat, ego peccatum ex furto incurrerem. Tunc cubiculario ad quem vestimenta sancta pertinebant id indicavi, quod aliquis fide tessellum sibi deportari postulasse; pro qua re unum vetustum mihi illea dare non distulit.

(14). Domine Iesu Christe, gloriosus es in sanctis tuis, et quis tibi similis? Tu tamen promisisti, quod si quis in te crederet, opera quæ facis et ipse facheret. Nam dum apud me iam servatur pannus ipse deportandus, cum sero factum esset, – ea consuetudo erat, ut ei, antequam repausaret, tesselli adhicerentur calefacti ad focum, et aliis detractis, apponenterentur, – exhibiti sunt, prout opus existimavit qui serviebat. Cui ille: ‘Non istos’, inquit, ‘ilium talem atque talem volo’. Exhibiti sunt alii veteres: ‘Non est hic’, inquit, ‘quem quæro’, exquirens, quod non consueverat, ut innotesceret, quod in spiritu prævidebat. Tunc nutibus ego et ille qui mihi dederat coepimus recognoscere, quod servo Dei furtum nostrum non potuisset latere, ut perspicuum et evidens esset, quod famulus tuus, Domine, nobis indignis de donis illis quæ ipsi tribueras potuisset dicere: ‘Tetigit me aliquis’. Tunc ergo velut pro ilia, quam tu, domine Iesu, per orationem servi tui sanasti, ego timens et tremens, quod factum fuerat coepi servo tuo fateri, dicens: ‘Indulge, domne; ego pannum quem quæris habeo. Filia tua’. Usque hic me loqui permisit; ille autem cum sibilo silentii: ‘Tace’, inquit, et cum grandi pietate apprehendens adhuc etiam ilium tessellum dedit mihi et dixit: ‘Vade’, inquit, ‘porta ambos ad basilicam domni Stephani et mitte illos sub altare, et ibi maneant, et unum quem volueris porta mane ad eam quæ te rogavit et alium mihi revoca’. Sicut iussit indigno servo suo, feci; et tamen, cui portaverim, numquam a me requisivit nec tessellum repetiit.

(15). Cumque ilia femina assidue exactrix esse non desineret, ut quod petierat deportarem, vidensque me eminus venientem, porrectis porro manibus, antequam darem iamque raptura quod

exhibebam, impetu obviam venit. Quæ, antequam de casula, sub qua ipsum pannulum ferebam, erigerem, rapere quod fidei alacritate poposcerat festinabat. Ego vero cum protulissem ipsum tessellum, dedi ei, illaque sibi super vestimenta sua circa se posuit; prius tamen oculis admovens et cum devotione deosculans, ut dignum erat, honorabat. Nec mora, statim adfuit, Domino tribuente, fidelis petitionis suæ effectus, et iam vestimenta servi Domini habuerunt, quod et post transitum ipsius habere noscuntur. Denique, ut solebat ipsa fateri, cum ipsum pannum ad pectus suum posuisset, statim, velut si qui solent aqua frigida respergi, ita omnia membra vel venæ eius etiam cum parvo dolore in horripilationem suspense sunt, ut corpus ipsius aliquantum horrore simul et tremore quateretur. Sed ilico Domini misericordia adfuit, et fluxus qui erat discessit et numquam amplius ad ipsam rediit, impletumque est in ea: Vade filia, secundum fidem tuam fat tibi.

(16). Factum est, ut quodam tempore quattuor aut quinque episcopi ei ad occursum venirent, cum quibus ad lucernarium ad basilicam sancti Stephani descendit. Cumque, expleto lucernario, benedictionem populo dedit, egredientibus illis mulier quædam in salutatorio occurrit, quæ tam horribilem infirmitatem incurrerat, ut die noctuque incessanter manus eius ita inter se conlidentur, quasi aliquid volventes. Quæ lacrimabiliter clamavit: ‘Domne Cæsari, miserere infelici; ora, ut mihi manus meæ reddantur’. Illius ut erat consuetudo, in oratione cum aliis episcopis prosternitur. Cumque uterque surrexisse, inclinato capite, uni de sanctis episcopis dixit: ‘Iube, domne, rogo, signa manus mulieris istius’. Qui oboedientissime paruit, sed nihilominus præfatæ manus solito volvebantur. Ilia vehementius clamans dixit: ‘Domne Cæsari, ad te clamo, te rogo, tu signa’. Iterum in oratione procubuit, erigensque se, crucem super infirmas manus fecit, quæ statim steterunt. Mulier vero Deo et viro sancto gratias agens, incolumis reversa est.

(17). Nam cum ad oleum benedicendum competentibus in baptisterio annis singulis veniebat, et hinc rediens cum cocumula, ad consignandos ininfantes sederet, parvuli illic pueri vel puellæ a parentibus missi certatim currebant, exhibentes vascula cum aqua, alii cum oleo, ut eis benediceret. Cumque hii qui deferebant contra se urceolos et ampullas præ multitudine populi comploderent, sonus

audiebatur percutientium et videbatur; et tamen vitrum, in quo benedictio servi Christi effusa fuerat, numqua confractum est.

(18). Quodam tempore, dum dioceses visitaret, ad castellum quod Luco dicitur venimus. Erat ibi matrona quædam Eucyria nomine, quæ ancillam suam offerens ante pedes eius prostravit; pro qua ut Domino supplicaret, lacrimabiliter exorabat. Ille autem causam perscrutans, ut erat vir Deo plenus et in omnibus perscrutantissimus, quid infirmitatis haberet, interrogavit. Dixerunt: 'Dæmonium quod rustici Dianam appellant. Quæ sic affligitur, ut pæne omnibus noctibus assidue cædatur, et sæpe etiam in ecclesiam ducitur inter duos viros, ut maneat, et sic flagris diabolicis occulte affligitur, ut vox continua ipsius rogans audiatur, et eis qui sibi adhærent respondere penitus non possit.

(19). Tunc omnibus qui cum servo Christi aderant poscentibus, ut rei veritas appareret, videre petierunt. Permittente igitur ipso domno, sanctus Lucius presbyter et Didimus diaconus, qui eo tempore cum ipso per parochias ambulabant, ad eam secretius videndam properaverunt, in quorum etiam et ego obsequio perrexi. Si mihi fideles credunt, – coram Deo dico, – oculis meis vidi plagas, quas ante aliquot dies in dorsum et in scapulas acceperat, ad sanitatem venire; pridianas autem et in ipsa nocte impressas recentes inter illas intextas. Tunc iterum exhibita ante ilium, ita torvis lumiibus oculorum, confusa et aversa ab eo facie, apparuit, ut omnibus innotesceret, in facie in servi Dei minime eam posse respicere. Sed ille capiti eius manum imponens, benedictionem dedit, deinde oleum benedixit, ex quo eam nocturnis horis perungi iussit: statimque ita sana facta est, ut deinceps temptatio dæmonis ad illam non reverteretur.

(20). Alio vero tempore cum in dioceses venissemus, infans annorum circiter octo clericali habitu in altario venit, ubi post prædicationem, – quam non solum in civitate, sed etiam in omnibus parochiis, cum potuit, per se memoriter facere minime distulit, – cum se de cancello ad altare revocasset, missam iam cooperat celebrare. Infans vero ipse graviter ab spiritu nequissimo coepit vexari, nam tremore et spumis horribiliter quatiebatur. Tunc nos omnes terror non modicus invasit. Ille vero oculos in cælum elevans, preces ad Dominum pro curatione eius direxit et coepit iterum,

omisso illo, ad missas faciendas se convertere. Tunc quidam presbyter Cataroscensis ecclesiæ Ursus nomine infantulum ipsum ante pedes eius proiecit. Quod ille ægre suscipiens, ait: ‘Parcat tibi’, inquit, ‘Deus, benedicte; istud aliorum opus est, non meum’. Et licet ille propter humanam arrogantiam denegaret, non tamen servo suo defuit virtus divina. Statim ergo ubi ante pedes eius puer ipse projectus est, sanus surrexit, nec umquam ad eum spiritus nequam rediit, quem etiam subdiaconum in ipsa ecclesia vidi.

(21). Nam cum ad Citaristanam parrochiam venisset visitandam, cuiusdam Novati nomine filia tam nefandum et novi generis dæmonium videbatur incurrisse, ut, si quando pedem extra hostium domus suæ misisset, statim multitudo corvorum in faciem ipsius lacerantes inruebant, et iilam tremore quassatam vel cum spumis volutante, omne illius nudum quod repperissent corpus, hoc est faciem, cervicem vel quicquid aliud invenissent, deturparent. Quæ dum ad sanctum virum esset exhibita, usque ad basilicam qua ingressa est, ubi vir Dei erat, supervenientes corvos nos vidimus eminus volitantes circa eam; non tamen iam vel tunc ausi importuni inruere. Nam cum ante ipsum venisset, videns faciem ipsius deformiter laceratam, nobis secretius dixit: ‘Numquam isto genere diabolum insidiatum alicui vel legi vel vidi vel audivi’. Tunc ante sanctum altarium super caput eius manus imponens, oleum benedixit eique oculos et aures perunxit: cunctis videntibus, per plateam ad domum suam sana reversa est. Per biduum quo ibi fuimus ad ecclesiam processit, incursusque ille deinceps numquam ad ipsam reversus est.

(22). Devoluto hinc tempore, venit ad agrum ecclesiæ nostræ, ubi et dioceses sunt, quæ Succentriones vocatur. Balnearia ibidem grandibus fastigiis constructs sunt. Ubi si quis momentis singulis casu transiret, statim per nomen clamabatur; ilico sibi ingentia saxa aut ante pedes aut post se cadentia cum metu aspiciebat. Caventes universi, ne inde umquam præterirent, unde etiam monebantur omnes nescientes, ne in illud periculum inciderent, inde prætergredi non debere. Cum ecce! vir Dei ibidem requisitus ad aliam pergeret ecclesiam, clericus cui cura erat baculum illius portare, – quod notariorum officium erat, – oblitus est; in quo ministerio inutilis ego serviebam. Tunc incolæ loci illius, cum eum invenissent, gaudentes

dicebant, sibi a Domino præstitum, ut aliquid illius reperissent. Mirantur et agunt Deo gratias virgamque ipsam de pariete illo suspendunt, deferentes ad locum, ubi dæmonum incursus audiebantur: statimque effugatæ sunt insidiæ diaboli, et ultra nulli in loco nequissimum malum facere usque hodie adversarius ipse præsumpsit.

(23). Accidit etiam quodam tempore, ut unus ex Galliis Benenatus quidem nomine, non opere venerit, qui se deploraret cum nepotellis suis captivum esse. Habebat puellam parvulam, quam virili habitu induens, ad ipsum demonstrat dicens: ‘Hic nepos meus est, et mecum cum sorore sua, quæ post nos huc properat, captivi detinentur’. Tunc vir Dei dolens de captivitate eorum, pro affectu quem ei Dominus ab infantia inspiraverat ilium qui puellam ipsam exhibuerat et ipsam, velut puerum credens, utrumque blonde resalutans, osculatur. Igitur accepta uterque redemptione revertuntur, unde ibi applicuerant.

(24). Post biduum iterum puellam ipsam in habitu proprio, ut amplius solidos acciperet, revocat. Hæc vero agebantur per suggestionem sancti viri Iacobi presbyteri, qui sancta simplicitate sua omnia ilium in veritate queri insinuabat. Tunc et huius idem Benenatus puellæ accepit iterum redemptions. Nam quorum tunc sollicitudinis fuit, cognoverunt, quod ipsam postea exhibuerat, quam prius virili habitu ostentaverat. Quod cum indignatione sancto Dei non solus ego illi, sed etiam supradictus presbyter simul et cum verecundia suggerebant. Tunc ille, ut erat circa peregrinos semper mitissimus et benignus, presbitero dixit: ‘Noli’, inquit, ‘tu, frater, irasci. Tu bene fecisti peregrinum commendare; tibi pro bona voluntate tua redditurus est Deus mercedem. Et illi misello parcat Deus peccatum hoc, qui me fecit puellam osculari; et hoc præmium puella ipsa percipiat, ut quia etsi indignum sacerdotem osculari præsumpsit, tale sanctimonium faciat, ut alium virum numquam osculetur’. Sed quia futurorum arbiter Deus scivit, illam sine dubio in virginitate perdurare non posse, ne servi Dei oratio irrita fieret, alia statim die de hoc mundo discessit. Hæc Arelato ad basilicam Apostolorum, ubi ipse metatum habuerat, celebre acta noscuntur.

hoc, qui me fecit puellam osculari; et hoc præmium puella ipsa percipiat, ut quia etsi indignum sacerdotem osculari præsumpsit, tale

sanctimonium faciat, ut alium virum numquam osculetur'. Sed quia futurorum arbiter Deus scivit, illam sine dubio in virginitate perdurare non posse, ne servi Dei oratio irrita fieret, alia statim die de hoc mundo discessit. Hæc Arelato ad basilicam Apostolorum, ubi ipse metatum habuerat, celebre acta noscuntur.

(25). Alio vero tempore matrona quædam in urbe Massiliense casu pede luxavit, ita ut per tempora multa pedem ipsum in terra ponere non posset, sed manibus sustentata servulorum suorum, vix ad ecclesiam duci poterat, validissimum sustinens dolorem. Sed quia multæ sunt miserationes Domini, quando ipse voluit, causas effecit, ut vir Dei ad civitatem ipsam ambularet. Audito mulier adventum ipsius, fecit se ad eum salutandum adduci. Quæ, accepta ab eo oratione et benedictione, nihil illi de causa sua præsumpsit suggerere; sed regressa ab eo, ad sellarem ipsius adpropinquari se permitti rogavit. Quæ de supersellio qui sellam tegebat locum debilitatum fideliter tangens, statim pristinam sanitatem recipiens, tamquam si mali nihil fuisset perpessa, pedibus suis, nullo sustentante, incolumis reversa est, Domino usque in præsentem diem gratias agens.

(26). Quodam igitur die – quod multi noverunt – hac in civitate cuiusdam Iohannis domus adprehendit vicina virginum monasterio. Appropinquare igitur ignis coepit, ita ut nulli dubium esset omnia ibidem concremenda. Turbatæ igitur ancillæ Dei, quibus foris exire non licebat, libros vel rescellas et se ipsas per cisternas iactabant, ubi, Deo dispensante, tunc aqua deerat, ne illas desperatio conturbaret. Currentesque præpositi monasterii, nuntiaverunt patri ipsarum, eo quod iam ignis in proximo esset cellæ suæ. Ille festinanter egressus, media nocte per murum ad locum veniens, ubi flamma vehementius incumbebat, oratione se prosternens ipsisque mandans et de muro clamans: 'Non timeatis, benedictæ', mox sæviens flamma virtutis suæ amisit incendium.

(27). Nec hoc silebo, quod etiam quodam tempore in Alpinis locis factum celeberrimum prædicatur. Dum cuiusdam fines nobilissimi viri tempestas assidua perniciosa infusione contereret, cunctosque fructus loci illius vis grandinis devoraret, ita ut annis singulis nulla ibidem spes subsidii remaneret, cessitque iterum, ut baculus eius casu ibidem remaneret. De qua virga possessor ipse

crucem fieri iussit, quam eminentiori loco fide armatus infixit, ut veniente lapide contrairet virga discipuli, crux magistri. Tantam ibidem Deus ob honorem servi sui dignatus est operari virtutem, ut ibi postmodum maximam ubertatem daret, unde reppulerat tempestatem.

(28). Item quadam die domus Vincenti cuiusdam comprehendit, cuius solarium ex ligno factum flamma cædebat. Ille videns se nihil valere posse, quanta potuit velocitate ad ipsum domnum perrexit; genibus eius advolutus, rogat, ut oraret. Qui annuens ei egressusque foras, crucem contra flammarum fecit, quæ continuo regrediens, ita sopita est, ut nec signum apparuisset in solarii tabulas.

(29). Retulit etiam nobis nuper quidam presbyter, quod ante aliquot annos, dum adhuc laicus esset, filia sua a dæmonio vexabatur. Qui mærens et lugens, uni ex amicis suis dixit: 'Quid faciam, infelix, quod filia mea a dæmonio vexatur? Melius mihi fuerat, nec nata aut certe mortua fuisset'. Cui ille respondit: 'Noli flere, sed vade, duc eam ad domnum Cæsarium et offer eam illi secrete, et curat eam'. Ille vero nihil dubitans, venit Arelato, et vadens, occurrit ei et prostravit se ad pedes eius cum lacrimis, dicens: 'Domne, miserere mihi misero; cura filiam meam'. Qui sollicite interrogans, quid haberet, respondit: 'Dæmonium'. Dixit ei: 'Tace et revertere ad domum tuam. Mane, cum matutinæ dicuntur, revertere et adduc tecum puellam ipsam et matrem eius, et observa, dictis matutinis, in atrio sancti Stephani; et cum secretum videris, veni ad cellam et appella'. Ille vero fecit, sicut iusserat. Ipse autem secrete egrediens et genu in terra figens, cum patre et matre puellæ oravit, erigensque se, signavit eam et dimisit sanam.

(30). Iterum ambulans per plateam civitatis, vidi econtra in foro hominem, qui a dæmonio agebatur. Quem cum attendiaset econtra, manum sub casula habens, ut a suis non videretur, crucem contra eum fecit; qui statim a temptatione inimici absolutus est.

(31). Nam illud quam sanctum et dulce erat, cum per diem incessabiliter oportune importune, volentibus nolentibus, verbum Dei ingereret! Cum iam sero pausare venisset, ut vel unius horæ momento de scripturis divinis et de instructione sancta non vacaret, agebat ad nos: 'Dicite mihi', inquit, 'quid cenavimus hodie, qualia

fercula habuimus?’ Nos tacentes suspirabamus, quia illuc intellectus noster ducebatur, quo ille solitus erat nos provocare, quod de cibo spiritali loqui volebat, et ideo nos interrogaret. Dicebat iterum: ‘Scio’, inquit, ‘quod, si sollicitus fuero, quid cenaverimus, etiam et quod prandidiatis retinetis; si autem interrogaverimus, quid ad mensam lectum sit, non recordamur. Unde datur intellegi, quia illud nobis quod retinemus dulciter sapuit; illud vero quod non retinemus non solum saporem in palato cordis nostri nullum præsttit, sed etiam fastidium forsitan fecit’. Et ingemiscens dicebat: ‘O infelix oblivio bonorum, cui nihil infelicius!’

(32). Et incipiens ab initio, quod lectum fuerat vel expositum repetebat nobisque misellis voce prophetica cum gemitu dicebat: ‘Colligate, colligate triticum dominicum, quia vere dico vobis: Non diu erit, ut colligatis. Videte quod dico: ‘Colligate, quia quæsituri estis istud tempus; vere, vere quæsituri estis dies istos et valde desideraturi’. Quod etsi tunc abusive desidia nostra suscipiebat, iam tamen nunc venisse probamus quod dixit. Illud propheticum in nobis impletum est: Mittam vobis famem in terra, farnem, inquit, non panis et aquæ, sed audiendi verbum Dei. Licet prædicationes quas instituit recitentur, tamen cessavit ilia incessabilis vox, quæ implebat illud propheticum: Clama ne cesses, hoc sæpins dicens: ‘Palatus cuiusque cum verbum Dei fastidit, anima eius febit; cum ad sanitatem venerit, tunc esurit et sitit, quod, dum infirmatur, repudiat et neglegit’.

(33). Nam illud dulcissimum et sanctissimum recinium quis verbis umquam to valeat explicare? Sic dicebat ad nos servus Christi: ‘Cenam’, inquit, ‘iam, ut potuimus, expedivimus’. Ab adstantibus vero vel a cubiculariis suggerebatur propter lassitudinem suam, – quia respirare vix fatigatus valebat, – ut se pausaret. Ille respondebat: ‘Bene’, inquit, ‘dicitis; sed expectate modicum’. Tunc cubicularii: ‘Domne, quid dicis: “Expectate ad mensam?”. Multum dicendo lassasti et hucusque non tacuisti; iam paululum refice’. Ille cum summa dulcedine iterum respondebat: ‘Bene’, inquit, ‘dicitis; sed quia cenam expedivimus, recinium nullum facturi sumus’.

(34). Incognitorum conscientia novit, quod dico, quia Spiritus sanctus cum coepisset per ipsum eructuari, omnium vitia ita replicabat, ut omnes nos agnosceremus, et flagellis eruditiois suæ

cædebat, et medicamentis divinis leniens, ad sanitatem sine ulla mora revocabat. Tamquam spiritalis et sanctus organarius cordas tangebat singulorum, ita ut exeentes ab ipso nobismet ipsis de eo quod dictum fuerat aliquantum resonaremus, dicentes unusquisque e nobis: ‘Domine, gratias tibi, quia iam non retineo male factum, nec furit animus meus contra ullum fratrem meum, quia utique vera sunt, quæ servus tuus prædicat, et malo iniuriam pati, quam in diem iudicii mihi iste sanctus in testimonio exhibeat’. Ille alius de superbia eadem dicebat, alias de invidia, aliasque de quolibet vitio laboraverat, similiter dicebamus, omnesque sani animo et relevati ad cubilia nostra Deo gratias agentes revertebamur.

(35). Nam qualem vultum, Deus bone, plasmator sancte, qualem faciem, qualem personam [habuit], quis potest umquam exponere? Nos vero desideramus in te, sancte pater, doctrinam, formam, vultum, personam, scientiam, dulcedinem, quam specialem a Domino inter ceteros homines habuisti: quam sancta fuit vita tua, tam purus et dulcis aspectus. Domine Iesu, quanta et qualia dederis, quis potest vel cogitare, non dicam verbis exponere? Nam cum ad benedicendos fontes procederet, – si hii qui viderunt et quæ dico audiunt, testes ipsi sibi idonei sunt, quia sibi credunt, – quis eum umquam terrenum hominem esse in processione illa credidit? Domine Deus cæli, fiducialiter et veraciter dico, quia per istos quadraginta annos, quibus administravit, quicumque eum illa die viderunt procedentem, tamquam si numquam ante vidissent, sic semper in oculis omnium novus apparebat. Resplendebat cum anima vultus eius, quia et re vera vita eius profectibus continuis sic crescebat, ut semper se ipso fieret melior, ut non inmerito extrinsecus appareret, quod intrinsecus gerebatur.

(36). Huic vero visitationes non solum quorumcumque sanctorum multotiens ostensæ, verum etiam, quod est super omnia, dominus Iesus cum omnibus discipulis suis se in visione ei revelavit. Quod non passim ille iactavit, aut spiritu exaltatus est, sed unitantum satis fideli personæ sub sacramento, ut taceret, ita confessus est, quæ coram Deo asserit factum fuisse. Verum etiam et ante biennium transitus sui cuncta præparatio, quam percepturus erat pro omnibus operibus suis in cælis, in spiritu ei ostensa est, et

dictum est ei: ‘Lætare in Domino, quia ecce! quæ percipies pro servitio tuo’.

(37). Et quia multa sunt adhuc, satis et magna, quæ propter prolixitatem præterimus, plerique et hi qui nobiscum ilia norunt dolebunt, nos procul dubio prætermisso tam plurima, quæ utique nobiscum sciunt. Quos, ut ignoscant, rogamus, quia satis indecorum est et onerosum, aut barbarum eruditis auribus diutius loqui præsumere, aut mutum, cum loqui non possit, velle amplius musitare. Det Deus, ut prius finem habeamus, quam de amore, de nutrimentis, de caritate, de prædicatione, de omni omnino sancta eius recordatione domni nostri sanctique patris vestri finem in animis nostris faciamus.

(38). Tamen quæ etiam, antequam ista scriberentur, post transitum ipsius so de reliquiis eius acta sunt, pauca referam.

(39). Chartarius publicus nomine Desiderius, cum multo tempore quartanis febribus fortiter ita urgeretur, ut etiam prævalida iuventute careret, aquam, unde corpus illud sanctum lotum est, paululum hausit, atque statim ita sanatus est, ut non solum febris ipsa iuvenem non repeteret, sed etiam virtus et robur pristinus in ipso, Domino annuente, rediret.

(40). Filius vero iliustris viri Salvi, cum febribus tertianis satis graviter urgeretur, et, ut est studium talis viri, crebris potionibus huic infirmitati competentibus ilium studeret mederi, nihil prorsus iuvari potuit. Tunc ut Christianus vir: ‘Curre’, inquit filio suo, ‘et quære aut aquam, unde dominus episcopus lotus est, aut certe de vestimento suo reliquias lava et bibe, et Dominus dabit sanitatem’. Statim ut factum est, omnis febris et quicquid incommodum fuit ab eo discessit.

(41). Filius etiam iliustris viri quondam Martiani graviter febribus incommodis sic agebatur, ut etiam a medicis desperaretur. Ille vero – ut Deus propitius quibus vult mederi inspirat – fide et alacritate coepit petere, ut aliquid, quod de vestibus famuli Domini erat, ipsi lavatum bibendum daretur. Tunc ad me vel ad reliquos absentes, qui inde sibi aliquid reservaverant, curritur. Apud quempiam quæsitum inventum datumque est de vestimento, quod exhibitum est: aquam ipsam sumpsit sanusque effectus est, huiusque miraculi testis per se ipsum existit.

(42). Alius vero, eunte me per plateam, Francos quidam iam totus frigore quartanæ febris incurvus, æque tremebundus ante me ambulabat. Et cum velociter ire disponerem eo quo cooperam, post me coepit clamare: ‘Benedicte, si habes, da mihi de drapo sancti Cæsarii; propter frigoras, quia multis valet, volo bibere’. Ego, qui velociter properare volebam quo cooperam, dixi: ‘Si me expectas, crastino do tibi quod quæris’. Ille vero ait: ‘Ego hodie habeo diem, et iam totus tremo; quando te expectare habeo?’ Tunc ego non otiose mihi ilium in platea totiens antepositum cogitans, dixi ad eum: ‘Veni’, inquit, ‘iuvenis; ego tibi do quod quæris’. Statimque ambo redivimus, et cum in cellula mea ingressi manus uterque lavassemus, protuli linteum, ex quo sanctum corpus dulcis domni tersum fuerat. Tuli ergo parvulam partem, ut darem ei, et ille Francus cum suo grandi furore ait ad me: ‘Folle homo, quid mentiris? Ego audivi, quod ille benedictus non linteum, sed pannos in usum habuerit, quod ego lavare volo et cum aqua desidero bibere’. Tunc ego cum lacrimis dixi: ‘Bene dicis, verum audisti; sed hinc corpus ipsius sanctum, quando transivit, detersum est’. Et ille: Da, inquit, ‘ergo, si sanus sis’. Acceptum itaque, statim in eadem hora a Domino sanitatem sensit.

(43). Sed quia beneficia orationum servi Domini, quæ corporibus et animabus Christus per ilium præsttit, omnino nulla lingua valet, ut dignum est, expedire, licet rusticitas meæ eloquentiæ quasi fatua resonet, quia nec peritus sermone existo, tamen, quando cum sapientibus sermo est, pauca et vera testimonia magna sunt rerum emolumenta: sensus suos pro testimonio habent qui fidei mente vera dicta suscipiunt.

(44). Illud tamen non præteream, quod nuper in cella ipsius cessit, ubi corpusculum quievit, ex qua anima ad superna migravit. Dicentibus sanctis fratribus inibi capitella, ipsis præsentibus, unus de cubiculariis, quos in obsequio habuerat, dum cicindilem concinnaret, de manibus super lapides lapsus est, nec versit nec fregit nec extinctus est.

(45). Dum ergo hic euangelistæ officio, ut legimus, hunc eximum summumque verbi opus oportune importune agit, dumque sacrum implet officium, adest Dei nutu, non tradente ipso, ut criminabantur Arriani, sed tamen iugiter exorante pro omnibus, cum

tranquillitate et quiete in Arelatensium civitate glorioissimi Childeberti catholicissimum in Christi nomine regnum cum virtute mansuetum, cum severitate commune, cum humilitate conspicuum, sacerdotes Domini non terrore concutiens, sed veneratione constringens, in Galliis eminentius omnibus, in ecclesiis cunctis æquali privilegio cum celsitudine civitatem humanitus recognoscens. De hoc ergo homo Dei refectus pariter et lætus despexit Arriomanitas minas et crebras accusationes, falsiloquia, simulationes confictas: Vedit ergo et lætatus est, et appositus est ad patres suos in senectute bona in Christi nomine plenus dierum.

(46). Cum ergo crebro semianimem ipsum redderet conspectibus nostris infirmitas, et inter hæc septuagesimum tertium gereret totius vitæ tramitis annum, e quibus quadragesimum in pontificatu verteret circulus gyrum, animadvertisit per spiritum, imminere sibi transitus diem, et inter non modicos quos patiebatur dolores sciscitatus est, quam in proximo esset beatissiini Agustin depositionis dies. Et cum imminere commemorationem eius didicisset: ‘Confido’, ait, ‘in Domino, quod meum transitum non longe divisurus est ab ipsius patris Agustini, quia, ut ipsi nostis, quantum dilexi eius catholicissimum sensum, tantum me etsi discrepantem meritis, minime tamen reor diatantia longiore depositionis meæ diem ab eius obitus tempore sequestrari’. Interea crescit additurque exitus Israhel de terra Ægypti, id est animæ sanctæ de hoc mundo corporalis vitæ migratio.

(47). Iubet ergo se in monasterio virginum, quem ipse fundaverat, sella famulantum manu gestari, quasi consolaturus anxias, quibus suspicio transitus sui abstulerat somnum et cibum oblivio. Psalmorum quoque sono lacrimis intercluso, mugitum pro cantico et gemitum pro alleluia reddebat. Consolatis igitur compellatisque filiabus non alacritatem contulit, sed mærorem accumulavit; etenim in promptu erat agnoscere, iam migraturum esse ad divina præmia pium patrem. Alloquitur igitur quasi more et dulcedine sua ultra ducentarum puellarum venerabilem Cæsariam matrem et consolatur atque ad palmam tendere supernæ vocationis hortatur, et ut teneant regulam, quam ipse ante aliquot annos instituerat, monet; sicque etiam taliter easdem testamento suo succendentibus etiam sibi episcopis et reliquo clero, præfecturæ vel

comitibus seu civibus per epistolas suas commendat, quatinus minime perferrent tempore post futuro labore. Erat constitutio monasterii ipsius eo tempore annis plenariis triginta. Dat ergo eis orationem et benedictionem, vale ultimum dicens, illis rugientibus, ad ecclesiam revertitur.

(48). Tertia namque die post sancti Genesi festum, id est sexto Kal. Sept., ante diem depositionis sancti antestitis Agustini et post diem dedicationis monasterii sui, cum iam vale dixisset pridie cunctis, imminente hora prima, inter manus qui aderant pontificum, presbyterorum ac diaconorum beatam animam lætus emisit ad Christum.

(49). Sancti etiam corporis vestimenta ita a diversis lamentantibus vel fidelibus populis pia violentia diripiebantur, ut, adsistentibus nobis presbyteris ministrisque, vix potuerint vel ad suscipiendarum reliquiarum patientiam revocari. De quibus iugiter, Deo præstante, sicut superius dixi, infirmorum curationes creberrime celebrantur. Admirabile quidem gaudium fecit in cæsiis, in terris vero intolerabilem luctum reliquit; quem luctum non solum boni, sed et si qui mali viderunt, simui participati sunt. Nam quis in exequiis illius civis vel extraneus propter lacrimas psalmum cecinit? Sed omnes omnino boni malive, iusti et iniusti, Christiani vel Iudæi, antecedentes vel sequentes voces dabant: 'Væ, vœ et cottidie amplius vœ, quia non fuit dignus mundus diutius talem habere præconem seu intercessorem'.

(50). Sepultus itaque in basilica sanctæ Mariæ, quam ipse condidit, ubi sacra virginum corpora de monasterio suo conduntur, nos quoque etiam fideli devotione et sedulitate debita veneramur in terris, cuius anima confidimus, gaudemus et gloriamur quod præfulget in cælis, præstante domino nostro Iesu Christo, qui cum Patre et Spiritu sancto vivit et regnat per omnia in sæcula Deus omnipotens.

Amen.

Начинается книга вторая.

1. Здесь записано то, что пресвитер Мессиан и дьякон Стефан рассказали. И то, что мы намереваемся рассказать о речах и добрых делах святого отца, епископа, нашего учителя и господина Цезария, мы совместно или по отдельности знаем о нем или со святыми епископами Киприаном, Фирмином и святым Вивенцием вместе видели. И они прекрасно о нем вначале рассказали и довели это вплоть до конца. А мы удостоились разрешения и повеления, чтобы каждый из нас те деяния его, которые он хорошо знал, честно рассказал. Мы не нуждаемся в светском красноречии, даже если мы его не лишены, так как истина святых дел превосходит все украшения мирского красноречия. Для полного изложения его дел достаточно той простоты и чистоты, с которыми сам блаженный отец творил чудеса, что нами должны быть рассказаны. Так как часто сам господин наш Цезарий говорил в своих обычных проповедях: «То, что сказано заумно, служит исключительно познанию образованных, а то, что попроще, одинаково наставляет как образованных, так и простых людей»¹⁰⁹³. Поэтому те деяния и речи, которые мы верно знаем от него, мы начинаем с помощью Господа простыми словами излагать в той части, в которой мы можем рассказать полным веры слушателям, чтобы укол был сделан больным, счастье совершенным и пример стремящимся к совершенству. Таким образом, мы начинаем с Божьей помощью пересказывать те его святые деяния, которые мы помним.

2. У дьякона этой церкви Петра была дочь, в ведении которой находились все дела его хозяйства. И когда к ней сильная слабость подступила, она три дня пролежала молча. По этому делу Петр простерся к ногам блаженного мужа, говоря: «Смилостивься к моему возрасту, слуга Христа, приди и помолись за мою дочь. Я полагаюсь на тебя, так как Господь ни в чем не отказывает тебе. Положи руку на нее, и она станет здоровой. Уже три дня как она молча, закрыв глаза, лежит, и в любой час и момент я ожидаю ее смерти». Услышав это,

Цезарий, взволнованный слезами старика, направился к его дому. И когда вошел и увидел всех в этом доме рыдающими вместе с отцом, предался молитве. И, словно второй Елисей, в промежутке между кроватью и сундуком склонился к ее голове и после молитвы, которую исполнил со слезами, тотчас вернулся в свою резиденцию.

3. И было обыкновение у Цезария: когда Святой Дух проникал к нему и он узнавал, что его просьбы за больного услышаны, то тотчас же быстро уходил оттуда. Чтобы если в его присутствии случится то, что он выпрашивал у Господа, каким-либо образом не родился повод для самоуверенности. И поистине часто и приятно аллегорично говорил: «Кому вверена забота над душами, должен твердо опасаться заниматься заботой о теле. И вообще, Божья благодать ниспадает больше простым людям, чем образованным. О если бы милосердный Господь в том, что нам дал, отдал бы и угодное себе различие! Что должно быть нами, недостойными, принято».

4. И когда он ушел, отец девушки снова и снова кричал вслед уходящему: «Я знаю, что если ты умолял Господа, то моя девочка вернется ко мне!» Тогда Цезарий оставил там одного из своих спальничих со словами: «Иди туда и посмотри! И вскоре возвращайся и расскажи, что там произошло». И часа не прошло, как вдруг посланник вернулся и говорит: «Господин! Та девушка, за которую ты молился, пришла в себя и говорит: “Был здесь господин епископ, благодаря молитвам которого я возвратилась, и здоровье вернулось ко мне”». Отец девушки пришел, воздавая благодарность за это дело, торжественно заявил, что его дочь была спасена от смерти благодаря молитвам святого епископа. И теперь еще с согласия Господа существует живой свидетель этого дела.

5. И хотя таков обычай был у рабов Божьих, которые часто отказывались от совершения добрых дел, этот раб Христа, особенно когда полагал, что с ниспослания Господа ему представилась возможность, хотел не случайно подкрасться, а осторожно ускользнуть. Но оставался ли он или уходил, Господь никогда не отказывал ему. Когда он просил о том, что всегда носил у себя в сердце не только при молитве и мольбе, но и во

время пиршества, и в дороге, и во время беседы или судебного заседания, во время успехов и несчастий и даже во сне. И мы, и наши коллеги по служению ему, которые жили под его крышей, знаем, о чем говорим. Молился он и во время частых пробуждений от сна, которые мучили его часто не только из-за его почтенного возраста, но и из-за болезни. Его дух бодрствовал, и, словно побуждая кого-то читать псалмы, он говорил: «Подойди и говори». И не было сомнений, что Цезарий в душе пел псалмы со святыми или определенно исполнял то пророческое: «Я сплю, но сердце мое бодрствует» ¹⁰⁹⁴. Часто во время крепкого сна он проповедовал о предстоящем суде или о вечной награде. Между тем это не моя заслуга, что я, недостойный, привел яркие истории о слуге Господа¹⁰⁹⁵.

6. Когда по собственному выбору я был назначен дьяконом для служения в его келье, он приказал мне среди прочего иметь заботу оочных часах¹⁰⁹⁶. Когда я из нижней кельи, где я находился, выходил наружу, поскольку святой муж всегда хотел соблюдать умеренность во всем, а особенно в отношении очных служб¹⁰⁹⁷. И он наблюдал особенно внимательно за тем, чтобы кроме того, кто особенно предался себе, оставшись наедине с Господом, никто другой из своих, кто оставался вместе с ним, не был разбужен ранее положенного часа. Тогда же сквозь сон он шептал¹⁰⁹⁸: «Есть только два места, нет среднего, а только два. Либо всходишь на небеса, либо опускаешься в ад». Когда я возвращался снаружи в келью, он пробуждался и спрашивал меня: «Что, уже наступило время для очных служб?» Я говорил: «Еще не наступило, слишком рано». А он отвечал: «Воистину время настало!» И так в действительности оно и было. Когда мы исполнили очные службы, он сказал мне: «Я кому-то с большой силой кричал сквозь сон: «Есть два места, только два, нет какого-либо среднего. Либо в ад, либо на небеса будем приведены»». Я ответил: «Ты сделал своим обыкновением постоянно вызывать». Тогда я, грешник, полагал, что он всегда разговаривает с Господом и о Господе.

7. Он же, как было рассказано выше¹⁰⁹⁹, был таким любителем всех добрых дел, не было ни одного хорошего дела,

которого он с рвением не совершил бы, не учил бы или не желал бы, чтобы другие с душевным пылом имели. Среди всех дел, как добрых, которым он учил следовать, так и плохих, которые он требовал не совершать. Как вы знаете, в особенности он питал отвращение к порокам безверия, лжи, высокомерия, роскоши и пьянства. Боже Иисусе, с какими вздохами, стонами и плачем он молился за грешников! Чтоб ты видел, как этот Божий человек, словно наяву, увидал, что несчастный грешник был приговорен к мучениям ада. И в соответствии с апостолом как никогда не жил для одного себя¹¹⁰⁰, так и никогда и не молился за одного себя.

8. Как-то, словно для еще большего прибавления к множеству его заслуг, в Арль отовсюду привели пленников, которых должны были выкупать, и не напрасно. Ведь этот святой муж ежедневно кормил большое количество свободнорожденных и знатных пленников в Арле. Тогда пришел один из его управленцев и начал упрекать его: «Прикажи, чтобы эти пленники пошли по улицам и искали, где бы поесть, так как, если сегодня, как обычно, они будут накормлены церковью, завтра не из чего будет сделать хлеба для твоего стола». Тогда он уверенно вошел в келью, где он никогда не хотел иметь свидетеля, и обратился к привычному средству, а именно начал просить у Господа оказать помощь несчастным. И он ненавидел, если кто-нибудь случайно приходил туда, где Цезарий, распластавшись, в одиночестве молился. И там долго плакал, чтобы тотчас получить, чего просил. И выйдя оттуда, настойчиво упрекал управленца в неверии и говорил пресвитеру Мессиану, в то время бывшему писцом: «Пойди в амбар и, если это возможно сделать, вымети его так, чтобы там не осталось ни одного зернышка. И пусть хлеба изготавляются по обыкновению, и мы поедим все вместе. А если завтра не будет, что есть, мы все попостимся, только бы достойно рожденные люди или остальные пленники не пошли бы побираться по улицам, пока мы едим и пьем». Однако, подозвав одного из нас, прошептал ему на ухо: «Завтра Господь обеспечит нас, так как тот, кто дает бедным, никогда не будет испытывать нужду»¹¹⁰¹. Ведь этим пленникам все еще не позволялось вернуться домой.

9. Чего же больше? Было выполнено, что он велел. Среди всех, кто принадлежал к церкви, начался ропот: «Чем мы намереваемся питаться на другой день?» Но Тот, кто Илии заранее подготовил вдову, и поддержал Илию, когда он пришел к ней¹¹⁰², без сомнения, помогал Цезарию, когда он молился. И Цезарий постоянно обогащался тем, что выдавал всё пленникам и чужестранцам и совсем ничего не оставлял себе. А на другой день те, кто поддерживался помощью церкви, побледнев, боялись рассвета и с глубокими вздохами ожидали, что же им делать. Короли Бургундии Гундобад и Сигизмунд¹¹⁰³, зная, как пылкий раб Божий привержен к делам милосердия, засветло направили три корабля, которые называют латены, заполненные зерном. И все, кто днем ранее по неверию боялся голода, видя, что Господь никогда не пренебрегает своим рабом, с радостью воздали хвалу Господу, пришедшему на помочь во время нужды.

10. Как-то патриций Либерий¹¹⁰⁴, когда готы, которых называют вестготами, устроили засаду, был сильным ударом пикой пронзен в живот. И так как это нападение было произведено за рекой р. Друентией¹¹⁰⁵, когда все пребывали в замешательстве и сражались с напавшим [противником], он остался один. Устрашенный опасностью своей раны и отчаявшийся в надежде на жизнь, пока не обескровел, примерно не менее 500 или более этого шагов, насколько может человек, перешел на другой берег своими ногами. Но когда пришел в Сент-Габриэль, где люди этой деревни могли поспешил к нему, упав, лежал без дыхания и надежды. И почти весь город узнал это. О том, что здесь сказано, мы узнали от самого наиславнейшего Либерия, который рассказал это со слезами и огромным уважением к добрым делам Цезария.

11. Либерий рассказал нам: «В тот мой предсмертный час ничего другого не пришло мне на ум, как только говорить со слезами: «Все средства не помогают, просите моего господина Цезария, чтобы он дал мне помочь». Мы быстро узнали, что это верно, от тех, кто был послан. Цезарий хотел немного передохнуть и сделать некоторые приказания на земле своего монастыря и начал чуть-чуть задерживаться. Внезапно тот, кто

был послан, подошел к нему, тяжело дыша, и слезно попросил: «Поскорее поспеши, господин, ведь сын твой просит, чтобы ты увидел его, прежде чем он». И так как Цезарий хотел, чтобы никто не уходил из мира сего без облегчения покаянием, он в особенности не желал, чтобы Либерий умер без этого лекарства. И тотчас же направился в Сент-Габриэль. И как я говорил выше, я рассказывал то, что по большей части сам Либерий мне передавал.

12. И когда лежал настолько полуживой, что не только всех своих, но и жену и единственного сына не признавал. Тогда он с клятвой сказал, что кажется ему, что он слышит, что в его ухо человеческим голосом кто-то тихо говорит: «Вот! Святой епископ пришел». «Тотчас же от этого голоса я открыл глаза и узнал пришедшего слугу Христа. И там же я усердно предался целовать его руки, поскольку это мне, потерявшему надежду на жизнь, было необходимо. Тогда, как я верю, Господь вдохновил меня, грешника, и я схватил плащ моего господина Цезария и приложил к своей ране. И когда я слегка подержал часть его одежды, в тот же час кровь, которая совершенно не прекращала течь, так остановилась, что не только здоровье, но также и великая сила вернулась ко мне. И когда мне позволили, я, сидя на лошади, поспешил в город». И известно тем из нас, кто при этом присутствовал, что это чистая правда.

13. Агреция, жена Либерия и самая прославленная из женщин, когда страдала от болезни той женщины, которая коснулась края одежды Господа¹¹⁰⁶, поскольку была с ней схожа верой и набожностью, была избавлена от недуга. Когда я пришел на встречу с ней, она удостоила мою скромную персону следующим. Рассказывая по-дружески о своей болезни со скромностью, свойственной замужней женщине, и призвав в свидетели Господа, она стала всячески меня просить, чтобы я принес один кусок из лоскутов¹¹⁰⁷ епископа, которые он надевал прямо на тело. И когда я еще раз был в келье блаженного мужа, я легко смог сделать то, на что она упоминала, однако испугался, что я подвергнусь греху кражи ради того, чтобы она получила лекарство. Тогда я сказал спальному, в чьем ведении были святые одеяния, что кое-кто просил, чтобы одеяние было

доставлено ему. Для такового дела он, не откладывая, дал мне один старый лоскут.

14. Иисус Христос, Ты славен во своих Святых¹¹⁰⁸, но кто похож на Тебя? Однако Ты обещал, что если кто в Тебя поверит, то он сам будет делать те же дела, что и Ты делал¹¹⁰⁹. Теперь хотя лоскут, который я должен был отдать, находился у меня, было уже действительно поздно. А был такой обычай у Цезария, что, прежде чем лечь спать, одни лоскуты, согретые у очага, он надевал, а другие снимал и откладывал. Тот, кто прислуживал Цезарию, по своему усмотрению давал ему те лоскуты. А он говорит слуге: «Я не желаю эти, а хочу одну такую и такую». Ему показали другие старые лоскуты, а он отвечает: «Это не то, что я ищу», – и разыскивал, что было необычно, чтобы стало известно, что он предвидел в душе. Тогда по его поведению я и тот, кто отдал мне лоскут, стали понимать, что не может укрыться от слуги Божьего наша кража. Было ясно и очевидно, что слуга твой, Господь, о даре, который Ты сам ему дал, мог сказать нам недостойным: «Кто-то прикоснулся ко мне»¹¹¹⁰. Тогда ради той, которую ты, Иисус, вылечил благодаря молитве твоего раба, я, боясь и дрожа, что было истинно, начал признаваться рабу твоему, говоря: «Будь снисходительным, господин, я взял тот лоскут, что ты ищешь. Твоя дочь...» До этого позволяя мне говорить, тут же заставил меня замолчать, говоря: «Молчи!» И, с большой нежностью взяв лоскут, дал его мне и говорит: «Иди, отнеси оба в храм Стефана и положи их под алтарь, и пусть они там останутся. Утром же один лоскут, который ты хотел, отнеси к той, что просила тебя, а другой отнеси обратно мне». Я сделал так, как он велел своему недостойному рабу. А Цезарий никогда не расспрашивал меня, кому я отнес лоскут, и не просил его обратно.

15. И когда Агреция не переставала беспрестанно требовать, чтобы я принес ей то, что она просила. Увидев издали меня идущего, прежде чем я мог дать ей лоскут, вдали от меня распростерла руки, как будто намереваясь взять то, что я нес, и стремительно подошла ко мне. Прежде чем я достал лоскут из-под ризы, где нес его, она поторопилась забрать то, что просила с рвением в вере. Я же, когда вынул этот лоскут,

дал его ей. Она разместила его вокруг себя, поверх своей одежды. Но прежде, оглядев глазами и поцеловав с благоговением, почтила его за то, что была им удостоена. Без промедления, по милости Божьей, верно исполнились ее просьбы. А одежда раба Божьего исполнила то, что сейчас известно исполняет и после его смерти. И как Агреция призналась, когда положила тот лоскут на свою грудь, тотчас же, как если бы кто имел обыкновение быть обрызганным холодной водой, все ее тело с легкой болью покрылось мурашками, чтобы оно было немало отрясено дрожью и оцепенением. Но немедленно снисхождение Господа помогло, и течение крови, которое было у нее, прошло и никогда больше к ней не возвращалось. И в ней исполнилось то: «*Иди, и как ты веровал, да будет тебе*» ¹¹¹¹.

16. Известно, что как-то к Цезарию пришли четыре или пять епископов и он с ними пришел в храм Святого Стефана на вечерню. И когда служба была закончена и он дал благословение народу, некая женщина в зале для приемов бросилась навстречу им, выходящим. Она подверглась такой страшной болезни, что непрерывно и днем и ночью ее руки били друг друга, словно она вращала что-то. И она слезно просила: «Господин Цезарий, сжался над несчастной. Вымоли, чтобы мои руки вернулись ко мне». И как было по его обыкновению, он с другими епископами простерся. И когда каждый из них поднялся, Цезарий, склонив голову, сказал одному из святых епископов: «Я приказываю и прошу, окрести руки этой женщины». Тот покорнейше подчинился, но тем не менее руки вращались по-прежнему. Женщина закричала громче: «Господин Цезарий,зываю к тебе и прошу, окрести сам». Цезарий еще раз погрузился в молитву, а встав, обозначил крест над больными руками, которые тотчас прекратили вращаться. Женщина же, воздавая благодарность Господу и святому мужу, стала здоровой.

17. Когда каждый год приходил в баптистерий ради освящения масла для новообращенных, возвращаясь оттуда, присел на апсиду для благословения новообращенных ¹¹¹², туда прибежали наперегонки маленькие мальчики и девочки,

отосленные своими родителями, принося небольшие сосуды с водой или с маслом, чтобы Цезарий благословил эти сосуды. Они, перенося небольшие кувшины и бутылки с острым горлышком, сталкивались друг с другом при большом стечении народа, и тогда все это видели и слышали звук бьющегося стекла. Однако же те стеклянные сосуды, которые были наполнены с благословением раба Божьего, ни разу не разбивались.

18. Как-то, пока обходили диоцез, в одном укрепленном месте, которое называется Ле-Люк, была некая почтенная женщина по имени Евкирия, и она, показывая свою рабыню, простерлась к ногам Цезария и слезно упрашивала его, чтобы тот помолился за рабыню. Он же, изучив причину, как человек, преисполненный Богом и знающий во всем, рассказал, что за болезнь у нее. Говоря: «Это демон, которого крестьяне называют Дианой. Она больна таким образом, что почти каждую ночь бита [дьяволом], и часто ее вводят в церковь двое мужчин, чтобы она могла оставаться там. И таким образом скрытно поражалась дьявольской плетью, что ее крик был слышен постоянно, и она не могла ответить тем, кто находился рядом с ней».

19. И когда все, кто пришел с рабом Божиим, просили, чтобы истина этого дела была установлена, отправились посмотреть на нее. С разрешения господина Цезария святой пресвитер Луций и дьякон Диодор, которые в то время вместе с ним совершали обход приходов, тайно поспешили к той рабыне. В послушании у них находился и я. И если верующие верят мне, то я скажу, как перед Господом, что я видел собственными глазами следы от ударов на спине и плечах, которые она получила несколько дней до этого и которые начали уже заживать. А вчерашние и свежие, которые были сделаны той ночью, были переплетены вместе с теми. Когда ее еще раз показали Цезарию, она появилась с таким мрачным взглядом, смущившись и отвернувшись от Цезария, что всем стало ясно, что она едва ли могла видеть лицо раба Божьего. Но он положил руку на ее голову и благословил ее. Потом благословил масло и повелел, чтобы им натирали ее вочные

часы. И она стала здоровой, и эти испытания демона к ней больше не возвращались.

20. В другой раз, когда мы обходили епархии, мальчик приблизительно лет восьми в одежде клирика¹¹¹³ подошел к алтарю. Цезарий же как раз в тот момент закончил проповедь, зная на память и никогда не откладывая, проводил везде, как только выпадала возможность, и не только в городе, но даже во всех приходах. И отойдя от престола обратно к алтарю, Цезарий начал служить мессу. Ребенка же начал серьезно тревожить дрянной дух, и мальчик затрясся страшной дрожью и с пеной [изо рта]. На всех нас нашел сильный страх. Цезарий же, подняв глаза к небу, направил свои мольбы к Господу ради излечения ребенка и начал еще раз, не обращая внимания на мальчика, служить мессу, которую должен был выполнить. Тогда некий пресвитер церкви Бер-л'Этан по имени Урс бросил мальчика к ногам Цезария. Цезарий, с трудом подхватив мальчика, говорит: «Пусть пощадит тебя, Господь, благослови! Это дело для других, а не мое». И хотя он отказался, чтобы избежать человеческой самонадеянности, но божественное вмешательство помогло своему рабу Цезарию. Тотчас же там, где тот мальчик был брошен к его ногам, к нему вернулось здоровье. И этот дурной дух не возвращался больше к нему. И я видел его потом поддьяконом в той церкви.

21. Когда должны были навестить и пришли в приход Ласьота¹¹¹⁴, дочь некоего Новация наткнулась на нечестивого демона нового рода. Ведь когда она переступала порог собственного дома, тотчас же стая ворон бросалась на нее, раздирая ее лицо. И когда она падала с дрожью и катилась по кровавой пене, все тело, которое не было прикрыто, а именно лицо, шею и остальное, что могли найти, вороны обезображивали. Когда ее хотели показать Цезарию, то мы уже издалека увидели ворон, слетевшихся и летавших вокруг нее, всю дорогу вплоть до храма, в который она вошла и где был святой муж. Однако же назойливые вороны не посмели ворваться внутрь. Когда же она подошла к Цезарию, он, видя ее безобразно изорванное лицо, скрытно сказал нам: «Никогда не читал, не видел и не слышал о дьяволе такого рода, строящем

козни против кого-либо». Тогда перед святым алтарем, положив свою руку на ее голову, освятил масло и намазал ей глаза и уши. И когда все наблюдали, она вернулась по улице домой здоровой. Через два дня она появилась в церкви, где мы были, и мучивший ее дьявол никогда больше не возвращался к ней.

22. Немного спустя Цезарий пришел в место, принадлежащее его церкви, где находились приходы под названием Суккентрио¹¹¹⁵. Там были воздвигнуты огромные высокие бани. И если кто-нибудь по каким-либо поводам случайно проходил мимо, сразу назывался по имени, и тотчас со страхом видел падающие перед его ногами и за ним огромные камни. Все боялись когда-либо проходить мимо¹¹¹⁶. Также все, кто не знал об этом, были предостережены, чтобы не рисковали и не ходили там. И о чудо! Когда Цезарий приглашенный продвигался к другой церкви, клирик, служением которого было носить его посох, забыл его. Это было обязанностью писцов, в этой же должности служил и я, недостойный. Тогда жители того места, когда нашли посох, говорили, радуясь, что Господь ниспоспал, чтобы они нашли что-то, принадлежащее Цезарию. Они удивлялись, воздавали похвалу Господу и, перенеся посох к тому месту, где слышались нападения демонов, вывесили его с той стены. И тотчас же козни дьявола были рассеяны, и вплоть до сегодняшнего дня никому из тех мест противник [дьявол] не велел делать ничего плохого.

23. И случилось, что некто Бененат (не по поступкам своим, а лишь по¹¹¹⁷ имени) пришел из Галлии, и он горевал, что со своими внуками был взят в плен. У него была маленькая девочка, одев которую в мужские одежды, он представил Цезарию, говоря: «Это мой внук. Он со мной и со своей сестрой, которая спешит за нами сюда, удерживается как пленник». Тогда муж Божий, сострадая их пленению, из-за любви, которую Господь вдохнул в него с детства, ласково отвечал им и поцеловал того, кто показал ему девочку, и саму ее, словно веря, что это мальчик. И получив деньги на выкуп, Бененатус вернулся туда, куда был приведен.

24. Через два дня он еще раз позвал эту девочку, на этот раз в собственном платье, чтобы она получила еще солидов. Это было содеяно по совету святого пресвитера Иакова, который по своей святой простоте решил, что Бененатус правдиво все это просит. И Бененатус вторично получил деньги на выкуп еще и девочки. Но узнали, что он показал девочку, которую до этого представил в мужском обличье. Что не только я с негодованием, но и вышеупомянутый пресвiter со смущением донесли Цезарию. И он, так как всегда был добр и снисходителен по отношению к чужестранцам, сказал пресвiterу: «Не гневайся, брат! Ты хорошо сделал, что порекомендовал мне этого чужестранца. За твоё доброе намерение Господь намеревается воздать тебе вознаграждение. Господь простил тот грех этому несчастному тем, что сделал так, что я поцеловал девочку. И эта девочка получила вознаграждение тем, что, так как Господь велел, чтобы недостойный епископ поцеловал ее, то пусть сделает ее девушкой такого благочестия, что она никогда не будет целовать другого мужчины». Но так как Господь, повелитель будущего, без сомнения, знал, что эта девочка не сможет выдержать девственность, и, чтобы просьба Цезария не стала тщетна, в тот же день она отошла от этого мира. И это деяние широко известно у храма апостолов в Арле, где сам Иаков жил.

25. В городе Марсель некая почтенная женщина случайно вывихнула себе ногу, да так сильно, что долгое время не могла поставить ее на землю. Она переносила большие страдания, ее рабы, поддерживая руками, с трудом привели ее в храм. Но так как милость Господня бесконечна, то он захотел и создал повод, чтобы Цезарий зашел в этот город. Когда эта женщина услышала о его прибытии, то велела привести ее для приветствия его. Она, когда послушала проповедь и получила от него благословение, ничего не осмелилась рассказывать ему о своем деле. Но, выйдя от него, она попросила, чтобы ей было позволено приблизиться к его седлу. Дотронувшись поврежденным местом до подстилки, которая покрывала седло, тотчас же получила прежнее здоровье, словно ничего плохого и не претерпевала. На своих ногах, никем не поддерживаемая,

она невредимой вернулась, воздавая хвалу Господу и по сей день.

26. Как многие помнят, дом некоего Иоанна находился по соседству с женским монастырем. И когда огонь начал приближаться, да-так, что не было сомнений, что там все сгорят. Взволнованные рабыни Господа, которым не позволялось выходить наружу из монастыря, бросились с книгами и вещами в резервуары, где по Божественному провидению, чтобы отчаяние [на спасение] не возобладало над ними, в тот момент не было воды. Помощницы настоятельницы¹¹¹⁸, прибежав, поведали своему духовному отцу, что огонь уже поблизости от их келий. Цезарий, быстро выйдя, среди ночи по стене пришел в то место, куда пламя сильно стремилось. Простервшись в молитве, кричал им со стены, поручая им: «Не бойтесь, благословенные девы!» И вскоре, воспылав жаром своих добродетелей, он потушил пожар.

27. Не буду молчать и еще об одном известнейшем факте, произошедшем в Альпах Верхнего Прованса. В то время частые губительные дожди разоряли пределы одного знатного мужа, и год из года мощный град так портил все плоды, что никакой надежды на помочь уже не осталось. И еще раз получилось так, что Цезарий оставил там свой посох¹¹¹⁹. Из этого посоха тот владелец велел сделать крест, и, укрепленные своей верой, водрузили его на высокое место, чтобы посох последователя и крест учителя [Христа] противодействовали граду. И Господь из-за уважения к Цезарию удостоил его совершить такие добрые дела: что откуда оттолкнул бедствие, там же впоследствии даровал наивысшую урожайность.

28. В один день дом некоего Винцентия был охвачен пламенем, и его деревянная терраса полыхала огнем. Винцентий, видя, что ничем не может уже помочь, с какой только мог прытью направился к своему господину и, бросившись в ноги, просил, чтобы тот помолился. Цезарий, кивнув ему и выйдя из дома, сотворил знак креста напротив пламени, которое тотчас же отступило, и так было им успокоено, что больше не показывалось на досках террасы.

29. Нам же недавно рассказал некий пресвитер, что несколько лет назад, когда он был еще мирянином, его дочь терзал демон. И он, печалясь и скорбя, сказал одному из своих друзей: «Что делать мне, несчастному? Почему мою дочь терзает дьявол? Лучше было бы мне, чтобы она не родилась или по крайней мере умерла». А тот отвечает ему: «Не стоит плакать, а иди и отведи ее к господину Цезарию и тайно покажи ему, и он излечит ее». И он, не сомневаясь, пришел в Арль, и поспешил к Цезарию, и, со слезами простервшись к его ногам, говорил: «Господин, сжалься надо мной, несчастным, и излечи мою дочь!» Цезарий заботливо расспросил, чем та страдает, ответил: «Это – демон». И сказал ему: «Молчи и возвращайся в свой дом. А когда утром позовут к молитве, возвращайся и возьми с собой свою девушку вместе с ее матерью. И ожидай, пока утренняя молитва идет, в передней храма Святого Стефана. А когда вы увидите, что одни, иди в мою келью и зови меня». И он сделал так, как Цезарий велел ему. Тогда же Цезарий, тайно выйдя, склонившись к земле, молился с отцом и матерью девушки, поднявшись же, окрестил ее и отпустил уже здоровой.

30. Как-то, прогуливаясь по улицам города, увидел напротив себя человека на форуме, движимого демоном. Держа руку под ризой, наблюдал за ним напротив, и, чтобы не видно было своим, сотворил знак креста напротив несчастного, и тот тотчас же был освобожден от натиска врага.

31. Как свят и сладостен он был, когда вовремя и не вовремя проповедовал слово Божье¹¹²⁰ всем желающим и нежелающим этого¹¹²¹! Когда приходил поздно спать, чтобы не быть свободным и один час от Святого Писания и святых указаний, обращался к нам: «Скажите мне, что мы ели сегодня на обед, какие блюда были?» Мы молча вздыхали, так как наше познание было ведомо туда, куда обычно он направлял нас, и оттого он и хотел говорить о духовной пище и потому спрашивал нас. Он еще говорил: «Я знаю, что если я буду волноваться, что мы ели на обед и чем вы завтракали, то вы запомните это. А если же мы будем спрашивать, что было прочитано за столом, то мы не вспомним этого. Из чего дано

понять, что то имеет для нас слаще вкус, что мы помним, а то, что мы не помним, по ощущениям нашего сердца не только не имеет никакого вкуса, но и, возможно, вызывает отвращение». И, вздохая, добавил: «О несчастное забвение о добром, нет ничего хуже!»

32. И начиная вновь, он повторял то, что было прочитано и понято, и пророческим голосом говорил нам, несчастным, со вздохами: «Собирайте, собирайте пшеницу Господа, так как истинно вам говорю, что немного времени вам дано, чтобы собирать. Узрите, что я говорю! Собирайте, так как вы будете искать это время, истинно будете искать, и вам будет недоставать этих дней». И даже если он без воодушевления принимал нашу бездеятельность в этом, то теперь мы сами пытаемся прийти к тому, что он говорил. И то пророческое в нас исполнилось: «Я пошлю на землю голод – не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних» ¹¹²². И хотя проповеди, которые он делал, оглашаются, однако тот непрерывный голос, который наполнен пророческим: «Взытай громко, не удерживайся» ¹¹²³, не действует. Он часто говорил: «Когда чей-то вкус отвергает слова Господа, то душу его лихорадит. Когда же он выздоровеет, то захочет есть и пить, и отбросит и забудет то, что было, пока он болел».

33. Какими словами можно рассказать о том наисладчайшем и наисвятейшем десерте [, который мы имели после обеда]¹¹²⁴? И говорил нам раб Христа так: «Мы уже подготовили обед, насколько мы могли». Стоящие рядом и спальничии решили, что он сказал это из-за усталости, так как он, утомленный, едва был в состоянии дышать и приостановился. Он же отвечал: «Вы хорошо сказали, но немного подождите». Тогда спальничии спросили: «Зачем ты сказал: “Подождите у стола?!“ Ты так долго не молчал и утомлен, говоря многое. Отдохни же немного!» Цезарий тогда сказал еще с мягкостью: «Вы сказали хорошо, но так как мы подготовили обед, не намереваемся ли мы сделать и десерт?»

34. Он был весьма осведомленный о неведомом и знал то, о чем я говорю. Потому что Святой Дух, когда начинал исходить из него, так раскрывал пороки всех, что мы познали все наши. И

он бил нас плетьми своего знания и без промедления возвращал нас обратно к здоровью, помогая духовными лекарствами. Он, словно святой духовный музыкант, так дотрагивался до внутренних струнок каждого, что, выходя от него, мы немало произносили самим себе из того, что он нам говорил. Каждый из нас говорил ему: «Господь, спасибо тебе, потому что я уже не задумываю дурного поступка, чтобы моя душа не неистовствовала против брата моего. И так как непременно верно то, что твой раб проповедовал, я предпочитаю лучше терпеть насилие, чем чтобы этот святой в день Страшного суда привел это в свидетельство против меня». Один из нас сказал также о высокомерии, другой о зависти, третий был озабочен другим каким-то пороком, но мы все говорили одно и то же. И восхваляя Господа, мы все возвращались оправившиеся и здоровые душой в постель.

36. О добрый Господь, святой Творец, какая [у него была] экспрессия, какой лик, какой характер! Кто может когда-нибудь выразить? Мы же истинно скучаем, святой отец, по твоей учености, твоему образу и лицу, по твоему характеру, твоему знанию и отличительной среди других людей мягкости, которую ты имел от Господа. Настолько святой была твоя жизнь, насколько взгляд твой был чист и нежен! О Иисус, пусть я не в силах выразить словами, как много и чего тебе было дано, но кто может это вообразить? Когда Цезарий приходил для благословения купелей, если те, которые видели это, слышат, что я говорю, то они и сами подходящие свидетели этого, так как доверяют сами себе. Тогда кто поверил, что он был земным человеком в той процессии? Господь, Господин неба, я говорю уверенно и правдиво, потому что в течение 40 лет, когда он управлял, кто бы ни видел его в процессии в тот день, он для всех показался непривычным, как будто никогда до этого они его не видели. Его облик и душа сияли, потому что на самом деле его жизнь так прирастала бесконечными успехами, что он всегда становился лучше себя прежнего. Так заслуженно снаружи показалось то, что он нес внутри себя.

36. Ему не только были видения различных святых, но даже Иисус со всеми своими учениками открыл ему себя в видении.

И он не хвастался этим повсеместно, и не возвышался духом, а доверил это только одному из своих верных людей и то после клятвы, что тот будет молчать. И тот поклялся нам перед Господом, что это было. Истинно же, что за два года до своей смерти Цезарию в виде духа были показаны все приготовления, которые он приобретет на небе, за все свои труды и было сказано ему: «Радуйся Господу, потому что ты приобрел это за свою службу!»

37. И так как есть достаточно многое, что мы обошли своим вниманием во избежание многословности. Многие из тех, кто поделился с нами, сожалеют, что мы прошли мимо столь многих историй, что они с нами знали. Мы просим извинить нас, так как достаточно непристойно и тяжко, когда варвар осмеливается долго говорить просвещенной аудитории, или немой, который не может говорить, хочет настойчивее бормотать. Пусть Господь дарует, чтобы мы имели окончание [этой работы], прежде чем вся любовь, воспитание, забота, проповеди и все воспоминания о нашем господине и Твоем святом отце подошли к концу в нашей душе.

38. Однако я расскажу немногое об остальных его деяниях, которые он совершил после своей смерти и до того, как это было написано.

39. Архивист по имени Дезидерий, который долгое время мучался лихорадкой-квартаной настолько, что он даже потерял свою славную молодость¹¹²⁵. Однако он почерпнул немного воды оттуда, где тело этого святого было омыто, и тотчас же настолько выздоровел, что не только лихорадка больше не тревожила этого юношу, но и, по воле Божьей, прежняя сила и бодрость вернулись к нему.

40. Когда сына иллюстрая Сальвия сильно терзала лихорадка-терциана, сам Сальвий, как мог, старался излечить его часто повторяющимися напитками, соответствующими той болезни, но совершенно ничего ему не помогало. Тогда, как христианин, он сказал своему сыну: «Поспеши и отыщи или воду, в которой епископ был омыт, или ополоскай остатки его одежды и выпей это, и Господь дарует тебе здоровье». Тотчас

же, как это было проделано, лихорадка и все, что было как-либо тягостно, вышло из него.

41. Сына иллюстрия Мартиана так тяжело мучила лихорадка, что у докторов уже не было надежды. Он же, так как милостивый Господь вдохновляет тех, кого хочет излечить, начал с верой и воодушевлением просить, чтобы что-либо, что осталось из одежд Цезария, было отдано ему для полоскания и питья. Тогда ко мне и остальным отсутствующим, которые оставили те одежды себе, поспешил. У кого-то было найдено то, что он просил из одежд, и отдано ему. Он выпил ту воду, и здоровье было восстановлено. Свидетель того чуда еще существует.

42. Однажды, когда я шел по улице, впереди меня прошел дрожащий франк, сраженный ознобом лихорадки-квартаны. И когда я захотел пойти быстрее, он позади меня закричал: «Благословенный муж, если у тебя есть что-нибудь из одежд святого Цезария, дай мне! Так как это многим помогало, а у меня озноб, и я хочу выпить [воды, в которой ополоскали одежды]!»¹¹²⁶ Я, желая быстрее закончить, что я начал, сказал ему: «Если ты подождешь меня, то завтра я дам тебе то, что ты просишь». А он ответил: «У меня есть время сегодня, и к тому же я весь дрожу. Когда у меня будет время ожидать тебя?» Тогда я, подумав, что мне будет неспокойно, если он будет столько ждать меня на улице, сказал ему: «Иди, юноша, я дам тебе то, что ты просишь». Тотчас же мы оба вернулись, и, когда вошли в мою келью, мы оба ополоснули руки, и я вынес льняную ткань, которой было вытерто святое тело Цезария. Я принес небольшую часть, чтобы дать ему, и тот франк с яростью сказал мне: «Глупый человек, что ты лжешь мне! Я слышал, что блаженный Цезарий не имел льняных одежд, а носил только лохмотья. Я хочу ополоснуть то и выпить эту воду». Тогда я со слезами сказал: «Правильно ты говоришь, и слышал ты верное, но этим обтерли его святое тело, когда он умер». Он же ответил: «Дай же мне это, если я буду извлечен». И он взял ее и в течение того же часа получил от Господа здоровье.

43. Насколько он был удостоен помогать, и те милости, которые Христос давал телам и душам через молитвы Цезария,

ни один язык не может описать. И хотя моя простая речь похожа на слова шутихи, потому что, когда происходит разговор, она неискусна. Однако, когда беседуешь с умными [людьми], то небольшие и правдивые свидетельства представляют большую пользу делу. И те, которые разумом верующего принимают истинно сказанное, имеют собственное мнение об этих свидетельствах.

44. Не могу пройти мимо того, что как-то Цезарий вошел в свою келью, где упокоилось его тело и откуда душа его устремилась ввысь. И когда вся присутствующая там святая братия читала вслух псалмы, один из спальничих, которых Цезарий имел в подчинении, пока поправлял стеклянный светильник, выронил его из рук на камень, и тот не разбился и не погас.

45. Как мы читали, обязанность этого евангелиста вовремя и не вовремя передавать свое исключительно высокое дело словами. И пока он преисполнял это святое дело, и сам не предавал [его], как ариане клевещут, но постоянно молился за всех, по воле Божьей, с тишиной и спокойствием появилось в городе Арле королевство христианнейшего Хильдеберта¹¹²⁷, которое было приучено к добрым делам, общепринято по суровости и замечательно в скромности. Не сражая епископов страхом, а поддерживая их с уважением, оно было более выдающимся для всех в Галлии, с величием приветливо проявляя благожелательность однаковому закону во всех церквях¹¹²⁸. Цезарий же, ободренный и радующийся этому, презрел угрозы и постоянные обвинения ариан, ложь и выдуманное притворство. И увидел, и возрадовался ¹¹²⁹, и приложился к отцам своим ¹¹³⁰ в старости доброй, престарелый и насыщенный [жизнью] ¹¹³¹ во имя Христа.

46. Когда из-за болезни перед нашим взором он предстал уже полуживым, в то время как ему было уже 73 года, из которых время его епископства довершало уже сороковой круг, он узнал благодаря Духу, что день его смерти близок. И превозмогая боль, которую он терпел, он пытался узнать, сколько осталось до дня смерти блаженного Августина¹¹³². И когда он узнал, что день его памяти близится, сказал: «Я верю в

Господа, что он не намеревается отделить далеко дату моей смерти от самого Августина, так как, вы сами знаете, насколько я почитал его католическое мышление, хотя я и различаюсь с ним по заслугам. Однако я считаю, что день моей смерти не будет отделяться длительным промежутком от времени его кончины». Между тем, как Израиль возник и вышел из земли египетской, так и это есть переселение святой души из телесного мира.

47. Цезарий же велел, чтобы рабы на руках перенесли его на стуле в женский монастырь, который он сам основал, словно намеревался утешить встревоженных монахинь, у которых было только подозрение, что он умер, но и это отняло и сон, и аппетит. Когда звучанию псалмов мешали стенания, вместо песни они издавали мычание, и стоны вместо «Аллилуя!». И когда он обратился с речью и утешил монахинь, то не внес бодрости, а принес печаль. Ведь теперь было очевидно, что добродетельный отец собирается уйти за божественной наградой. Он как обычно, но, сверх того, со своим очарованием, обратился к Цезарии, матушке двух сотен девушек, утешил и советовал ей стремиться к почести высшего призыва¹¹³³. И напоминал им, чтобы они сохраняли правила, которые он сам установил несколько лет тому назад¹¹³⁴. В своем завещании он перепоручил этих дев епископам, наследующим ему, а в письмах остальному клиру, префектуре, комитам и гражданам, да сделал это так, что они претерпели немного трудностей в будущем. На тот момент его монастырю уже было полных тридцать лет. Он благословил и помолился за них, и, когда те рыдали, попрощавшись в последний раз, вернулся в церковь.

48. Спустя три дня после праздника святого Генезия¹¹³⁵, в шестую календу сентября, днем позже даты смерти блаженного Августина и на следующий день после годовщины основания своего монастыря, когда днем ранее попрощался со всеми, и когда наступил первый час, он в присутствии и на руках епископов, пресвитеров и дьяконов, радуясь, отпустил благочестивую душу к Христу.

49. Одежда же со святого тела была разграблена различными плакальщицами¹¹³⁶ и верующим людом с таким

благочестивым неистовством, что стоявшие рядом пресвитеры и слуги едва смогли призвать к терпению в получении реликвий, благодаря которым, как я говорил ранее, по воле Господа, очень часто происходит выздоровление от болезней. Цезарий был причиной удивительной радости на небесах и оставил нестерпимую скорбь на земле, которая была не только у хороших людей; если там видели и злых, то и они также разделяли эту скорбь. Какие граждане и чужеземцы пели на его похоронах псалмы сквозь слезы? А вообще все [хорошие и плохие, праведные и неправедные, христиане и иудеи, шедшие впереди и за процессией]¹¹³⁷ голосили: «Горе, горе!» И каждый день все больше, так как мир уже не был удостоен иметь такого глашатая и заступника.

50. Могила его находится в храме Святой Марии, который он сам воздвиг, где хранились святые тела дев из его монастыря. Мы же с религиозным рвением и должным усердием почитаем его на земле, мы полагаемся на его душу, мы радуемся и гордимся, что он воссиял на небесах, по воле всемогущего Иисуса Христа, который вместе с Отцом и Святым Духом живет и управляет во все времена.

Аминь.

Житие святого Далмация. *Vita sancti Dalmatii.*

1. История епископата Родеза до 580 г..

Родез находится на юго-востоке Аквитании, на р. Аveyron, в области, где во времена Цезаря жило галльское племя рутенов, от названия которых и произошло название города (Rutena), в дальнейшем трансформировавшееся в Родез. С севера к ней примыкает Овернь, а с юга – область Нарбонна.

История епископата Родеза до назначения Далмация не слишком длинна. Он был всего лишь третьим епископом, назначенным на эту кафедру. История епископов Родеза до его восхождения на кафедру достаточно любопытна, и для более глубокого понимания положения епископата на момент назначения Далмация необходимо изложить все, что мы знаем о его предшественниках.

Однозначно можно утверждать, что на протяжении почти всего V в. епископская кафедра в городе Родезе пустовала. Этим знанием мы обязаны небезызвестному письму Сидония Аполлинария, датируемому 475 г.¹¹³⁸, где он перечисляет города, в которых епископские кафедры при вестготах оставались вакантными. В их числе и Родез, но, видимо, вскоре ситуация меняется и на кафедре Родеза появляется первый епископ. Им был некто Аманций, достаточно почитаемый и знаменитый в VI в., что нашло отражение и в житии Далмация¹¹³⁹, где его не преминули упомянуть. Видимо, благодаря популярности культа этого епископа, было впоследствии составлено и его житие¹¹⁴⁰, которое приписывают Венанцию Фортунату и которое сохранилось до наших дней. Этот документ не дает нам возможности точно определить ни год назначения Аманция, ни срок его служения. Однако в тексте есть упоминание, что промежуток времени между ним и его последователем, епископом Квинцианом, был невелик¹¹⁴¹. Также мы обладаем свидетельством Григория Турского о том, что Аманций был непосредственным предшественником Квинциана¹¹⁴². Таким образом, приблизительные временные рамки, в которые епископом Родеза был Аманций, можно определить как 475–506 гг. Однако в действительности это

время было меньше¹¹⁴³, но точнее определить его не представляется возможным.

Как уже упоминалось выше, после Аманция епископом стал Квинциан, год восшествия которого нам неизвестен. Но мы имеем его подпись под решениями Агдского собора 506 г., на котором он присутствовал. Вскоре после этого, по словам Григория Турского, поссорившись с горожанами и заподозренный вестготами в том, что собирался сдать город франкам, он из-за угрозы смерти решил бежать в Клермон, где нашел приют у местного епископа¹¹⁴⁴. Этот эпизод Григорий поместил до описаний событий вестгото-франкской войны, приведшей к битве при Вуйе в 507 г., в результате победы в которой франки продолжили свой поход и захватили Родез в 508 или 510 г. силами Теодориха, сына Хлодвига. Однако по отношению к этому возникают большие сомнения. Более чем странно выглядит побег Квинциана в Клермон, который до 508 г. был под властью вестготов, кроме того, Родез находился достаточно далеко на юг от границ франков, чтобы до войны Квинциан мог думать о передаче города франкам. В 511 г. Квинциан поставил свою подпись под решениями собора как епископ Родеза, и у нас нет оснований сомневаться в этом, с учетом того, что вестготско-франкская война продолжалась и после смерти Хлодвига в 511 г.¹¹⁴⁵ Естественнее перенести изгнание Квинциана на период после 511 г., когда король остготов Теодорих в 512/513 г. заключает мир с наследниками Хлодвига и официально отказывается от всякой попытки отвоевать утраченные земли. И так как в дальнейшем никаких боевых действий между франками и готами не велось, то можно с наибольшей вероятностью предположить, что область Родеза была вновь отвоевана и возвращена под власть готов в 511–513 гг. Именно после этого произошел конфликт Квинциана с горожанами, который, если судить по «Vita Patrum» Григория Турского, был инспирирован скорее не тем, что Квинциан симпатизировал франкам, а тем, что он благословил перемещение мощей святого Аманция и тем самым совершил грубое вмешательство в культ святого, почитаемого в Родезе¹¹⁴⁶. Кроме того, Квинциан был уроженцем Африки и,

следовательно, не принадлежал к местным родам, которые сами хотели удерживать контроль над собственным городом, чему способствовала епископская должность. Это косвенно подтверждается и в завещании Далмация, который просил не назначать на епископскую кафедру чужака или иностранца¹¹⁴⁷. После чего местным жителям удалось убедить готов в том, что Квинциан замышляет измену, и тот, испугавшись, решил скрыться у епископа Евфразия в Клермоне, в то время уже принадлежащем франкскому королю Теодорику I. Григорий же, скорее всего, сознательно поместил этот эпизод до начала войны, чтобы на его примере лишний раз продемонстрировать симпатии католических епископов Галлии к франкским королям в противовес арианскому королю Аларику II. И, как выразился Я. Вуд, изобразить их «пятой колонной» франков, что на самом деле не соответствовало истине¹¹⁴⁸.

В дальнейшем, после смерти в 515 г. Евфразия, история с изгнанием из Родеза сыграла на руку самому Квинциану. Так как король Теодорих остро нуждался в лично верных ему людях в Клермоне, в связи с небеспочвенными подозрениями в намерениях своих братьев¹¹⁴⁹, то он назначил Квинциана на место Евфазия со словами: «Квинциан был выгнан из своего города из-за своей любви к нам»¹¹⁵⁰. Таким образом, Квинциан был посвящен в епископы Клермона, при этом оставаясь формально и епископом Родеза, ведь Квинциан по сути не мог быть лишен этой должности. Такое могло осуществиться только по решению собора, созыв которого в тех условиях был невозможен. Прежде всего из-за разделения Первой Аквитанской провинции между франками и готами, что вносило немалую неразбериху в церковные дела того времени. Поэтому кафедра Родеза, формально имевшая своего главу в изгнании, фактически 10 лет пустовала, и дела церкви в этой области, скорее всего, находились в достаточно плачевном состоянии. И лишь после смерти Квинциана в 524 г. Родез вновь обретает католического епископа в лице Далмация, утвержденного архиепископом Нарбонна¹¹⁵¹.

Далмаций, в отличие от африканца Квинциана, был коренным жителем и гражданином города Родеза. Он часто по

разным надобностям посещал Нарбонн и еще совсем молодым человеком был назначен епископом своего города¹¹⁵². Этот факт может служить косвенным доказательством того, что, скорее всего, он сам, как и большинство епископов Галлии V-VI вв., происходил из довольно влиятельного местного рода и, соответственно, был выразителем интересов местной аристократии. Этого, собственно, и добивались горожане, изгоняя чужака Квинциана. Григорий Турский отзывается о Далмации как о человеке высокой святости, воздержанном в пище и в плотских вожделениях, весьма милосердном и ко всем благожелательном, неутомимом в молитве и бодрствовании. Однако это не помешало после его смерти некоторым боровшимся за епископский сан во всеуслышание называть его «слабоумным и глупым». Единственное, в чем ему нельзя отказать, так это в хозяйственных способностях, хотя он не всегда доводил начатое до конца¹¹⁵³. Но, приняв дела в расстроенном состоянии, в церкви, практически десятилетие находившейся без главы, он, получая помощь и от вестготов, и от франков, смог поднять эту церковь и значительно расширить свой диоцез.

Время же для самого епископства было совсем нелегким. После своего назначения в 524 г. Далмаций не терял постоянных связей с Нарбонном и очень часто его посещал как в связи с нуждами церкви, так и просто из-за того, что до Нарбонна было недалеко¹¹⁵⁴. И в одной из своих поездок он смог получить аудиенцию у короля вестготов Амалариха, видимо, с целью получить помощь на восстановление изрядно разоренного прихода. Амаларих благосклонно принял молодого епископа и снабдил его достаточными материальными средствами, так как хотел расположить к себе все силы в этой пограничной с франками области. Этот факт представлен в «Житии Далмация» как одно из чудес святого Далмация, а именно, что король-еретик оказал поддержку и почести именно Далмацию в таком размере, что ни своим священнослужителям, ни христианам до этого не оказывал¹¹⁵⁵. И эта благосклонность короля приписывается божественной воле, хотя природа этой щедрости лежит на поверхности. Амаларих всяческими мерами

пытался поддержать лояльность епископа в пограничной к франкам области. Но, несмотря на все эти усилия, тучи сгущались над властью вестготов в Родезе, и в 531 г. они разразились громом. Франки начали наступление по всей границе, Амаларих был убит и не оставил наследника, а в вестготских землях в Галлии образовался некоторый вакуум верховной власти. В Испании же еще со времен Теодориха довольно самостоятельную позицию сохранил Теода (Тевдис), практически не подчинявшийся королю и практически удерживавший верховную власть в этой провинции. Этим не преминули воспользоваться франки, совершив несколько нападений, в результате чего в 534 г. Родез перешел под контроль франкского короля Теодеберта I¹¹⁵⁶. В то время большинство вестготов покинули со своими семьями ранее занимаемые земли и перешли в Испанию или Септиманию. Теодеберт I, заручившись клятвой в верности от жителей Родеза, по сложившейся уже практике ничего кардинально не менял в организации управления, а удовлетворился лишь признанием своего верховенства и выплатой определенных налогов. Далмаций сохранил свои полномочия в этой области и включился в типичную для того времени повседневную жизнь епископа. Он посетил церковные соборы в 535 г. в Клермоне и в 541 г. в Орлеане, под решениями которых он поставил свою подпись, но в дальнейшем на протяжении практически 40 лет он не отметился больше ни на одном из церковных соборов, сконцентрировавшись на внутренних и хозяйственных дела. Мы находим его управляющим постройкой церкви, руководящим своими служами и братией при полевых работах и молящим за жизни своих и чужих прихожан перед различными представителями власти¹¹⁵⁷.

После раздела Франкского королевства в 561 г. область Родеза оказалась в доле короля Сигиберта I, который в 566 г. женился на вестготской принцессе Брунгильде. Отец Брунгильды, король вестготов Атанагильд, считал важным элементом брака обеспечить свою дочь приданым, в это приданое помимо рабов, нарядов и украшений вошел и севеннский округ Аризит с 15 приходами, которые до этого

принадлежали вестготам. Таким образом, соседняя с Родезом область тоже оказалась под властью короля Австразии. О положении Далмация при дворах прежних франкских королей нам ничего не известно, однако при австразийском дворе он, возможно, уже имел репутацию верного союзника короля Австразии¹¹⁵⁸. Это подтверждается тем, что когда через некоторое время округ Аризит утратил епископскую кафедру, то он был доверен в управление епископу Далмацио, что в свою очередь значительно расширило его хозяйственные и финансовые возможности¹¹⁵⁹. Кроме того, Далмаций вплоть до своей смерти в 580 г. оставался для австразийского двора важным звеном в цепи контактов с вестготским королевским двором, предоставляя информацию об этом королевстве. Как уже отмечалось выше, он в молодости много времени проводил в Нарбонне и наверняка не утратил контактов с этим городом, где у него должны были оставаться связи. Такой человек был необходим для австразийского двора и, в частности, для Брунгильды, желавшей держать связь со своей семьей в Толедо и знать все, что происходит в Вестготском королевстве. Сам по себе австразийский двор на тот момент был неоднороден, тон в нем задавали пробургундская партия во главе с герцогом Лупом и Гогоном и пронейстрийская во главе с епископом Эгидием Реймским. Сигиберт умело маневрировал, раздавая поочередно должности и почести представителям различных группировок, тем самым сохраняя баланс сил¹¹⁶⁰. Определенно можно утверждать, что Далмаций не принадлежал к пробургундской группировке, так как во время борьбы за епископскую кафедру после смерти Далмация один из претендентов, который опирался на поддержку Гогона, позволял говорить во всеуслышание в адрес покойного Далмация нелицеприятные слова, что было бы недопустимо, если бы Далмаций имел тесные связи с группировкой Гогона¹¹⁶¹. Для его связи с пронейстрийской группировкой нет никаких предпосылок. А факт того, что именно Далмацию было доверено управлять «приданым королевы Брунгильды», указывает нам на то, что Далмаций, несомненно, входил в круг людей, лично верных Брунгильде. Сам факт расформирования

самостоятельной кафедры Аризита сложно датировать, но, по-видимому, он приходится на период после гибели Сигиберта (575 г.). Ведь после смерти мужа Брунгильда могла свободно распоряжаться своим приданым¹¹⁶², и именно в это время у нее было больше всего опасений по поводу своей участи. Поэтому вполне естественно, что она предприняла попытку передать управление своим приданым в руки человеку, которому она больше всего могла доверять. Даже после смерти Далмация королева Брунгильда не позволила занять его место ставленнику Гогона и, вмешавшись, добилась того, что кафедру занял верный ей человек¹¹⁶³. Это лишний раз доказывает, насколько важным для Брунгильды было иметь своего человека на епископской кафедре Родеза.

2. Исторические факты в житии Далмация.

Текст жития помимо описания жизнедеятельности Далмация дает нам подтверждения нескольких достаточно важных исторических фактов. Первым из них можно считать то, что в тексте имеется четкое упоминание о том, что Родез в 524 г. находился под властью готов. Этот факт сам по себе довольно примечателен, потому что известно, судя по давно бытующему мнению, что вестготы окончательно потеряли некоторые области Галлии (кроме Септимании) только в 531 г.¹¹⁶⁴ Житие Далмация же дает нам письменное подтверждение этого факта, намного более конкретное, чем пространное сообщение Прокопия Кесарийского¹¹⁶⁵, опираясь на которое большинство ученых делали свои выводы.

В научной литературе существует устойчивый миф о благодетеле Теодорихе, который, вмешавшись в галльскую войну, спас вестготов от полного уничтожения. Несомненно, доля правды в этом есть. В процессе этого спасения Теодорих, однако, не только отбивает Прованс у врага, но и присоединяет его к своим владениям, создав на его базе Галльскую префектуру с центром в Арле. Так что можно однозначно говорить о том, что Теодорих в вестгото-франкском противостоянии соблюдал большей частью свои интересы и, естественно, не желал усиления франков и бургундов за счет родственных ему вестготов. При этом он и сам не прочь был управлять провинциями южной Галлии и Испании. Это вылилось и в позицию, занятую им в отношении Гезалеха. Сначала он признал его королем, а впоследствии, когда счел его недостойным этого звания, повел борьбу против него, закончившуюся гибелью незаконнорожденного сына Алариха II. В результате он стал управлять оставшейся частью Вестготского королевства, объявив себя опекуном малолетнего Амалариха, сына Алариха II, и дочери Теодориха. Основная часть налогов из Вестготского королевства стекалась в Равенну, где и стала храниться казна вестготских королей. Теодорих сам назначает

на различные должности своих ставленников и размещает остготские гарнизоны в городах Вестготского королевства.

Д. Клауде давно высказывал свое мнение об узурпации власти в Вестготском королевстве Теодорихом Великим. Ведь не совсем понятно юридическое обоснование его правления в Вестготском королевстве. Прокопий Кесарийский говорит нам об опекунстве Теодориха над законным правителем Амаларихом, сыном Алариха II. Но, по вестготским законам, Амаларих должен был приступить к управлению с 14 лет, т. е. примерно в 516 г.¹¹⁶⁶ Но этого не произошло. Видимо, начав с опекунства, Теодорих не желал расставаться с властью и разделять свое королевство, поэтому отстранил своего внука от власти, намереваясь передать объединенное королевство своему зятю Эвтариху. Но его политику в этом вопросе поддерживали далеко не все даже в Равенне, о чем говорит произошедший после его смерти в 526 г. добровольный раздел между его внуками. Причем факт добровольности не вызывает у исследователей сомнений.

В тексте жития Далмация есть утверждение, что в 524 г., когда Далмаций был посвящен в епископы, в Нарбонне *тиран* (*tyrannus*) владел готским троном. Под этим *тираном*, скорее всего, подразумевается король остготов Теодорих Великий, так как именно он в 524 г. владел и вестготским троном¹¹⁶⁷. Не проявление ли это истинного отношения населения Вестготского королевства к характеру власти Теодориха? Тем более что немного спустя Далмаций вновь посещает Нарбонн и короля (*rex*) Амалариха (526–531). Так, в одном тексте мы встречаем определения *tyrannus* в 524 г. и *rex* в адрес Амалариха несколько позднее. В продолжение этого хотелось бы привести небольшой отрывок из сообщения Прокопия Кесарийского об отношениях Теодориха и Теоды: «...Теодорих, опасаясь, как бы, в случае если он пойдет войной на своего подданного (Теоду), а этого можно было ожидать, против него не двинулись бы франки или визиготы...»¹¹⁶⁸ Из этого отрывка понятно, что Теодорих при возможном походе против фактического узурпатора власти в Испании опасался как нападения франков, так и выступления вестготов Галлии, которые, судя по

сообщению, занимали к нему отнюдь не лояльную позицию. Следовательно, желая удержать в повиновении вестготов и противостоять возможному нападению франков, Теодорих предпочел смириться с фактической самостоятельностью Теода и не оттягивать свои войска в Испанию, тем самым не оставлять более «горячие точки». Вкупе с той решительностью, с которой было разделено королевство Теодориха после его смерти, можно с определенной уверенностью констатировать, что Теодорих большую часть времени был узурпатором власти в Вестготском королевстве, которого поддерживало далеко не все население, что и отразилось, например, в столь независимом положении, которое при нем начал занимать Теода.

В поддержку ассоциации *tyrannus* с Теодорихом в житии Далмация стоит добавить, что после падения Остготского королевства католическая традиция приписывала Теодорику гонения на ортодоксальную церковь, вменяя ему казнь Боэция и Симмаха. И место благодарных и восторженных отзывов современников о короле остготов, который подарил столь долгожданный мир, быстро заняла мутная волна легенд и нелепых вымыслов, которые создали следующие поколения, начиная уже с середины VI в. И в этой более поздней литературе мы часто можем встретить Теодориха, называемого «тираном» или «тираническим королем»¹¹⁶⁹.

Кроме того, житие Далмация достаточно интересный источник, касающийся вестгото-франкских отношений в 531–534 гг., так как область Родеза была одним из объектов этих конфликтов. Прокопий сообщает нам следующее: «Теодоберт взял с собою свою сестру со всеми сокровищами и ту часть Галлии, которой, получив в свою долю, владели визиготы. Из побежденных оставшиеся в живых с женами и детьми, поднявшись, из Галлии удалились в Испанию...»¹¹⁷⁰ Но, как видно из самого текста, в нем говорится о Теодеберте, а не о Хильдеберте. Возможно, что это ошибка Прокопия? В какой-то части так оно и есть. Ведь получается, что походу Теодеберта в 532–533/4 г. Прокопий приписывает и присоединение готских земель, и смерть Амалариха, и возвращение сестры

Хлодехильды. Но мы точно знаем, что два последних события точно относятся к походу Хильдеберта в 531 г., в этом не может быть и тени сомнения. Таким образом, два из трех приписываемых Прокопием Теодеберту I действия относятся не к нему, а единственный факт, который с определенной долей сомнения можно принять из его повествования, это то, что Теодеберт взял с собой ту часть Галлии, которая принадлежала вестготам. На наш взгляд ключом к разгадке вопроса о том, когда и кем был присоединен Родез, может выступать ответ на другой вопрос: к чьему королевству были присоединены эти земли? Ведь не стоит забывать, что и среди франков тогда не было единства, и на политической арене в то время выступали четыре независимых франкских королевства. В вопросе определения короля, к которому отошли вестготские земли, неоценимым источником и выступает житие Далмация. В его тексте сообщается, что когда «...благочестивая и прославленная власть франков подчинила себе город Родез, епископ (Далмаций) поспешил к королю Теодеберту, чтобы выразить ему свою преданность» ¹¹⁷¹. Это сообщение не оставляет нам сомнений, что епископат Родеза подчинился королю Теодеберту I.

Таким образом, мы можем разъединить два таких события, как поход Хильдеберта I в 531 г. и вторичный переход под власть франков, а именно Теодеберта I, области Родеза. И однозначно можем говорить, что это совершенно два разных события в истории, хотя не исключается влияния одного на другое. Пассаж Прокопия мы можем отнести к слабому знанию им реального положения дел в Галлии, что и привело его к смешению двух различных фактов, хотя, возможно, и близких по времени, в одно событие, причем совершенное Теодебертом. Житие Далмация подтверждает ту часть сообщения Прокопия, которую мы выделили как возможную. И дает нам один из основополагающих фактов в исследовании этой проблемы, благодаря которому мы можем реконструировать события того времени и делать дальнейшие выводы.

3. О житии Далмация.

Язык, которым написано житие святого Далмация, насыщен поэзией и цитатами не только из Вергилия, откуда есть полностью заимствованные строки, но также вставками из Энния, которые, по мнению издателя Б. Круша, не могут быть приписаны меровингской эпохе¹¹⁷². Правда, с этим трудно согласиться, так как Вергилий был популярен среди христианских авторов, а Энний хотя и дошел до нас фрагментарно, но какие-то его произведения в VI-VII вв. могли еще сохраняться. При этом не стоит забывать, что речь идет о южной Галлии, где еще долго были сильны позднеримские культурные традиции. Автор, несомненно, хотел доказать, что добродетель и соответствующая слава самого святого была равна или по крайней мере не меньше славы святого Мартина из Тура. Культ святого Мартина был одним из самых распространенных в Галлии того времени, и поэтому неслучайно, что именно с ним автор сравнивал святого Далмация. Это желание было связано с все нарастающим соперничеством епископств в борьбе за паломников, посещающих мощи святых. И, следовательно, посредством этого жития церковные власти стремились привлечь большее количество паломников к могиле святого, обещая там исцеление больным¹¹⁷³.

Датировка этого жития вызвала неоднозначные оценки. Так, Б. Круш считает, что оно не могло принадлежать к меровингской эпохе. Дополнительным аргументом для него служит тот факт, что житие содержит рассказ о возвращении Далмация с собора 541 г. в Орлеане¹¹⁷⁴ и что этот путь и препятствия, преодоленные Далмацием, схожи с путем девушки, описанным в житии Женевьевы¹¹⁷⁵. Там фигурирует та же переправа, та же лодка и тревожат те же демоны. Ссылаясь на это, Б. Круш делает вывод, что автор, несомненно, знал житие Женевьевы и просто повторил путь, проделанный девушкой в этом житии. И, следовательно, по его словам, автор жил не ранее VIII в., хотя и хотел, чтобы его считали современником Далмация. Однако

Б. Круш ошибочно считал, что житие Женевьевы было создано не ранее VIII в., хотя оно определенно было составлено около 530 г., и этот аргумент не может быть доказательством принадлежности автора к более поздней эпохе¹¹⁷⁶. Таким образом, аргументы в пользу датировки этого документа VIII в., представленные Б. Крушем, кажутся неубедительными. С другой стороны, исследователи не видят серьезных причин, по которым этот текст не мог быть составлен в VII в.¹¹⁷⁷ Учитывая все вышесказанное, мы можем говорить о том, что этот документ достаточно близок по дате написания к изложенным в нем событиям.

**Vita sancti Dalmatii rutene urbis episcopi. Житие
святого Далмация, епископа города Родеза.**

Incipit prologus.

(1). Triumphalem hac venerabilem Dalmatii Rutene urbis pontificis vitam cælis inclytam terrisque difusam ad novum huius temporis miraculum proferendum cupimus, si ipse sanctus dicendi vires ingesserit, nunc stilo retexere, qui nuper se universis terre provinciis per palmam gloriæ et virtutum miracula munere æthereo propalavit.

Explicit prologus.

Начинается пролог.

1. Этим повествованием мы стремимся описать достойную почитания жизнь Далмация, епископа города Родеза, прославленную небесами и широко известную на земле, чтобы еще раз напомнить чудеса того времени, если сам святой – тот, кто сам по милости небес недавно стал известен всем провинциям на земле, благодаря венцу славы и чудесам добрых дел, – даст силы для рассказа и изложения на письме.

Incipit vita sancti Dalmatii.

(2). Igitur beatissimum Dalmatium Rutena urbs civem habuit, locique illius indigena fuit, nunc apud Deum meretur habere patronum. Ipse autem, cum Githarum feritas territorio in quo altus est dominaretur, Narbonensium urbem, in qua tunc solium Gotorum tyrannus habuisse refertur, adivit. Nam cum in Arrianæ heresis tunc temporis populus ipse detinetur errorem, ibi tamen æpiscopus preerat Christianus, qui metropolitano iure cunctis illius provinciæ cetu æminebat. Beatus itaque Dalmatius, licet adbuc sub tenera corporis pubertate, iam tamen Christi adleta maturus, cui nunc urbi patronus est, tunc ab eodem papa episcopus ordinatur. Nam (cum) post discessum incliti triumphatoris primique patroni dompni Amanti huius urbis episcopi inflictâ diversarum gentium per totam Gallium bella detonarent, licet virtute locupletem, opibus tamen pauperrimam hanc ecclesiam Christi confessor invenit. Tanto ibidem iusto laboravit studio, ut non dicam, quod ceteroribus æcclesiis nunc minor sit, sed etiam cunctis olym fundatis atque antiquioribus munere divino iam præcellit.

(3). Igitur aliqua de virtutibus eius dicenda sunt, qua non longi temporis meta determinat. Cum Narbona frequenti iteratu tam pro consolandam religionem quam pro non arduam longinquitatem ipsius civitatis sanctus accederet, quadam vice, cum in hac urbe venisset ad locum, ubi severitas iudicium cærolo detruserat reus mortique destinatus ergastulo, sanctus accessit recordatusque est, humana iuditia alios sontes iactanter absolvere et alios innocentes crudeliter trucidare et per varios casos insolentes simul ac criminosos perimere. Ad huius ergo locum carceris coepit vir sanctus pro condemnatis orare Dominum et indesinenti quadam oratione deposcere hac dicere: ‘Domine Iesu Christe, qui es rerum omnium primus conditor et ultissimus reparator, presta mihi servo tuo ad omnes hos qui his clavibus retinentur libertatem; et si iustorum hic et peccatorum commune periculum, hos pro innocentia qua merentur elibera et illos pro misericordia licet noxios, tamen absolve: sitque his omnibus salus, eorum fuit hactenus commune periculum’. Et hac oratione completa, discessit ab eodem loco. Non enim incassum suo preces

fuderat creatori: continuo in morem cere calibus resoluta materies solvitur; dissiliunt arta vincla, dampnatis ianua carceris divinitus reseratur, libertatem recipiunt absoluti.

(4). Unum tamen ex illis ad ostendendum summum divine misterium pietatis sublimiori quodam arcis in loco præceptio æterna subvexit. Qui admiranti se universo populo clamitabat, quo ingenio discessisset a carcere, quoque arbitrio huius scandisset macheriæ summitatem, se omnino nesciret. Stupebant omnes varia rerum vice perterriti, dicentes, si a carcere forsitan ingeniosa argumentatione videatur suos aufugisse comites, quomodo in hac suuimilitate prosilivit? Alii commentum fraudis esse, licet impossibile, inaniter clamitabant; tandem inter omnes una vox tollitur, Dei hunc misterium fore pontificisque illius qui illic ante paululum oraverat esse tropheum. Atque inde argumentoso populi more depositus, vitam simul recepit et libertatem.

(5). Alio quidem tempore ad Gotorum Amalarici regis Narbona venit occursum. Qui dum veterano errore sui populi patrumque suorum longeo ritu infelix est hæreticus et universos christicolas despiceret atque omnes catolice æcclesiæ episcopos execraret, illi tamen instinctu divini nominis mirum in modum insolitos onores hac novas venerationes exibuit. ita ut nec suis umquam tantum pro ritu sacerdotibus nec Christianis pro veneratione debita detulisset; potuitque mens ceca iustum, instigante Domino, venerare, ut cunctis credentibus spem futuræ conversionis ostenderet.

(6). Scilicet posteaquam pia atque inclita et Christiane religionis cultrix Francorum ditio Rutenam urbem, coniurante sibi populi eius favore, subiecit, desiderio refectus pontifex Christiani regis Theudoberti tendebat videre præsentiam. Cumque ad ilium devotissimus ardue festinaret, in Ultralegeretanis partibus quodam loco, ubi aliqua, ut dicam, prope legio Bretonum manet, vespertinam ospitalitatem habuisse narratur, cælebrantique ei in crastina missas puella quædam spiritibus vexata malignis occurrit. Que dum diversis ac crudelibus baccaretur in modis, tandem per os eius nequissimus ille furor demonis satellis exclamat: ‘Dicito mihi, Dalmati, quia iam tuis affecti tormentis hic manere nequimus, qua mihi licet e parte istius corpusculi, in quo vexor, egredere’. Audiens venerandus antestis, abbatem suum nomine Venerianum ire præcepit ad

puellam, qui eius oculos obtestans Dominum consignaret, metuens, ne, dum in corpore illo sevus iam diutius manere non poterat inimicus, perinde temptaret egredere, quo vas in a quo fuerat laceraret. Exin per aurium meatus se demon ille minitabat exire; abbas vero signum crucis per aurem utramque constituit. Post hæc cum iam nullum ad egrediendum aditum in superna corporis parte poterat reperire, ad digestorium locum digno sibi adito crudelis inimicus effertur, indeque egressus est. Tanto scilicet locum quo sacre inpendebantur æterno regi ceremoniæ pædore replevit, ut nullum alium foret inditum, nisi illinc diabolum processisse; reliquidque intemeratum corpus, ut sancti Dalmatii publycam gloriam demonstravit. Nam perinde rediens pontifex gloriosus, invenit in eodem locum pro sua virtute ab incolas eius loci baselicam celso ædificatam fastigio.

(7). Nec longo post tempore ad Aurelianensem urbem accersitus pro conciliabulo sinodalem sanctus properabat antestis. Et quoniam Biturice urbis territorium itineri eius interiacebat, Biturico veniens, dum ad missas celebrandas consistorio baselice illius resideret, detnoniacus quidam ad eum ferreis artatus complexusque catenis adducitur. Et sedente sancto vultu simplici vel mente sincera, crudelis Belial per os vexantis exclamat, his orsus: 'Quid istud est quod agis, Dalmati, dure mentis, vultu crudelis, et nobis semper adversare dissimulas et infinitis hac execrabilibus poenis nosmet ipsos exerces? Vel quo iure est ista simplicitas, ut homo ore taceat et conscientiæ iaculis clam vulneret inimicum?' His dictis, sanctus silentio solito ora compescuit, sed ab intimis fybris celo orationem transmisit: illico frustra blaterantem demonem ab hominibus archana dispellit, effugitque inimicus ipse par levibus ventis similisque sompno volueri, ceu solet pectora humana deludere.

(8). Igitur postquam ab Aurilianense urbe egressus est, ad beatissimi Martini baselicam, quem plium sibi confessorem Toronica urbis tenet membris conditum, sed toto orbe diffusa præstat virtute patronum, pro glorificande orationis præmium beatissimus Christi pergebat confessor. Nam quia Liger fluvius inter has urbes navalem fecit esse discursum, modica lintre delatus scandit: recordans, quid ei ante aliquod dies multitudo vexantium apud Breviam Corretiam vicum, sancti Martini baselicam, minitarent, quod ipsi in Ligere

fluvium insidias præpararent, sed fidus oratione perrexit. O crudelis et semper adversa bonitati fraudes tua, diabole, tortuose celenter hac lubrice! Ubique bonum videris, adversaris; quicquid præclarum hac sublimem perspexeris, conaris evertere. Quid multis? Cum primum radiis suis mundum Titan parat, ac roseum Aurora iubar adduxerate, venire subito visa est ante ipsius oculos confessoris demonum turba nigrorum et, navem eius in dirarum ceu Sirtium scopulus ceroleique gurgitis alta compellere. Impletur tunc navis invisa promissio! Illic Sirenica lintri cautis opponitur, et comminuta cumba per tot amnis fluenta conspargitur. Et de mediis fluctibus gloriosus confessor veluti e mari Petrus et Iordanus Eliseus sospes cum suis omnibus liberatur nec quicquam de rebus ullis pertulit dampnum, que fuerunt ipsius inmixtis conlaticiis.

(9). Pange nunc iustum confessionem lingua peccatrix, expedire copta ne desinas, quia non est tuum ipsa quod loqueris; punge virtutum, si quantum vales, insignia. Adest gloriosus ille Dalmatius, qui a te sine suo favore non dicitur; dabit fandi munificentiam, qui bona gerendo sic meruit. Videlicet in Brivatensem vicum. Arverne civitatis oppidum, Dalmatius sanctus advenit, ubi a quodam tribuno reus ad patibulum ultimo dampnatus suppicio ducebatur. Rogare tribunum beatus antestis pro vite huius indulgentia coepit instanter; qui omnino negavit nec voluit iusti preces confessoris accipere, sed durum peragi præcepit imperium. Ille tamen Dominum pro eius vita fideliter exoravit. Hora pæne diei secunda reus ad dampnationem producitur hac sublimitate ultima æculeo sublevatur. Diem hunc nox pepulit, noctem crastinam lux seclusit: reus semper pependit patibulo, et qui iam olym credebatur mortuus, vivens ab eis in crastina, qui ad eum sepeliendum venerant, invenitur. Perculsa est tanto plebs universa miraculo, ut cuius exequies orbi parentes, uxor viduæ lamentatione solita prosequabantur, et illi novum se credebant edidisse filium, et ilia cominus nova nupta procedat in gaudio. Nec ista Dalmati Martino minor virtus adscribitur, qui mortuum legitur suscitasse. Ille vitam revocavit in corpore, iste contenuit. Ille iam vagantem animam homini reddidit, iste fecit in corpore vivere tumulatam. Ille absolutum spiritum a corpore remisit in corpore, iste dampnatum in corpore absolvi non permisit a corpore: par est

utriusque virtus et gloria? Quid multis? Apud Evodium illius urbis comitem vite adhuc pendent reo longeva securitas obtinetur.

(10). Haud procul post hac virtute transacta aream famulis suis tritare præcepit antestis. Cumque iam reiecta palea necdum purgatum triticum iaceret prostratum, orrere mundum æterno cahos coepit ceruleisque nubibus imbre submittere et tonitruo; crebro velut cæli palatum concutere, decedente luce, nox intempestiva concrescere. Concurrent exsanguis famuli, beato pontifici nunciantes, tantam summam tritici deperisse, quod nec recondi ilia in hora possit nec imber imminens revocari. Non est commotus ista vociferatione tunc pontifex, sed duplices tendens ad sidera palmas, Tali a voce refert: ‘Quo ruetis, famuli? Qua æsitatione estotes ipsi turbati? Ite, ne videamini a coepto labore recedere, exercite operam quam coepistis; scio enim de solita Domini mei pietate, quia nobis non aufert istas quas dedit ipse substancias’. Dixerat hæc; illi consternata mente discedunt. Ruitque immensa tantum e cælo pluvial, ut secundum crederes cataclysmum terras obtegere; ita se circum area ilia imbris diffudit inormitas, ut infra, vel ubi fratrum congestus stetisset, vel famuli, nec unius gutte impetum descendisset. Nam et trium valde hoc miraculo similitudo facta est puerorum, quos Babylonius rex conburendos suo præceperat incendio; illos circumdatos igne ros madefecit, istos serenitas circumfultos nubibus operuit; illi digni fuerunt inter pyras algire, isti meriti sunt inter ymbrium cumulos æstuare.

(11). Sed iam sistere gradum dicendi debemus hac tantorum miraculorum metam concludere. O quantas beatissimus Dalmatius in quinquaginta sex annos æpiscopatus sui virtutes fecit in sæculo!. Quantas nunc post discessum suum ad eius tumulum Dominus operare dignatur! Ibi e cælo cæcorum lumen redditur, et surdorum reformatur auditus, et demonum sevitiae refringuntur, et egrotantium medicina refertur: quarum omnium, ut dicam, ultimas has septem virtutes verax fama commemorat. Sed ne dicendi schema destinata transiret, et numerus desideratus accederet, stili huius brevitate pauca perstrinximus, ut si septem his virtutibus septiformis spiritus enarratur et septem stelle, huius dictionis si quid obscurum videtur, in lumine perscriptoque in libro vite cum septem oculis suis agnus id relegat et cum septem cornua, si quid superfluum fuerit, eiciat. Et

dominus noster Iesus Christus, qui tantam gratiam beatissimo confessori præsttit, per ipsius intercessionem veniam nobis peccatorum largire dignetur, et sit beato Dalmatio confessori Domini misericordia et veritas in vitam æternam, in sæcula sæculorum.

Amen.

Начинается житие святого Далмация.

2. Итак, блаженный Далмаций происходил из города Родеза и был его гражданином, а теперь Родез удостоился иметь его заступником перед Господом. В то же время он сам вырос на земле готов, где в то время властвовала дикость. Далмаций посетил город Нарбонн, в котором, говорят, тогда тиран владел готским троном¹¹⁷⁸. На самом деле в тот момент сам народ крепко удерживался по заблуждению в арианской ереси. Однако в Нарбонне управлял христианский архиепископ, который отличался от всех из этой провинции архиепископской властью. И благодаря тому, что блаженный Далмаций, хотя еще не возмужал телом, но был уже зрелым в вере во Христа, он тем же архиепископом Нарбонна был назначен епископом Родеза – города, которому он и сейчас покровительствует. И поскольку после смерти первого знаменитого епископа этого города Аманта¹¹⁷⁹ война, причиненная различными племенами, разразились по всей Галлии, этот проповедник Христа обнаружил, что эта церковь богата добродетелью, но наибеднейшая в средствах. И там он трудился с таким усердием, что я сказал бы, что она теперь не только не меньше прочих церквей, но по воле Божьей даже все основанные ранее и более древние теперь превосходит.

3. Итак, нужно поведать некоторые из его добрых дел, которые разделяет небольшой промежуток времени. Он часто посещал Нарбонн как по религиозной надобности, так и потому, что расстояние до этого города невелико. Как-то раз, когда в этот город шел, он приблизился к месту, где судьи своей строгостью отправили в мрачную тюрьму приговоренных к смерти. И святой вспомнил, что человеческие суды демонстративно отпускали одних преступников, а иных невинных жестоко казнили, и по разным поводам одновременно лишали жизни и невиновных, и преступников. И у места той тюрьмы святой муж начал молить Бога за осужденных и в непрерывной молитве настоятельно просил: «Иисус Христос, Ты – первосоздатель всего и восстановитель [правды] во всех

делах! Даруй же, ради меня, раба Твоего, свободу для всех тех, кто удерживается за этими засовами. И если здесь имеется общая опасность для праведных и грешных, освободи одних благодаря их невиновности, а других же, хоть и виновных, отпусти из милосердия, и пусть будет избавление всем, у которых общая опасность была до сих пор!» И когда он закончил молитву, то ушел из этого места. Поистине не зря он молился своему создателю. Тотчас же сталь, расплавившись, подобно воску, разорвалась, лопнули крепкие пуги, и для осужденных дверь тюрьмы чудесно отворилась, и они, освобожденные таким образом, вновь обрели свободу.

4. Однако одного из них Высшая воля, для того чтобы тайна божественного правосудия была продемонстрирована, разместила в одном высоком месте крепости. Оттуда он громко кричал народу, с удивлением взирающему на него, что он совсем не знает, чьими стараниями он вышел из тюрьмы и по чьей воле он оказался на самом высоком месте стены. Все были поражены таким поворотом событий, говоря: «Если он и мог ускользнуть из тюрьмы и уйти от комитов, благодаря какому-то ухищрению, то каким образом он взобрался на эту высоту?» Другие попусту кричали, что это ложь и это невозможно. Но среди всех один голос произнес, что это и есть божественная тайна и знак того епископа, который незадолго до этого там молился. После этого он был ловко снят народом со стены и снова обрел и жизнь, и свободу.

5. В другой раз Далмаций пришел в Нарбонн, чтобы предстать перед королем Амаларихом. И хотя тот был несчастным еретиком по причине давнего заблуждения своего народа и древнего обычая своих отцов и всех христиан презирал, а всех католических епископов проклинал, но благодаря божественному побуждению Амаларих чудесным образом удостоил небывалой чести и оказал невиданные почести Далмацию. Да так, как ни своим [арианским] священнослужителям в соответствии с обычаем, ни христианам в соответствии с причитающимся им почтением здесь не оказывал. Слепой разум, с помощью Бога, смог справедливого

Далмация уважить, так что все верующие поняли, что есть надежда на будущее изменение.

6. И, конечно же, с тех пор как благочестивая и прославленная власть франков, почитательница христианской религии подчинила город Родез, скрепив клятвой благосклонность народа к себе, епископ, переполненный желанием, вознамерился увидеть христианского короля Теодеберта¹¹⁸⁰. И когда он, исполненный преданности, с трудом пробирался к нему, в некоем месте в области за Луарой, то остановился поблизости от каких-то войск бretонцев и, как рассказывают, имел там вечером хороший прием. И во время мессы на следующий день к нему поспешила некая девушка, терзаемая дурными духами. И когда она невообразимо бесновалась (а бешенство – этот спутник дьявола), [дьявол] ее устами произнес: «Скажи мне, Далмаций, так как теперь я не могу здесь оставаться из-за твоих пыток, из какой части тела, в котором я мучаюсь, позволено мне выйти?» Услышавший это, почтенный Далмаций предложил местному аббату по имени Венериан подойти к девушке. Венериан, призвав в свидетели Бога, окрестил ее глаза, так как испугался, что, поскольку в этом теле жестокий враг уже оставаться больше не может, то попробует выйти. И как бы он не порвал сосуд, в котором находился. Затем этот демон грозился, что он выйдет через уши. Аббат тут же перекрестил оба уха. После того как жестокий враг теперь не мог найти никакого прохода для выхода в верхней части тела, он был вытеснен к заднему проходу – самому достойному выходу для себя, откуда и вышел. И такой вонью наполнил то место, где проводились священные церемонии Господу, что это ничего другого не значило, кроме указания на то, что оттуда дьявол появился. А тело оставил нетронутым, чтобы продемонстрировать общепризнанную славу святого Далмация. Возвращаясь тем же путем, прославленный епископ обнаружил в том же месте храм с высокой кровлей, сооруженный жителями этой местности за это его добре дело.

7. Немного времени спустя он спешил в город Орлеан, приглашенный на церковный собор¹¹⁸¹. И так как его путь проходил по области города Буржа, то, прия в этот город, он

остановился для проведения мессы в консистории храма. Туда привели к нему некоего одолеваемого дьяволом человека, который был скован железом и связан цепями. И когда Далмаций сидел со святой простотой и ясным рассудком, жестокий Белиал¹¹⁸² устами мучающегося человека воскликнул: «Что же это такое, что делаешь ты, Далмаций? Ты, жестокосердый и суровый лицом, всегда не показываешь, что следишь за нами, а сам докучаешь нам бесконечными и жестокими муками. И по какому праву есть эта простота, чтобы человек молчал, но тайно наносил раны врагу одним лишь оружием знания?» Когда это говорилось, святой скрепил уста привычным молчанием, но из глубины души своей посыпал молитвы, обращенные к небесам. Тут же он изгнал праздно болтающего демона из человеческой души, и враг сам убежал, словно легкий ветер и сновиденьям крылатым подобно ¹¹⁸³. Так демон обычно дурачит человеческие души.

8. После того как благочестивый проповедник Христа вышел из Орлеана, он направился к храму святого Мартина, который был добродетельным проповедником в Туре и слава о добрых делах которого распространялась жителями города по всему миру. Он был похоронен ими здесь, и Далмаций пришел, чтобы вознаградить его благодарственной молитвой. И так как река Луара предоставляет сообщение между городами, то Далмаций поднялся на небольшую лодку, помня, как несколько дней назад множество оскорбляющих [его] людей у деревни Брив-ла-Гайард и у базилики Святого Мартина¹¹⁸⁴ грозили ему тем, что они будут чинить ему козни на реке Луаре. Однако святой, молясь, продолжал свой путь. О жестокое коварство твое, дьявол, всегда противостоящее добру, ты – изворотливый и скользкий хелидр^{1185!} Где бы ты ни видел добро, противостишь ему, что бы ни видел ты светлое и возвышенное, пытаешься опрокинуть это. Чего же больше? Когда Титан своими лучами пробуждал землю¹¹⁸⁶ и Аврора бросала свой розовый свет¹¹⁸⁷, перед глазами самого проповедника возникло видение, что черные демоны пришли и его корабль в пучину синей бездны загнали, подобно утесу проклятых Сирен¹¹⁸⁸. Невиданные обещания про корабль исполняются!¹¹⁸⁹ Ведь тут утесы

Сирен¹¹⁹⁰ противостоят лодке, и разбитая лодка несется сквозь все волны реки. Но славный проповедник Далмаций из середины течения, словно святой Петр из моря и пророк Елисей из Иордана, спасся со всем своим [добром] и ничего не потерял, даже пожертвования.

9. Теперь воспой язык-грешник честную исповедь, не переставай распутывать начатое дело, так как не твое то, что ты сейчас говоришь! Насколько ты силен, воспой знаки добрых дел! Славный Далмаций не именуется тобой, язык, без своего расположения, он одарит щедростью воспевания, которого Далмаций так был достоин благодаря свершению добра. Святой Далмаций пришел в деревню Бривас¹¹⁹¹, что в области города Овернь, где некий трибун вел приговоренного к повешению. Благочестивый епископ начал настоятельно просить трибуна о снисхождении к жизни подсудимого, но тот отказался и не хотел слушать просьбу справедливого проповедника, и поручил, чтобы строгий приказ был исполнен. Однако Далмаций вознес молитву Творцу за жизнь того человека. Почти во втором часу дня подсудимый был приведен к приговору и повешен на самой высоте. Ночь сменила этот день, свет отделил следующую ночь. Приговоренный все это время висел на виселице, и тот, кто некогда показался уже мертвым, на следующий день был найден живым теми, кто на его похороны пришел. Весь народ был поражен таким чудом, что того, чьи похороны сопровождали и осиротевшие родители, и жена с обычными слезами овдовевшей женщины, вдруг нашли одни как нового сына, а другая в радости как будто заново стала невестой. И это деяние Далмация не считается меньше Мартина, о котором читали, что он воскресил мертвого¹¹⁹². Один возобновил жизнь в теле, другой задержал. Один вернул человеку уже скитающуюся душу, другой сделал так, что отпеваемый ожила в теле. Один освобожденный из тела дух посыпал в тело, другой не позволил, чтобы осужденный в теле освободился из тела. Равны ли их благодеяния и слава? Чего же больше? При комите этого города Эводии¹¹⁹³ приговоренному к повешению сохранялась жизнь, если он выжил после этой казни.

10. Немного времени спустя, когда это добродетель было доведено до конца, Далмаций велел своим слугам пойти молотить пшеницу в поле. И когда уже никчемные плевелы еще не очищенной пшеницы лежали разбросанные¹¹⁹⁴, небо начало свирепствовать и начало посыпать из темных туч¹¹⁹⁵ ливень и гром, и небосвод¹¹⁹⁶ как будто начало трясти, и, когда свет рассеялся, сумерки начали сгущаться. Побледневшие слуги сбежались, сообщая праведному епископу, что такое большое количество пшеницы пропадет, потому что она не может быть укрыта вовремя, да и приближающийся ливень не может быть остановлен. Но епископ не поддался на их крики, и, руки к светилам воздев, он молвил голосом громким ¹¹⁹⁷: «К чему спешите, слуги? Какими сомнениями вы взволнованы? Идите, чтобы не казалось, что вы уклоняетесь от начатой работы. Закончите работу, которую вы начали. Я же ведаю о любви Господа моего, и поэтому не отнимет Он у нас то, что сам дал». Сказал это, и смущенные духом слуги вернулись к работе. Такой дождь без конца лил с небес, что, можно было подумать, что второй потоп накрыл землю. И вылилось большое количество воды вокруг этого поля, но так, что ни внизу, ни там, где стояли братья и слуги, сильный поток не проронил ни одной капли. И это было похоже на то чудо о трех мальчиках, которых царь Вавилона велел сканжечь в огне¹¹⁹⁸. Но одних, окруженных огнем, роса увлажнила, других, окруженных тучами, окутала ясность. Одни были удостоены прохлады посреди костра, другие заслужили того, чтобы не промокнуть посреди ливня.

11. Но теперь мы обязаны ограничиться сказанным и поставить точку таким чудесам¹¹⁹⁹. О сколь много добрых дел, которые останутся в веках, во время своего долгого 56-летнего епископства сделал святой Далмаций! И сколько добрых дел Господь считает достойным совершать у его могилы после его смерти! Там с неба зрение нисходит к слепым, к глухим возвращается слух, свирепость демонов обуздается и больным оказывается лечение. Из всех добрых дел, о которых правдивая молва упоминает, это – последние семь. Но чтобы способ изложения не выходил за пределы намерений и чтобы подошло желаемое число, мы охватили немногое краткостью

такого стиля. Мы овладеваем краткостью того склада речи, как если бы имеющий семь видов дух и семь звезд подробно.

АМИНЬ.

Житие святого Гермерия. Vita sancti Germerii.

1. Епископ Гермерий

Если верить тексту жития, Гермерий родился в 477 г. в Ангулеме, который находился в то время под властью вестготов¹²⁰⁰. Родители его были достаточно богатыми и имели возможность отправить своего сына учиться в Тулузу. Он отправился туда еще юношей на корабле морем (по р. Шаранте, побережью Атлантики и р. Гаронне), видимо, по причине того, что сухопутный путь был более опасен. О его высоком статусе говорит и то, что он имел с собой двух сопровождающих, одного из которых (Претиоза) он назначил своим управляющим. Родители обучили грамоте Гермерия еще в раннем детстве, в Тулузу Гермерий прибыл, чтобы, согласно традициям того времени, продолжить свое образование¹²⁰¹. Семья Гермерия, возможно, имела дом и имущество в Тулузе, о котором впоследствии упоминается в житии¹²⁰². Кроме того, факт того, что ему понадобился управляющий, уже говорит о том, что у него было какое-то имущество. В Тулузе Гермерий находился до достижения подходящего возраста, чтобы сразу вступить на должность субдьякона в г. Сенте, куда его пригласил епископ этого города Григорий¹²⁰³. Немного времени спустя он уже был назначен дьяконом в г. Жонзак, а через три года избран епископом Тулузы. Столь головокружительная карьера молодого человека еще раз подтверждает его принадлежность к высшим кругам провинции.

Процесс избрания Гермерия в епископы произошел в 507 г. в г. Аризите. Ему на епископской кафедре Тулузы предшествовал Гераклиан, который присутствовал на Агдском соборе в 506 г. Но, по-видимому, вскоре после этого Гераклиан скончался, и епископы собрались для избрания нового епископа Тулузы в Аризит, куда Гермерий и проследовал из Жонзака. В Аризите он провел еще какое-то время, где местный епископ Торноальд принимал его с почетом и уважением. В это время разразилась вестгото-франкская война 507 г., и Гермерий возвращается в «область Тулузы, где ранее оставил дом и имущество», судя по тексту, через земли, ставшие уже

королевством франков. Там его настигли посланники короля франков Хлодвига, который потребовал его к себе, что он не преминул смиренно выполнить. Молодой епископ был милостиво встречен Хлодвигом, провел с ним двадцать дней и был богато одарен не только деньгами и утварью, но и землей в некоем местечке Дукс в области Тулузы, которой только что овладел Хлодвиг¹²⁰⁴. Таким образом, епископ Тулузы Гермерий вышел из-под власти вестготов и подчинился Хлодвигу.

Свои служебные обязанности он начал с посещения тех мест, которые были предоставлены его заботе, вдохновляя к исповеди и проповедуя. В подаренном ему местечке Дукс он опрокинул статуи языческих богов и построил храм в честь святого Сатурнина и монастырь, алтарь которого освятил в честь святого Мартина¹²⁰⁵. В Дукс он собрал и перевез всю свою семью и всех своих рабов из других мест¹²⁰⁶. И прожил он там так 36 лет, владея множеством рабов и рабынь, но в 543 г. страшная эпидемия бубонной чумы охватила южные провинции и в одночасье погубила сначала скот, а потом и всех его рабов. Опечаленный этим, он посетил храм святого Поликарпа, по-видимому, близ Нарбонна, находящийся на территории вестготов, где умолял, чтобы Господь «освободил от нахлынувших мучений». Вымолив прощение, он вернулся обратно, и «все было возвращено ему, что потерял, с приростом спустя много лет». И далее в тексте сказано, что он спустя 7 лет умер¹²⁰⁷. Однако из этого неясно, умер ли он спустя 7 лет после поразившей его хозяйство чумы (550 г.) или после того, как снова обрел все спустя много лет¹²⁰⁸. Как считает Д. Папеброх, после эпидемии чумы Гермерий прожил еще 14 лет, ученый желает, чтобы в сумме он находился на епископской кафедре Тулузы 50 лет. Однако для подтверждения этого у нас нет никаких оснований. Таким образом, точнее дату смерти Гермерия установить не удается, известно лишь, что она произошла как минимум после 550 г. Следующим известным нам епископом Тулузы был Магнульф, брат герцога Лупа, но он фигурирует в наших источниках уже в 585 г.¹²⁰⁹ Григорий Турский упоминает об обиде, которую Магнульф претерпел от одного из претендентов на трон – Сигульфа, и о которой ничего

неизвестно по другим источникам. Скорее всего, этот эпизод мог произойти сразу после смерти короля Сигиберта в 575 г. Исходя из всего этого, достаточно сомнительно, чтобы Магнульф был преемником епископа Гермерия, так как между возможным первым упоминанием одного (575 г.) и датой смерти второго (557 г.) пролегает почти 17 лет. С учетом всей спорности этих дат мы можем заключить, что между епископом Гермерием и Магнульфом кафедру в Тулузе занимали еще один или несколько епископов, имена и деяния которых не дошли до нашего времени.

В житии Гермерия мы обнаруживаем несколько любопытных эпизодов, на которых стоит остановиться подробнее. Один из них – эпизод, связанный с избранием Гермерия епископом Тулузы. Стоит напомнить, что до того, как он проделал путь в г. Аризит, где произошло его избрание, он находился в должности дьякона в г. Жонзаке, что неподалеку от г. Сента. Имея в покровителях Григория, епископа Сента, а также, как уже отмечалось выше, происходя из достаточно богатой семьи, Гермерий мог рассчитывать на занятие вакантной кафедры епископа Тулузы после смерти Геркалиана, наступившей, по-видимому, вскоре после посещения им церковного собора 506 г. Согласно тексту жития Гермерия, для избрания нового епископа Тулузы они собрались в г. Аризит. Примечательно не столько то, что Гермерий занял эту кафедру, а то, где происходило его избрание. Ведь область Аризита в 506–507 гг. находилась определенно на территории, подвластной вестготам, и еще долго оставалась вестготской, ведь этот город не упоминают при разделе 511 г. Теодорих, сын Хлодвига, в 507–508 гг. не заворачивал к Аризиту, а упоминается он в составе королевства франков только при епископе Родеза Далмации (524–580), как область, по-видимому, только в 570-е гг. перешедшая под власть франков¹²¹⁰. Зафиксированное в тексте присутствие при избрании в Аризите Григория епископа Сента, территории, которая совсем вскоре перешла под власть франков, указывает на то, что само избрание проходило до выступления Хлодвига в 507 г. или в тот самый момент, когда только это наступление произошло. Однако в этом эпизоде не проясняется ни фигура,

ни территориальная принадлежность епископа Гермоальда, который абсолютно не известен по нашим источникам, ни факт отсутствия на этом избрании епископов близлежащих областей – Сабина из Альби и Боеция из Кагора, – подписи которых стоят под решениями собора в Агде. Возможно, их имена затерялись при переписке этого текста, либо желание автора во всем видеть троицу было столь непреодолимо. По этому поводу мы можем выстраивать только одни догадки. Но вернемся к фактам в тексте. Получив избрание под властью короля вестготов Алариха II, Гермерий направлялся из Аризита в Тулузу и «проходил через королевство франков»¹²¹¹, когда его настигли посланцы Хлодвига с приглашением от короля. Путь Гермерия из Аризита в Тулузу мог проходить вдоль побережья Средиземного моря через Септиманию, но эта часть вестготского королевства еще не была затронута войной, в течение еще двух столетий не была включена в королевство франков, и сомнительно, что он был оповещен франкскими посланниками именно там. Скорее всего, он держал свой путь через Родез и Альби, где он должен был столкнуться с войском сына Хлодвига Теодориха, осаждавшего эти города. Таким образом, по всей вероятности, от Теодориха или его людей Гермерий и получил «приглашение» к самому королю Хлодвигу.

В результате мы переходим ко второму эпизоду, интересующему нас, который занимает значительную часть жития Гермерия. А именно – к встрече епископа Гермерия с королем франков Хлодвигом. Эта история повествует нам о благосклонности Хлодвига к епископу недавно завоеванной области, о его желании иметь в нем своего союзника и верноподданного. Хлодвиг, придерживаясь прежней политики, не собирался вмешиваться в церковные дела и дела местных общин и соглашается с кандидатурой Гермерия в качестве епископа Тулузы, хотя король франков и знал, что тот был лоялен вестготам. Прием Гермерия у Хлодвига расставляет все на свои места. Хлодвиг одаривает Гермерия, тот признает в нем нового правителя этих земель, тем самым переходя под его власть. Просьба Гермерия к Хлодвигу подарить ему земли в области Тулузы окончательно символизирует признание и

подчинение новому властителю этой области¹²¹². Этот эпизод очень значим, так как знаменует окончательный переход области Тулузы от вестготов к франкам, не зафиксированный в других источниках.

Последний факт, заинтересовавший нас в житии Гермерия в связи с историей Вестготского королевства в VI в., – событие, произошедшее во время опустошительной эпидемии чумы в 543 г., свирепствовавшей в разных областях южной Галлии, о которой уже упоминалось выше. В этот год епископ Гермерий, потеряв всех своих рабов, сильно опечалился и отправился в храм пресвитера Поликарпа – выпрашивать снисхождение у Господа – и, получив его, вернулся обратно¹²¹³. В этом месте необходимо сказать несколько слов о возможном месте нахождения храма святого Поликарпа. Часть его реликвий хранилась в Реймсском монастыре, другая часть была перемещена в монастырь в области г. Нарбонна, откуда этот кульп получил распространение на юге Галлии¹²¹⁴. Этот кульп проник и в соседнюю область Тулузы, где, возможно, был построен храм, хотя нам ничего не известно о существовании такого. Намного вероятнее, что Гермерий в то время посетил храм в Нарбонне, который был поблизости и находился на территории Вестготского королевства. Это означает, что Гермерий пересек вестгото-франкскую границу. А сам этот факт свободного перехода католическим священнослужителем границы с вестготами выступает дополнительным доказательством¹²¹⁵ того, что вестгото-франкская граница не была столь непроницаема, как хотел ее показать Э. Джеймс¹²¹⁶. Что касается отсутствия взаимопроникновения культур и торговли через эту границу, то доводы Э. Джеймса кажутся весьма убедительными, однако пример Гермерия указывает на то, что католические священнослужители могли свободно пересекать ее.

2. О житии Гермерия

Настоящий перевод выполнен по изданию болландистов, считавших, что первоначально текст был точным и древним, однако в дальнейшем был многократно переписан. В результате первоначальный текст был искажен, в частности были плохо переписаны собственные имена и приведена в беспорядок вся история. Так г. Аризит, в котором, согласно тексту, произошло избрание епископом Гермерия, благодаря перу переписчика был превращен в Париж, а место рождения Гермерия Ангулем превратился в Иерусалим¹²¹⁷. Также было много путаницы с именами, которые в разных местах текста писались по-разному. Таким образом, по мнению болландистов, текст дошел до нас в весьма искаженном виде. К подобным же выводам пришел и М. Дуэ, который подробно изучал этот текст и написал достаточно пространную работу на эту тему, пытаясь доказать принадлежность первого автора жития Гермерия к меровингскому периоду¹²¹⁸. Но эта работа подверглась серьезной критике. Кажется, что стремление найти древние черты иногда выглядит у автора неуместным, особенно когда он пытается выдать за признаки древности определенные клише, характерные для агиографической литературы. По мнению критиков, все, о чем пишет М. Дуэ, неочевидно¹²¹⁹. Подобное критическое мнение о тексте не позволило, например, Л. Дюшене включить Гермерия в свой список епископов Тулузы, считая упоминание о нем недостаточно достоверным¹²²⁰. Таким образом, возобладала точка зрения на житие Гермерия как на более поздний текст, предположительно составленный в XII в.

Однако, на наш взгляд, такая точка зрения неверна и со своей стороны мы можем добавить довод в пользу того, что текст жития Гермерия имеет в своей основе более ранний текст, близкий к описываемым событиям. Возможно, отражением этого может служить то, что при описании чумы, которая разорила хозяйство Гермерия, автор текста упомянул, что это произошло на 36-й год пребывания Гермерия в должности епископа¹²²¹, что, согласно тексту, соответствует 543 г. Этую же страшную

эпидемию, именно в 543 г., упоминает и Григорий Турский¹²²². И такая хронологическая точность автора жития происходит при полном отсутствии намека на подражание или знание им произведений Григория Турского. Это может указывать на то, что первоначально текст был основан на данных, близких к описываемым событиям. Помимо этого, после епископа Тулузы Гераклиана, подписавшегося под решениями Агдского собора 506 г., до Магнульфа, известного по сообщениям Григория Турского¹²²³ и подписавшегося под решениями собора в Маконе в 585 г., нам неизвестен ни один из епископов Тулузы. При этом жизнь Гермерия идеально вписывается в указанный период времени, а в самом тексте подробно описан обряд посвящения в епископы с подробностями пребывания Гермерия в Аризите¹²²⁴, и, на наш взгляд, эта часть текста достаточно достоверна. В тексте «Жития Гермерия» можно разглядеть отпечатки меровингского времени, что делает мнение Д. Папеброха об этом тексте более убедительным. Таким образом, мы придерживаемся мнения о том, что житие Гермерия представляет собой искаженный в процессе переписки текст, в основе которого лежит более ранний текст, автором которого был человек, знакомый с Гермерием. Возможно, как свидетельствует более поздний переписчик, оно принадлежит перу Претиоза, который был управляющим у епископа¹²²⁵.

Vita sancti Germerii

1. Temporibus gloriosissimi Chlodovæi Principis, puer Germerius tanta suorum, utpote religiosorum, est a principio enutritus cura, ut infra trium annorum et duorum spatia mensium, omnem divinarum arripuisse feratur notitiam scripturarum. Perficiebatur enim in illo a puero solidum fundamentum, super quod nemo aliud potest ponere præter quod positum est, quod est Christus Jesus; et augebatur in eo septiformis sancti Spiritus gratia, ut tam a Deo quam ab omnibus diligenter hominibus. Cumque jam ad juvenilem venistet ætatem, Dei amore præventus, patriam parentesque relinquens, transito mari Tulosanis partibus venit, adepturus Domino centuplam remunerationem, cum illis qui pro Christo sua omnia reliquerunt; junctis secum duobus juvenibus Clericis, quorum unus Placidius alias Pretioius vocabatur: ex quibus unum Sanctus a sacris fontibus assumpsit, alium suæ rei creditorem præfecit: [quorum unus Pretiosus sanctissimi Confessoris Germerii vitam vel actus longe post scripsisse perhibetur]

2. Cumque beatus vir in urbe Tulosana bonis polleret moribus, ut bona indolis juenis ab omnibus amabatur, ita ut summa cum caritate, quæ necessaria erant in victu et vestitu præberent. Sanctus ille de omnibus quæ sibi offerebantur tertiam partem pauperibus erogabat, duabus secum retentis, gratias Deo et omnibus sibi bona impertientibus referre gestiens. Cum vero ad legititnam pervenisset ætate, a Domino Gregorio, quondam sanctissimo Præsule, apud Santonicam civitatem Subdiaconatus adscitus est ad ministerium: postea vero paucis adhuc transactis temporibus, in Presbyteratu Yconio Provinciali Episcopo Diaconus est ordinatus, perseverans jugiter in Dei servitio, vigiliis, jejuniiis, eleemosynis et orationibus semper intentus, et omnium virtutum flore ornatus. In tantum autem ei erat familiaris caritatis virtus, ut plerumq; prædictis sodalibus Dulcidio et Pretioso admonendo dicere fatageret: Filioli mei et fratres, oportet nos solitudinem indigorum habere, et ea quæ nobis Dominus largitus est pauperibus distribuere; quoniam sic scriptum est, Beatus est magis dare quam accipere. Multa autem Deus in ordine Diaconi, postea differenda, per eum operatus est miracula.

3. Post trium autem annoru tempus Diaconatus, apparuit ei Angelus Domini, in oratione cubanti, sole splendidior. Cumque ille, more humano, timore concuteretur; Ne timeas, inquit: Sed scito te mox iter accipere debere Arisitanum: ibi enim Sacerdotii honorem assumpturus es, et ab Episcopo Tornoaldo Episcopalem benedictionem assumpturus. Tunc sanctus Dei in oratione genua figens, dixit: Domine Jesu Christe, Rex gloria et virtutum, exaudi orationem servi tui, quia in te est spes mea et cogitatus meus: reple os meum melle tuæ duicedinis et laudis, quia tu es Dominus invisibilis, magnii consilii, sedes super Cherubim, mundum gubernas, et regnas in secula seculorum. Amen. Et cum complesset orationem domo disposita, procuratori habere cuiam pauperum mandans, justa exequens Angelica, iter aggreditur Arisitanum; secum ducens suæ fidei fautores Clericos, Dulcidium videlicet et Pretiosum. Qui cum iter caperent, ubicumque locus divertendi provenistet, sive in civitatibus vel etiam in silvis, ibi manebant, absque ulla dæmonum sive phantasmatu perturbatione. Sicque peragrantes ad civitatem, venerunt ad ecclesiam ubi Sedes Episcopalis erat: ibique tres invenerunt Episcopos, Domnum videlicet Tornoaldum et Gregorium et Hermoaldum.

4. Videntes aute eum gavisi sunt gaudio magno, et figentes genua glorificaverunt Dominum, dicentes: Magnificare nos oportet Dominum et exaltare nomen ejus in invicem. At ille prohibebat dicens: Non oportet tantæ personæ viros homini tam invalido se subjecere. Responderunt itaque Pontifices atque dixerunt: Nos, Domine Pater, oportet te venerari: quia magnus es apud Dominum et electus, et post S. Saturninum eris Episcopus, ut permaneas et gubernet te Pater tuus excelsus usque in finem. Locus autem ille in illius ingressu repletus fuit odore suavissimo: dederuntque ei juxta morem introeuntium benedictionem. Tunc Dei servus apprehensa coma (hic enim erat mos antiquus) obtulit se sancto altario et ejusdem ecclesiæ Reliquiis, præsentibus iisdem Episcopis: et eadem nocte mansit in civitate. Sequenti ergo die intrantes in Ecclesiam, eum ut oraret invitabant: et protinus post orationem protulerunt binas stolas et Pontificalia indumenta, cum annulo et virga. Tunc Pontifices eum consecraverunt Episcopum. Consecratus est autem beatus Confessor Sacerdotio et Pontisicali dignitate ab

Reverendissimo Tornoaldo secundum edictum Angelicum, præsentibus Gregorio et Hermoaldo Coepiscopis. Tunc gratias Deo reddiderunt, quod tantum Episcopum concessisset. Santus autem Germerius obtulit Missam in honorem sanctissimæ et individuæ Trinitatis, distribuens omnibus Eucharisticam portionem, cum gratiarum actione. Peracta autem Missa accepit eum Tornoaldus Epistopus honorifice in domum suam, et comederunt, Deo semper gratias agentes pro beneficiis collatis: rogabant enim eum prædicti omnes Pontisices, ut ante discessum cum eis manere dignaretur: quod et fecit.

5. Peractis autem sacrarum eulogiarum diebus revertebatur cum Episcopali benedictione in partes Tolosanas, ubi domum et facultates reliquerat. Factum est autem ut cum transiret per Francorum regiam, fama illius perveniret usque ad palatum Regis Chlodovæ. Et misit Rex quæsitores ut eum solcite quærerent, et si invenirent eum honorifice ad se ducerent. Factum est autem ut, dum pertansiret civitatem, nuntiaret ei, quod Rex eum vellet videre. Igitur itaque ad Regem et salutavit ilium humiliter. Videns autem eum Rex gavisus est, quod dignus fuisse tantum videre Sacerdotem, de quo talia audiverat: erat autem annorum triginta cum Sacerdotio est iniciatus. Interrogavit autem Rex: Quis es tu? unde? et quod nomen habes? Tunc respondit: Germerius a baptismo vocor, natus in civitate Incolemis, in territorium Tolosanum ad discendas iitteras in pueritia missus, in Sanctonica civitate Subdiaconus factus, in termino Yconio Diæonus ordinatus, et in civitate Arisitana Episcopali munere inunctus, quamvis indignus: tamen in Deo confido. Tunc respondit Rex, omnis qui se exaltat, humiliabitur; et qui le humiliat, exaltabitur. Bonus es tu, et Spiritus Dei loquitur in te.

6. Invitavit autem ilium ut accumberent mensæ. Et benedictis omnibus cibis a S. Germerio assederunt mensæ: et dum accumberent dedit Regi et Principibus eulogias: et quamvis ejusdem generis essent cujus alii cibi: tamen hæ celestibus escis credebantur esse confectæ eulogiæ. Et gratias egerunt Deo et Regi quod servum Dei vocasset: et confirmati in fide, et a Sando signati consitebantur ei peccata. Dicebat ergo credentibus: Filioli, agite poenitentiam et quæ Deo promisistis, facere curate, ne pereatis in extremo judicio. Et cognovit Rex quod Sanctus esset, et rogavit eum

ut pro anima sua oraret et dixit: Pete quod vis ex meis facultatibus, et servi mei ambulent tecum. Dixit autem S. Germerius: Nihil peto, Domine Rex, de tuis facultatibus; sed tantum ut mihi dones in territorio Tolosano quantum mea obumbrare potest chlamys cum Domino nostro B. Saturnino, ut sub ala ipsius meum requiescat corpusculum: ipsum enim post Dominum cælestem habere desidero adjutorem et defensorem in Tololano Comitatu. Et ait illi Rex: Habeto potestatem in circum loci qui dicitur Dux per sex millia, et in sepulturam mortuorum quantum in die septem paria boum arare consueverunt.

7. Mansit autem cum Rege viginti diebus: et dedit illi Rex magnam summam, auri et argenti quingentos siclos j et cruces aureas et calices argenteus cum patenis, et tres virgas fabricatas argento et auro, et tres coronas inauratas et totidem pallia per aras ex byssso. De possessionibus autem concessis chirographum fieri jussit, quem annulo suo et Optimatum suorum signavit: et ut liberum ab omni hominum jure indivulsumque maneret, ei contradidit. Dixitque Rex circumstantibus: Quod me videritis facere, facite. Et accessit, et coromendavit se capillo capitis sui S. Germerio: et similiter omnes fecere. Et osculatus est eum Rex et valedixit. Beatus autem Germerius iter nuper arreptum aggreditur, data Regi benedictione: comitabatur vero eum multitudo populi quo minus quatuor millia, cum gaudio magno. Tum Sanctus cum lacrymis dixit eis, Pax vobiscu, Fratres, et perseverate in fide quam coepistis, et revertimini ad ædes vestas, et Dominus sit semper vobiscum: 8c reversi sunt cum gaudio.

8. At S.Germerius migravit in Tolosanas partes, et opus sui officii ministrando intravit in civitatem. Cognovit autem ilium populus, et sequebatur eum per omnes ecclesiarum orationes. Venit autem ad S. Saturnini ecclesiam, omnia ilia quæ curæ [suæ commisisa] erant circumiens loca: et reversus est in domum suam, in qua omnia dimiserat; et venerunt famuli dicentes: Jam diu nos dereliquisti, sed amodo te nobiscum manere optavimus: at ille gaudens renuntiavit illis utcumque de bonis quæ secum attulerat. Dulcidius vero et Pretiosus ostenderunt ei omnes thesauros et supellectilem quam eis crediderat, et agnita iterum retulerunt in thesauris suis. Gaudebat autem plebs auditio adventu S. Germerii, et ipse annuntians verba

salutis eos ad Confessionem incitabat, et omnes ægrotos illico sanabat. Et pergens in possessionem Ducorum, quam ipsi Rex donarat, evertit statuas idolorum quas ibi invenit, et ædificavit ecclesiam in honorem sancti Martyris Saturnini, cu tribus altaribus et consecravit eam. In cultu autem Dedicationis accensa sunt trecenta triginta luminaria cereorum vel candelarum: et Deus ea nocte multa fecit miracula per Sanctum suum Germerium, in claudis, cæcis et paralyticis, et præcipue septem leprosis: et fama illius crescebat in civitate Tolosana.

9. Gaudebant autem parentes ejus, quod Deus dignatus est sibi dare talem filium: et cum ad senectam pervenissent, solicitudine ingenti premebantur et preces fundebant pro filio. Cumque turbarentur, apparuit eis Angelus Domini, sospitatis filii sui confidentiam promittens: illi antem gavisi, egerunt Deo gratias pro filio et Angeli collocutione. Oravit autem Dominus Germerius et dixit: Domine Deus salutis meæ, obsecro te per clementiam tuam ut confirmes me tuo Spiritu principali: libera me de sanguinibus et. Postea cum esset in loco Ducorum ibi struxit monasterium, et consecravit altare in honorem S.Martini Confessoris et Pontificis. Omnes itaq; servos cunctamq; familia de aliis ad se collegit locis et omnia quæ de aliis acquisierat locis in Ducorum reposuit tabernis: et constituit super domum sua viros eteemosynas facientes. Ut autem ad praetermissa redeamus, cum adhuc Diaconus esset, multa per eum Deus fecit miracula: per oratione enim illius Deus uberrimum fontem manare fecit, et laurum siccum virescere: pro sua etiam simplicitate duos leprosos sanavit, a tribus hominibus signo Crucis demones ejecit, et in nomine Domini accensam domu extinxit.

10. Ipse autem Pontifex vixit jejunando, orando, eleemosynas dando per triginta sex annos, habens multos servos et ancillas. Diabolus vero, eum tentare volens, pestem in greges misit: et factum est ut unica nocte omnes perirent. Venerunt autem pastores cum lacrymis ut nuntiarent: ille autem lætus ait illis: Ploratisne peccata? aut de quibus fleris? Anne ignoratis, quod nos non sumus jam de mundo, et qui vitam habet, morte non est gustaturus? Non ergo nos oportet seculares habere divitias; quia qui odit seculum, diligit Dominum: quia ipse dixit: Nolite diligere mundum neque ea quæ in mundo sunt: talis enim tentatio ex diabolo est, et hæc pro

peccatis nostris periere: quia Dominus dedit, Dominus abstulit, sit nomen Domini benedictu. Et iterum plaga ista effecit ut omnes servi et ancillæ extinguerentur: et Sanctus contristatus est super mortuos usq; ad animam. Tunc dixit Pretioso et Dulcidio: Fratres, petamus ecclesiam S. Polycarpi Presbyteri, et oremus Deum constanter, ut ostendat clementiam suam. Et intrans ecclesiam induit cilicum, et conspersit se cinere; et perseveravit per triduum nec manducans nec bibens, cum fletu et lacrymis in oratione, gemens et tremens, Deumq; obsecrans, ut se a tribulatione superventa liberaret; et ut requiem daret defunctis, Sacrificium obtulit. Et cum oraret apparuit ei Angelus, dicens: Scias tuos deductos in Paradisum. Et gratias egit Deo, quod eum dignatus esset consolari, dicens: Rogo ut me adscribas cum Sanctis tuis. Discipuli autem sui dicebant illi lacrymabundi: Magister, cur non comedis, et tantum te affligis? Afferemus tibi escas. Responditque: Nec esurio nec sitio: propter enim diabolum tentatorem oportet nos perseverare in orationibus et in jejuniis Deus conteret ilium sub pedibus nostris, et omnia nobis prospere succendent. Et reddit a sunt illi omnia, quæ amiserat, cum foenore post multos annos; et post septem annos sanctissime occubuit. *Hic videntur desiderari plura miracula post mortem.*

11. Accidit autem et nostris temporibus, scilicet cum Miles, nomine Godefridus, Muratiensi castro egressus, negotii Magnatorum causa Bituricensem devenisset Comitatum, ob samam ejusdem anxium: qui ab Archiepiscopo honorifice est exceptus. Sequenti ergo nocte, cum se sopori dedisset et vigilaret, mutus est effectus. Et cum interrogaretur; quomodo id factum fuisset, aut quid sibi vilum fuisset: signis se nescire respondebat. Quod cum scivissent Sodales, Dei viro predicto retulerunt: hic autem tantam virrute habebat sanandi, ut plurimos signo Cruris sanitati restitueret. Quod cum ei nuntiatum esset, talari tectus chlamyde, et separatus a frequentia populi, deductus est: affligebar enim a circumstantibus, ita ut si loqui vellet eminentiora et tutiora loca peteret; Accedens igitur junxit se Militi, eum totis viribus ad loquendum compellens: et ut vidit nihil prodesse, signu Crucis opposuit, sanctificationis illu aqua aspergens, æstimans eum obsidentes obmutescere fraude. Cumq; adhuc nihil prodeste se cerneret, intellexit hanc non sui meriti esse virtutem: dixitque adstantibus, non ilium mereri sanitatem, afferens

eum esse totius flagitii principe. Vade, inquit, et te Patrono presenta alteri, et ibi sanaberis: conviatores autem ipsius hæc audientes reversi sunt ad propria.

12. Audientes autem hæc castrenses ipsius, et omnes affines terræ illius Domini ac Principes, actutum cum fletu obviam ei fuerunt: et interrogantibus cunctis manu pro voce respondebat. Cumq; ad sui mensuram facts esset papyrus, profectus est ad S. Germerium: ibiq; nocte ilia perlistens in vigiliis et obsecratione, non manducans nec bibens, a præcedenti die Veneris, qua vocem amiserat, usq; ad subsequentem Mercurii, qua coepit loqui. Illucescente auem die Clerici præsentes novenaria sacrificia pro eo obtulerunt: et cum perfusus fuistet aqua exorcismi, quam Clerici confecerant; cum paululum requiesceret, coepit S. Germerii precibus lingua loqui et Dominum magnificare. Accedens autem ad beatissimam glebam, oblatam summa cum reverentia stolam collo circumferens, genu flexo ait: Domine, memetipsum tibi, ante tuum altare et corpus S. Germerii, offero culpabilem: miserere mei. Et ipse cum duobus circumstantibus, tribus vicibus profectus est ad altaria: præterea cibum sibi afferri rogavit: et appositus est ei panis et vas plenum aqua, et manducavit, cum a quinque diebus non manducasset: et reversus est in patrium solum, applaudentibus cunctis ob tale factum. De supellectile vero duobus hospitalariis singula largitus est lectorum tegmina: supradicto etiam B. Germerii [corpori] opere sutorio et mirifico cortinas magni pretii contulit. Deinde vero monachi et loci procuratores omnia pulsare signa coeperunt, in laudem prorumpentes Dei, qui talia per servum suum Germerium operari dignatus est miracula.

Житие святого Гермерия

1. Во времена славнейшего короля Хлодвига¹²²⁶ мальчик Гермерий с рождения своими благочестивыми родителями воспитывался с такой заботой, что говорят, будто он в возрасте 3 года и 2 месяца уже достиг полного знания Священного Писания. С детства у него был заложен солидный фундамент, сверх которого никто не мог вложить ничего другого, кроме того, что было уже заложено, а именно таковой фундамент – Иисус Христос. И возрастила в нем милость семивидного Святого Духа, так что как Богу, так и людям был он любезен. И когда достиг юношеского возраста, он, упрежденный божественной любовью, оставил и родину, и родителей, пересек море¹²²⁷ и пришел в область Тулузы, намереваясь обрести стократное возмещение у Господа, с теми, кто оставляет все свое ради Христа. Два юных клирика связали свой путь с ним, из которых одного звали Плацидий, а другого Претиоз¹²²⁸. Одного из них св. Гермерий принял у святого источника, другого он ранее принял как управителя своих дел. [Предполагают, что Претиоз написал жизнь и деяния святого Гермерия много позже]¹²²⁹.

2. А благочестивый Гермерий ценился в Тулузе за добрый нрав: юноша с хорошим дарованием был всеми любим настолько, что он был окружен особой заботой: ему давали то, что было необходимо из пищи и одежды. Этот святой просил [отдавать] бедным третью часть от всего того, что предназначалось ему, и, когда две [остальные части] оставались у него, он, радуясь, благодарил Господа и всех жертвовавших ему добро. Когда он достиг законного возраста, Григорий, некогда святейший епископ, принял его на должность иподьякона в городе Сентонж. Потом, когда немного времени прошло, епископ провинции назначил его в пресвитерство Иконий дьяконом, где непрерывно и ревностно усердствовал в служении Богу, в бодрствовании, в постах, в милостынях и молитвах, и был украшен цветом добродетелей. И настолько ему была присуща добродетель помочь бедным, что часто беспокоился и говорил ранее упоминавшимся приятелям

Дульцидию и Претиозу: «Сыновья мои и братья, нужно, чтобы мы заботились о нуждающихся и раздавали бедным то, что Господь нам щедро дал, потому что так было написано: *блаженнее давать, нежели принимать* ¹²³⁰ ». И когда он был в должности дьякона, то через него Господь совершил много чудес, которые позже должны быть рассказаны.

3. Но через три года служения дьяконом к нему во время молитвы явился Ангел ярче солнца. И когда Гермерий, как обычный человек, испугался, Ангел сказал: «Не бойся, но знай, что ты вскоре должен держать путь в Аризит. Ведь там ты получишь должность епископа и от епископа Торноальда получишь епископское благословение». Тогда святой, преклонив колени в молитве Господу, произнес: «Господь Иисус Христос, Царь Славы и Добродетелей, услыши молитву раба твоего, потому что мои мысли и моя надежда на тебя, наполни мои уста медом Твоей сладости и прославления, потому что Ты – невидимый Господин великого замысла, *Ты восседающий на херувимах* ¹²³¹, правишь миром и царствуешь во веки веков. Аминь». Когда так завершил молитву и устроил все дома, вверив заботу о бедняках управляющему, последовал приказанию Ангела и начал путь в Аризит, взяв с собой клириков и ревнителей своей веры, а именно Дульцидия и Претиоза. И когда они шли по пути, повсюду, какая бы ни встречалась развилка, будь то в городах или даже в лесах, там пребывали они безо всякого беспокойства со стороны демонов и призраков. И так они, дойдя до города, пришли к церкви, где находился епископский трон. И там они нашли трех епископов, а именно Торноальда, Григория и Гермоальда.

4. Увидев его, [епископы] сильно обрадовались, преклонив колени, прославляли Господа, говоря: «Следует, чтобы мы восхвалили Господа и в свою очередь возвысили имя Его». А Гермерий, препятствуя, говорил: «Не следует, чтобы мужи такого положения подчиняли себя человеку, столь слабому». Епископы ответили и так говорили: «Нам, Отец, нужно чтить тебя, потому что ты избранный и велик перед Господом. После святого Сатурнина будешь епископом, и да пребудешь ты и да покровительствует тебе твой высший Отец до самой смерти!»

То место в его прибытие наполнилось наи приятнейшим запахом, и они дали ему в соответствии с обычаем благословение для вступающих [в сан]. Тогда раб Божий Гермерий, схватив себя за волосы (ведь это было древним обычаем), в присутствии тех же епископов обратил себя к святому алтарю и мощам той же церкви. И той же ночью остался в городе. На следующий день шедшие в храм пригласили его, чтобы он помолился, и сразу же после молитвы они вынесли пару стол¹²³², епископское одеяние с перстнем и посохом. Тогда они и рукоположили Гермерия в епископы. Ведь благочестивый проповедник был посвящен в звание священнослужителя и епископа почтеннейшим Торноальдом, согласно повелению ангела, в присутствии епископов Григория и Гермоальда. Тогда же вознесли благодарность Богу, что даровал такого епископа. Святой Гермерий посвятил мессу во славу наисвятейшей и неразделимой Троицы, распределяя благодарственную частицу¹²³³ всем с изъявлением благодарения Богу¹²³⁴. После того как месса была отслужена, епископ Торноальд с почетом принял его у себя дома. Они поели, постоянно благодаря за оказанную милость Бога. Все ранее упомянутые епископы упрашивали Гермерия, чтобы он соизволил остаться отдохнуть с ними перед отъездом, что он и сделал.

5. Когда дни Святых Даров прошли, он вернулся в область Тулузы, где ранее оставил дом и имущество. А когда он проходил через королевство франков, случилось так, что слава его распространилась вплоть до дворца короля Хлодвига. И король послал людей, чтобы те тщательно искали его, а когда найдут, то с почетом привели бы к нему. И было так, что, когда Гермерий проходил через город, ему было объявлено, что король желает его видеть. И он пошел к королю и приветствовал его смиренно. Увидев его, король обрадовался тому, что удостоился видеть такого священнослужителя, о котором слышал, что ему было 30 лет, когда его посвятили в епископский сан. Король спросил: «Кто ты? Откуда? Как твое имя?» Тогда Гермерий ответил: «При крещении был назван Гермерием, родился в городе Ангулеме, в детстве был послан в

область Тулусы для изучения грамоты, был иподьяконом в Сентонже, был назначен дьяконом в пределы Икония и был помазан на епископскую службу в Аризите, хотя и недостоин этого. Однако я полагаюсь на Господа». И ответил тогда король: «Всякий, кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится ¹²³⁵. Ты славный человек, и Дух Божий говорит в тебе».

6. И тогда Хлодвиг предложил Гермерию разделить с ним трапезу. Перед едой Гермерий благословил всю пищу, и, когда все начали есть, он раздал королю и принцессам освященные хлеба, и хотя они были сделаны из того же теста, что и другие, но им показалось, что эти хлеба были сделаны на небесах. И благодарения вознесли Господу и королю за то, что он позвал раба Божьего. И были они укреплены св. Гермерием в вере, и (все) упомянутые исповедовались ему в грехах. И говорил Гермерий верующим: «Други, покайтесь! Позаботьтесь делать то, что вы обещали Господу, чтоб не погибнуть на Страшном суде». Понял тогда король, что это был святой, и попросил его, чтобы он помолился за его душу, и сказал: «Проси у меня все, что в моих силах, и пусть мои рабы пойдут с тобой». Но ответил святой: «О король, ничего не прошу из того, что у тебя есть. Но прошу, чтобы ты пожаловал мне столько в области Тулусы, сколько с помощью господина нашего блаженного Сатурнина моя хламида сможет покрыть, для того чтобы под его крылом покоилось мое тело. Ведь я хочу, чтобы [Сатурнин] вслед за небесным Господином был мне помощником и защитником в области Тулусы». И ответил ему король: «Имей власть на 6 миль вокруг места, которое называют Дукс, и для погребения умерших столько, сколько имеет обыкновение пахать семь пар быков за день».

7. После этого он остался с королем на двадцать дней, и тот подарил ему много золота и серебра, всего 500 сиклей, золотые кресты, серебряные чаши с мисками, три посоха, обрамленные серебром и золотом, три покрытых золотом венца и столько же палий в золоте из тонкого виссона. Также король приказал составить грамоту о дарении владений и поставил на нее печать не только своим перстнем, но и перстнями своих

оптиматов. И передал ее Гермерию, чтобы это [дарение] сохранилось нерушимым и свободным от всех земных законов. И сказал король собравшимся вокруг: «Делайте так, как вы увидите, что делаю я!» Он подошел и вверил себя волосами своей головы святыму¹²³⁶ и так же сделали все. Король поцеловал его и попрощался. А благочестивый Гермерий, благословив короля, продолжил путь, которым прежде шел. Провожало же его на протяжении 4 миль множество людей с великой радостью. Тогда святой со слезами

сказал им: «Мир с вами, братья, упорствуйте в вере, как вы начали. Возвращайтесь к своим очагам, и пусть Господь всегда будет с вами». И они вернулись с радостью.

8. Гермерий пришел в область Тулузы и вошел в город, чтобы исполнить свои обязанности по должности. И узнал народ его и следовал ему во всех церковных молитвах. Пришел Гермерий и к храму Святого Сатурнина, обходя все те места, которые были предоставлены его заботе. И вернулся в свой дом, в котором ранее оставил все. И вышли слуги, говоря: «Уже давно ты покинул нас, но отныне мы желаем, чтобы ты остался с нами». А он, радуясь, рассказал им о том добре, которое он с собой принес. Дульцидий и Претиоз достали ему все сокровища и утварь, которые он вверил им и, показав их, убрали обратно в свои сокровищницы. Народ обрадовался, когда узнал о прибытии святого Гермерия, а сам же он, приветствуя их, вдохновлял всех к исповеди и всех больных тотчас же исцелил. Вступая во владение Дуксом, который ему король подарил, опрокинул статуи идолов, которые там нашел, и построил храм в честь святого мученика Сатурнина, с тремя алтарями, и освятил его. Во время освящения были зажжены 330 светильников из восковых и иных свечей. Той же ночью Господь благодаря своему Гермерию совершил множество чудес среди хромых, слепых, паралитиков и особенно среди семи прокаженных. И слава Гермерия возвысилась в городе Тулузе.

9. Его родители радовались тому, что Господь удостоил их подарить такого сына. И когда они уже приближались к старости, то очень тревожились за него и много молились за сына. И в то время как они волновались, появился им Ангел и внушил им

уверенность в спасении их сына. Они были обрадованы и возносили хвалу Господу за сына и за разговор с Ангелом. Гермерий же молился, говоря: «Господь Бог моего спасения, Ты снисходителен, и я прошу Тебя. Духом владычественным утверди меня и избавь меня от кровей, Боже ¹²³⁷ ». После этого он возвел монастырь в месте Дукс и освятил алтарь в честь святого епископа и проповедника Мартина. Поэтому он собрал и всех рабов и всю семью из других мест к себе, и все, что из других мест привез в Дукс, поместил в лачугу, и поставил перед своим домом мужей, раздающих милостыню. И, возвращаясь к тому, что не было рассказано, следует добавить, что, когда он был еще дьяконом, Господь при его помощи совершил множество чудес. Ведь благодаря его молитве Господь сделал, чтобы многоводнейший источник заструился, и сухое лавровое дерево зазеленело. Он даже излечил двух прокаженных и изгнал знаком креста из трех человек демонов, а также именем Господа потушил загоревшийся дом.

10. Сам епископ прожил, молясь, выполняя пост и давая милостыню, 36 лет, владея множеством рабов и рабынь. Безусловно, дьявол, желая атаковать его, послал чуму на стадо и сделал так, чтобы в одну ночь все стадо погибло. И пришли пастухи со слезами, чтобы известить [его]. Но он же спокойно ответил им: «Разве вы не оплакиваете грехи? Или о чем плачете? Или вы не знаете, что мы теперь не есть от мира сего, и кто имеет жизнь, тот не испробует смерть. Поэтому нам не позволено иметь светские богатства, так как кто не выносит мирское, тот почитает Господа. Потому что сам сказал: *Не любите мира, ни того, что в мире* ¹²³⁸, ведь таково есть испытание дьявола, и они погибли за наши грехи. Господь дал, Господь и взял, да будет имя Господне благословенно! ¹²³⁹ » И еще раз это бедствие пришло, и все рабы и рабыни умерли, и святой до глубины души опечалился над мертвыми. Тогда сказал Претиозу и Дульцидию: «Братья, отправимся же в храм святого пресвитера Поликарпа и будем безостановочно молиться Господу, чтобы он проявил свою снисходительность. И войдя в храм, он надел власяницу, и посыпал голову пеплом, и усердствовал три дня в молитве со слезами и плачем, без еды

и питья, стонал, трепетал и умолял Господа, чтобы тот освободил от нахлынувших мучений. И чтобы он даровал умершим покой, он приносил жертву. И когда молился, явился ему Ангел, говоря: «Знай же, что твои были переселены в рай». И Гермерий возблагодарил Господа за то, что тот удостоил утешить его: «Я прошу, чтобы ты причислил меня к своим святым». Его последователи говорили ему, плачущему: «Учитель, почему ты не ешь и так расшатываешь себя? Мы принесем тебе еду». И ответил он: «Я не хочу ни есть, ни пить. Ведь из-за дьявола-искусителя нам нужно усердствовать в молитвах и постах. Господь низвергнет его к нашим ногам, и все у нас будет благополучно». И спустя много лет все было возвращено ему, что потерял, с приростом. А спустя семь лет он и сам умер.

11¹²⁴⁰. Случилось в наше время, что воин по имени Годефрид вышел из крепости Муратиенс, посланный по делам магнатов, пришел в область Буржа, встревоженную этим слухом. Он был встречен с почтением архиепископом. И следующей ночью, когда он уступил глубокому сну, а потом бодрствовал, он потерял дар речи. И когда его спрашивали, каким образом это произошло и что он видел, он отвечал знаками, что он не знает. И когда товарищи узнали об этом, то отнесли его к ранее упомянутому Божьему человеку. Тот обладал такой добродетелью лечения, что возвратил весьма многих к здоровью знаком креста. И когда ему было сообщено об этом, его в спускающейся до пят хламиде отделили от толпы народа и увеличили. Ведь ему докучали окружающие, и если он хотел говорить [с больным], то искал более спокойное место. Подойдя, он обнял воина, заставляя его всеми силами заговорить, когда он увидел, что ничего не помогает, он осенил его крестным знамением и окропил его освященной водой, полагая, что овладевшие им духи коварно молчат. И когда увидел, что до сих пор ничего не помогает, он решил, что это доброе дело не в его силах. И сказал стоящим рядом, что Годефрид не заслуживает здоровья, и сообщил, что Годефрид сам виноват в этой болезни. Иди, он сказал, если ты будешь

просить у другого Покровителя, там и будешь излечен. А его спутники, услышав это, вернулись в свои дома.

12. Его сослуживцы, все живущие на этой земле, а также знать, услышав об этом, вышли навстречу ему со слезами. И когда вместе спрашивали его, он отвечал движением руки вместо голоса. И когда для него достали папирус, он отправился к святому Гермерию. И там, этой ночью оставаясь в бодрствовании и мольбе, не ев и не пив от пятницы, в которую потерял голос, вплоть до среды, в которую начал говорить. И когда светало, молящиеся за него принесли девятеричную жертву. И был облит освященной водой для изгнания бесов. И когда немного отдохнул, он благодаря заступничеству святого Гермерия начал владеть языком и восхвалять Бога. Приблизившись к благочестивой земле, он с высочайшим почтением пронес вокруг пожертвованную столу на шее и, преклонив колени, сказал: «Господь, я жертвую себя самого, заслуживающего порицания, тебе возле твоего алтаря и тела святого Гермерия. Сжалься надо мной!» И сам с двумя приближенными три раза подходил к алтарю, а затем попросил приносить себе пищу. Хлеб был подан ему и полный сосуд воды, и он отведал пищу после того, как пять дней не ел. И вернулся в родной край, и все радовались такому событию. Из вещей он щедро раздал двум чужестранцам по одному покрывалу для кровати. Ведь когда рассказал удивительное деяние святого Гермерия, он внес драгоценные покровы. Затем монахи и управители места начали продвигать все знамения, устремляясь к хвале Господа, который таковые [знамения] удостоил чудом сотворить через раба своего Гермерия.

Примечания

¹ - Лебек С. Происхождение франков V-IX века / пер. с фр. В. А. Павлова – М., 1993. С. 86–89.

² - Солодовников В. В. Ранние Соборы: Меровингская Галлия VI- VIII вв. – М., 2004. С. 246.

³ - Мажуга В. И. Королевская власть и церковь во Франкском государстве в VI в. // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI-XVII вв. – Л., 1990. С. 48.

⁴ - Duchesne L. *Fastes épiscopaux de l'ancienne Gaule*. En 3 tomes. T. I. Paris, 1894. P. 290.

⁵ - FevrierP.-A. *L'organisation de la province; Apt, Frejus, Gap, Sisteron, Antibes, Toulon, Embrun, Digne, Vence // Topographie chretienne des cites de la Gaule des origines au milieu du VIIIe siecle, II, Provinces ecclesiastiques d'Air et Embrun (Narbonensis Secunda et Alpes Maritimæ)* / ed. N. Gauthier et J.-Ch. Picard. Paris, 1986. P. 70.

⁶ - *Vies Des Saints*. 1946. Т. IV. P. 500–501.

⁷ - *Les manuscrits gothiques de la Bibliotheque publique Saltikov-Czedrin de Leningrad // Труды*. Т. I (IV), 1957. P. 51.

⁸ - *Histoire littéraire de la France*. Paris, 1953. P. 44.

⁹ - TillemontL.-S., de. *Memoires pour servir a l'histoire ecclesiastique des six premiers siecles*. En 161. Т. VII. Paris, 1834. P. 561; 778.

¹⁰ - Dufourcq A. *Etude sur les Gesta Martyrum remains*. En 51. Т. II. Paris, 1900 [reprint 1988]. P. 279.

¹¹ - «...Invenio virum multis iam temporibus dormisse in Domino» (V. Mar. Præf.).

¹² - «Et velut: his diebus...» (V. Mar. III, 17).

¹³ - *Gallia Christiana novissima*. Т. I. P. 17.

¹⁴ - Ibid.

¹⁵ - Ibid. P. 39.

¹⁶ - *Les anciens manuscrits latins de la Bibliotheque Publique de Leningrad. I. V VII siecles*. Ed. par O. Dobias-Rozdestvensky //

Analecta mediæ ævi. Cep. IV. Occidentalia. Jl., 1929. Вып. 3. 64. Р. 79–85.

¹⁷ - В настоящее время конволют объединяет такие произведения: Vita sancti Fulgencii et Epistilæ Ferrandi; Vita Sanctorum Marcellini, Appolinaris, Dyonisii, Rustici et Eleutheris; Venatus Fortunatus, Vita sancti Germani parisiensis; Vita sancti Audomari.

¹⁸ - Verzeichnis der Handschriften der Stiftsbibliothek von St. Galien, Halle, 1875. S. 168.

¹⁹ - Bischoff B. Frühkarolingische Handschriften und ihre Heimat// Scriptorium XXII, 1968. P. 312.

²⁰ - Verzeichnis der Handschriften... S. 187–188.

²¹ - Catalogue general des manuscrits des bibliothèques publiques de France. En 52 t. T. XII. Orleans. Paris, 1889. P. 173–178.

²² - patrocinio] patrocinium P ante corr.

²³ - quanto] quantum P ante corr.

²⁴ - suffragator] suffragatr P ante corr.

²⁵ - gratia] gracia P ante corr.

²⁶ - effulgere] elecere P ante corr.

²⁷ - miraculis] miracula P ante corr.

²⁸ - postolat] postulat

²⁹ - proficient] proficiat P ante corr.

³⁰ - deputanda] depotanda P ante corr.

³¹ - sunt] sint P ante corr.

³² - responsum] responsi P ante corr.

³³ - lector] lectoris red.

³⁴ - Parcat] Parat P ante corr.

³⁵ - adeat] audiat P ante corr.

³⁶ - constitutus antistes nec infimis] constitutus B constituitur P ante corr. , constituitur antistes nec infimis G1, G2.

³⁷ - Is] His P.

³⁸ - demonum] dæmonum P.

³⁹ - foedaverat] fedaverat P, G2; fædaverat O.

- ⁴⁰ - laboris P post corr. O, G1, G2; labores B.
- ⁴¹ - errore] errane P; errone O.
- ⁴² - deprehenderet] deprehenderit P ante corr., O, G1 G2; deprehenderet P post corr.
- ⁴³ - prædicationum] prædicationis O.
- ⁴⁴ - veritatis] a virtutis B.
- ⁴⁵ - luminis] lumen O.
- ⁴⁶ - ac illo G1, G2; ac illi et O; ac ille P ante ; ac B.
- ⁴⁷ - repugnatur B; repugnator P post corr.
- ⁴⁸ - inconsulto P, O; inconsulis B, G1, G2.
- ⁴⁹ - sacratissimos B; sacratissimes P post corr.
- ⁵⁰ - operari B; operare P, G2 ante corr.
- ⁵¹ - portu cum B; portum P; portu G1, G2.
- ⁵² - navi] navem P, G1, G2.
- ⁵³ - solvissent] solvisset B.
- ⁵⁴ - castrum] castrorum P ante corr.
- ⁵⁵ - Et exinde P, G1, G2; Et inde O; Exinde B.
- ⁵⁶ - imbuti P, O, G1, G2 ; imbutam B.
- ⁵⁷ - diversa] verbi G2 post corr.
- ⁵⁸ - divina] semina add. P; diversa divina] om.. O
- ⁵⁹ - imbutam – etc.] imbuti verbi divini semina aratri G1, G2 post corr.
- ⁶⁰ - cultura G1, G2.
- ⁶¹ - iactus] actu P ante corr.; actus P post corr.; iactu O, G1; iactum G2
- ⁶² - sancti – etc.] saluti sero serebant P post corr.
- ⁶³ - velut] veluti G1, G2.
- ⁶⁴ - tonitruo] tonitruum O.
- ⁶⁵ - adhortatione G1, G2 post corr.adoratione P; adortatione P post corr.; adoratione O ante corr, G2 ante cor.; adortatione O post corr.
- ⁶⁶ - multosque P ante corr. O G1 G2; multos B, P post corr.
- ⁶⁷ - abscinderent B; abscederent P, O, G1, G2.

68 - novellam] frugem add. B.

69 - operarii] segetem add. P post corr.

70 - Alpinam villam G1 post corr.] Alpinam illam B; Alpina illa O.

71 - vocatur] vocantur O.

72 - maritima] maretam P, G2 ante corr.; maritima O.

73 - crediderent] crederint P; crediderint G1, G2 post corr.;
credederen G2 ante corr.

74 - expetendam] expenda O ante corr.; expetenda O post corr.

G1.

75 - ad locum istum P post corr., O post corr, G1, G2 post
corr.; loco isto P ante corr., O ante corr, G2 ante corr.; ad locum
hunc B.

76 - de add. P.

77 - numquam] non O.

78 - numquam irritis] irritis numquam G1.

79 - hic] hinc O.

80 - præbuerint] præbuerunt G2.

81 - sufficit] suffecit G2 ante corr.

82 - quæ] que P ante corr. G2 ante corr.; quæ corr. P post corr.

83 - mandavit memoria] memoria mandavit B.

84 - loquuntur] loquntur G2.

85 - Primum P, G1, G2; Primo B, O.

86 - ibi P, G1, G2; ubi B, O.

87 - die ac nocte G1; dicce G2 ante corr.; diecce (= due ac ?)
nocte G2 post corr.

88 - in psalmis – etc.] om.. G1, G2.

89 - procedebat P, G2; procedit B, O, G1.

90 - beatam] om.. O.

91 - iuniis] ieunius G1, G2.

92 - et non parvus] et parvis O.

93 - cotidie G1, G2

94 - quotidie livor] cottidie labor P; quotidie livor O; quotidie libor
G1, G2.

95 - sæculi] add. P, O, G1, G2.

- ⁹⁶ - deliciis] diliciis G2.
- ⁹⁷ - et] in P, G1 ante corr. G2; et in G1 post corr.; om.. O.
- ⁹⁸ - illorum] vero add. O
- ⁹⁹ - aspectu G1, G2 post corr. (?)
- ¹⁰⁰ - divinam gratiam G1, G2 post corr.; divinæ gratiæ P, G2 ante corr. (?).
- ¹⁰¹ - de Apostolis cecinit David P.
- ¹⁰² - exivit P.
- ¹⁰³ - postulant; postulabant; P post corr.
- ¹⁰⁴ - implere G1, G2.
- ¹⁰⁵ - esset] est P.
- ¹⁰⁶ - quod]quot O.
- ¹⁰⁷ - a] ad P ante corr.
- ¹⁰⁸ - Qui cum – etc.] P post corr.
- ¹⁰⁹ - tamen] tandem P post corr.
- ¹¹⁰ - Æcclesiæ] Ecclesiæ G1, G2.
- ¹¹¹ - peculiaris] pæcularius P, G1, G2.
- ¹¹² - quæ] que P G2 ante corr.
- ¹¹³ - rara P post corr. G1, G2; raro P ante corr.
- ¹¹⁴ - fide] fidei O post corr.; fidem (?) O ante corr.; fede G2 ante corr.
- ¹¹⁵ - pullulante] pullulantem (?) O ante corr.; pullolante G2 ante corr.
- ¹¹⁶ - Ecclesias G1, G2; Æcclesiæ P ante corr. O; Æcclesiæ P post corr.
- ¹¹⁷ - per] ac P, G1, G2.
- ¹¹⁸ - singulas] singule P ante corr.; singulas corr. P post corr.; singulæ O.
- ¹¹⁹ - prædicta] prædicta (?) G1.
- ¹²⁰ - Ligorum] Ligorum P ante corr. O; Ligurum corr. P post corr. G1, G2.
- ¹²¹ - solatio G1, G2; solacio P; solacium O.
- ¹²² - ÆEmilianum, Valentinianæ] Emilianum, Valentiniane O; Emilianum Valentinianæ G1; Emilianum Valentinæ.

- 123 - ascivit] adscivit P, G1, G2.
124 - indicans] indecans G2
125 - quæ] quem P ante corr.
126 - virtutum] virtutis O.
127 - assidue] adsidue P, O, G2 ante corr.
128 - publicant publicabant P, G2 post corr.; publicabantur O;
publicabant G2 ante corr.
129 - adiciens P, O, G1, G2.
130 - pontificatus] pontifiatus G2 ante corr.
131 - gratiæ P, G1, G2.
132 - cumulandum] copolandum P ante corr. G2 ante corr.;
copulandum P post corr. G1, G2 post corr.
133 - pontificatus] episcopatus P, O, G1, G2.
134 - provectus] profectus P ante corr, G2 ante corr.; proectus
G1 ante corr.; prufectus (?) G2 post corr.
135 - impositioni] inpositione P ante corr.;inpositioni P post corr.,
G2; impositioni G2 post corr.
136 - consonis] cumsonis P ante corr.
137 - vocibus] vocebus G2 ante corr.
138 - pontificatus] fecatus G2 ante corr.
139 - ut] et P ante corr.
140 - cotidie P, O, G1, G2; quotidie B
141 - participaretur] parteceparetur G2 ante corr.
142 - quadam] quam P ante corr.G2 ante corr.; propter que P
post corr.
143 - oblivione] obligationem P; obligatione O, G2.
144 - pene] poene P, G1, G2 post corr.
145 - Dinientium] ebredunensium add. O; Diniensium G2 post
corr.
146 - salvaverunt P; G1, G2; salvaverant B, O.
147 - Domininus] Dominus G1 ante corr.
148 - commemoratur] commemorator P ante corr.
149 - usque] om. O.
150 - hodiernum diem] odiernum P ante corr. G2; hodiernum G1.

- 151 - eiicintur] eiiciuntur P, O; eiciuntur G1, G2.
- 152 - trina] unaque add. P, G1, G2.
- 153 - ut] et P, G1, G2.
- 154 - Trinitas] Unitas Dei G1.
- 155 - tres] tribus P, G2.
- 156 - connectit] conexit P post corr.; conectit G2 ante corr.;
conexis G2 post corr.
- 157 - sanctitatis – etc.] sanctitatis efficeret caput O; sanctitas
inde efficerit caput G1; sanctitas inde effecerit caput G2.
- 158 - igitur] quidem ante corr. P, G2; denique P post
corr.; quoque O.
- 159 - antestitem] antistitem O, G1, G2 post corr
- 160 - Ebreduni] Ebreduno P; Ebridunense O.
- 161 - relinquentes] et add. P post corr
- 162 - minoris meriti] minores mereti G2 ante corr
- 163 - iudicabant] iudicantes P ante corr, G1 ante corr. G2;
iudicantes dicebant P post corr
- 164 - iudicabant] tamen add. P, O, G1, G2
- 165 - nec] non P post corr
- 166 - alio] alium P ante corr, G2 ante corr
- 167 - comitari] cometari P ante corr, G2 ante corr.; ire in
cometatum P post corr.; comitari P post secundam corr.; comitare O
ante corr.
- 168 - plenitudo ad integrum] ad integrum plenitudo P, G1, G2.
- 169 - manebat] maneret P post corr.; manebit O ante corr.
- 170 - nisi] visi O, G1, G2.
- 171 - alloduitur dicens] alloqui non desinebat dicens P ante corr.,
G1; alloqui dicens P post corr.; alloqui non sinebat; alloqu...
desenebat dicens G2 ante corr.; alloqui desinebat dicens G2 post
corr.
- 172 - filii] fili P ante corr., G2 ante corr.
- 173 - præceptum] preceptum G2.
- 174 - poenitentiam] pænitentiam O; penitentiam G2 ante corr.
- 175 - remissionem] remissione P ante corr.

- 176 - commeatu] cometatum P ante corr.;comitatu P post corr., G1, G2 post corr.;comitatum O; commetatu G2 ante corr.
- 177 - Domini] Domino O ante corr.;in Domino O post corr.
- 178 - ut] om. O.
- 179 - nos] om. O.
- 180 - nullatenus] nullatenos O post primam corr.;nulla O post secundam corr.
- 181 - dispensatio] dispesatio O ante corr.
- 182 - Cumque] ille add. O
- 183 - possent] possint P ante corr.
- 184 - dicto] dicta P ante corr.;dicentes ei P post corr.
- 185 - est] om. G2.
- 186 - Iam] vero add. P post corr.;iamque O.
- 187 - statuit add. G1 G2
- 188 - conversati P ante corr.G1 G2; conversatu P post corr.
- 189 - ibi – etc.] ibi factus est conversari P.factus; visus O;
- 190 - factus est] om.. G1, G2.
- 191 - agnus] agnos P ante corr.G2 ante corr.
- 192 - ac] om. P post corr.
- 193 - assidue] adsidue P ante corr.G2.
- 194 - hanc] han O ante corr.
- 195 - dictam] dictum P ante corr.
- 196 - sufficiat] suffitiat G2.
- 197 - civitas illa P, G1, G2.
- 198 - cæremoniis] ceremoniis G1, G2 ante corr. , ceremoniis G2 post corr.
- 199 - tanta] ita P, O, G2.
- 200 - præditus] prædictus P ante corr.
- 201 - astutiam] astuciam G2.
- 202 - evenit O; contigit G1, G2.
- 203 - ut] at qui O ante corr.; ut qui O post corr.
- 204 - convivias – etc.] om. O.
- 205 - evocati] evoca O ante corr.

- 206 - cum om. P, O, G1, G2.
- 207 - provocans P ante corr. O, G1, G2; provocat P post corr.
- 208 - fastideret] fastidere P ante corr.; fastidit P post corr.;
fastidire O.
- 209 - dæmonum] demonum P, G1.
- 210 - participari] particepari G2 ante corr.
- 211 - ceteris] cæteris G2.
- 212 - aggregari] agregare P ante corr. G2 ante corr.; adgregare
P post corr.; adgregari O; aggregare G1, G2 post corr.
- 213 - ac om. P post corr.
- 214 - primum] inter reliqua eum voce add. P, G2 ante corr.; inter
reliquum vocum (?) add. O ante corr.; inter reliquum coetum (?)
add. O post corr.; inter reliqua hac eum voce add. G1, G2 post corr.
- 215 - inquit] inquid O, G2 ante corr.
- 216 - acceperimus] acciperimus P ante corr.
- 217 - gentilibus] gentibus O.
- 218 - mihi mirum P, O.
- 219 - Deo G1, G2.
- 220 - civitas] civitas G1 ante corr.
- 221 - permanere] decem (?) G1 post corr.
- 222 - hæc] id P, G1, G2.
- 223 - diceretur P ante corr.; dicitur corr. P post corr.; dicens (?)
G2 ante corr.
- 224 - responsum P post corr.; responsi G1, G2.
- 225 - Multa] Muta O ante corr.
- 226 - quæ] que G2 ante corr.
- 227 - nisi G2 post corr.
- 228 - aliquid] aliquid O ante corr.
- 229 - feceris] faceres P post corr.
- 230 - poteris] poteres P.
- 231 - Apollini] Apolleni G2 ante corr.
- 232 - urgente] urguente P ante corr. O G2.
- 233 - diabolio] diaboli P, G1, G2.

- 234 - prorupissit P ante corr., G2; prorupisset P post corr., G1.
- 235 - fere] ferre (?) P ante corr.; fere corr. P post corr.
- 236 - convivium P, G1, G2.
- 237 - obtulisset] obtulissit P ante corr.; obtulisset; optulisset G1 ante corr., G2.
- 238 - corr.uens] currens totum G2.
- 239 - comminuitur] commin... P ante corr.; comminutus est P post corr.; comminuit G1.
- 240 - fragmenta] framenta P ante corr.; fragmenta P post corr.
- 241 - pallens G1; palle P ante corr.; palla P post corr. G2. (?).
- 242 - minister, inquam, ille G1; minister ille, inquam P ante corr.O, G2.
- 243 - tuæ] inquit add. G1 post corr.
- 244 - Marcellinæ] Marcelline G2, P.
- 245 - resolidare] resoledare G2 ante corr.
- 246 - potueris] poteris O.
- 247 - quod] que P post corr.
- 248 - quod ea quæ G2 post corr.;quod ea que G1, G2 ante corr.;ea quod P, O.
- 249 - fabula refert G1, G2 post corr.;fabula fert P, G2 ante corr.;ferunt (?) fabulæ si O.
- 250 - ait] om. P, G1, G2.
- 251 - perfidia O, G1, G2.
- 252 - defuturam] differd (?) O.
- 253 - hac] ac G2 ante corr.
- 254 - minister] menister G2 ante corr.
- 255 - sancto om. P.
- 256 - obtulit] optulit O; obtullit G2.
- 257 - cunctis] om. O ante corr.
- 258 - insensibilia] insensebilia G2 ante corr.
- 259 - obediunt] oboediunt P, O, G1, G2.
- 260 - solidum P post corr.G1.; soliduo P ante corr.
- 261 - particulæ] particula P ante corr.;particulæ corr.P post corr.G1, G2.

- 262 - illud] om. P, G1, G2.
- 263 - convivium] convivim O ante corr.
- 264 - ille] illæ O.
- 265 - cotidiano P, O, G1, G2 ante corr.; cottidiano G2 post corr.
- 266 - inquit] om. P, G1, G2.
- 267 - faceret] facerit P ante corr. G1, G2; faciet P post corr. O.
- 268 - non faceret noster] noster non facerit P, O, G1, G2.
- 269 - rediret] redierit P.
- 270 - cognosco] cognusco G2 ante corr.
- 271 - ære] æræ G2.
- 272 - certe sculpsit] certæ sculptit O.
- 273 - quæ] qui P.
- 274 - usque] usquæ G2.
- 275 - colui P, G1, G2.
- 276 - patiaris] paciaris G2.
- 277 - diutius] diotius G2 ante corr.
- 278 - inquit] inquid P ante corr. O ante corr. G2 ante corr.
- 279 - die] diæ G2 ante corr.
- 280 - quæ] que G2 ante corr.
- 281 - te desiderare P, G1, G2.
- 282 - die] diæ G2.
- 283 - maturius] matorius G2 ante corr.
- 284 - consecratus P, G1, G2.
- 285 - apostolici viri] apostolicis viris O ante corr.
- 286 - discipulus] discipulis P ante corr.; discipolus G2 ante corr.
- 287 - viro] vero P ante corr. G2 ante corr.
- 288 - indeficiens] indificiens P post corr.
- 289 - immense] enmense P ante corr.; immensæ O, G1, G2.
- 290 - dabat] dabit P.
- 291 - verbum] verbo P post corr.
- 292 - evangelizantibus] evangelizanzium P.
- 293 - virtutes multas P, G1, G2.
- 294 - ilium] illo P post corr.

- 295 - tamen] om. P, O.
- 296 - nullam iactantiam] nulla iactantia O; nullam iactanciam G2.
- 297 - stimulum] stimolum G2 ante corr.
- 298 - seminare] semenare G2.
- 299 - antiquus] antiquos P ante corr. G2 ante corr.
- 300 - Dei] ac add. G2.
- 301 - suis] om. O.
- 302 - viribus] rebus P ante corr.; virebus G2 ante corr.
- 303 - adscribebat P, O, G2; asscribebat G1.; non in illius ore nisi modolatio psalmorum add. P ante corr. G2; non in illius ore nisi modulatio psalmorum P post corr.;non in illius ore nisi modulatio psalmorum add.G1.
- 304 - illius] ilius O ante сот
- 305 - Christus] Christe G1.
- 306 - Ниццы.
- 307 - aliud] G1, G2 post corr. O Psalmorum etc...] volveret et a passu extension paululum civitate G1, G2
- 308 - Psalmorum etc...] volveret et a passu extension paululum civitate G1, G2 post corr.;a et passu extensiore paulum civitate O. aggerem] agerem P post corr.
- 309 - aggerem] agerem P post corr. mulio verendum] mulio verendo P ante corr.;mulum veredarius P post
- 310 - mulio verendum] mulio verendo P ante corr.; mulum veredarius P post corr.; mulio veredo G1, G2. O.
- 311 - properare certat] imperare certatur P ante corr.; portare cogeret P post corr.;imperare certatur G1, G2, O.
- 312 - evectio] evexio P ante corr. G2 ante corr.; evetio G2 post corr.
- 313 - igitur] equidem P, G1, G2. O.
- 314 - defecerat] deferat O ante corr.
- 315 - adreptum] arreptum P post corr.;G2 post corr.
- 316 - cervicibus] cervicebus G2 ante corr.
- 317 - Quem] Quod P ante corr.G2 ante corr.
- 318 - ille] dilla G2 ante corr.ilia G2 post corr.

- 319 - suscipiens] ferre add. P, G1, G2. O.
320 - ac ille] ad ilium P post corr.; ac illi G1, G2 post corr.
321 - illata] inlata O, G2 ante corr.
322 - coepit] cœpit P.
323 - Si] enim add. P, G1, G2. O.
324 - carnis] carnes G2 ante corr.
325 - alligare] allegare G2 ante corr.
326 - compunctionis] conpunctionis O.
327 - vinum... oleum] vino, oleo P ante corr. O, G2 ante corr.
328 - adhibuit] abibuit G2.
329 - ac] hac P ante corr.
330 - doctor] doctori G1, G2.
331 - onera] honera O.
332 - vehiculi] vehicoli G2.
333 - deferam] simulque add. P post corr.
334 - Et inter et his] Inter his G1, G2. ; Inter hæc et his O.
335 - dicens] canens dicebat P, G1, G2. O.
336 - ad civitatem] a civitate P, G1, G2.
337 - impositum] impotum O ante corr.
338 - famulum] famolum G2 ante corr.
339 - cogebantj agebant O
340 - eos – etc.] erat oportune G1, G2.
341 - instantibus] stantibus P ante corr.; adstantibus P post corr.
342 - fragilitatis] fragilitates G2 ante corr.
343 - accinctus] accitus P G2; adductus P post corr. G1.
344 - aquam] urinæ add. P.
345 - memorati £J memoratis P, G1, G2.
346 - sancti parientibus] pariectibus sancti P; parientibus sancti O; pariecibus (?) sancti G2.
347 - protinus] protenus G2 ante corr.
348 - virum] puerum P, O, G1, G2.
349 - refugiens] refugium P, G1, G2.

350 - oneraverat] honoravit P ante corr.; honoraverat G2 ante corr. (?)

351 - spiritualis] spiritalis P, O, G1, G2.

352 - onus] honus P, G2 ante corr.

353 - impositum fuerat] imposito P; impositum fuerat P post corr.; inpositum fuerat G2 ante corr.

354 - iacentibus] iacentis P, O, G1, G2

355 - universi] univers P ante corr.

356 - vestigia] vestigium P ante corr.

357 - omnimodis] omnemodis P ante corr.G2 ante corr.;omnimodis P ante corr.

358 - iniuriarum causas non rememorans] non iniuriarum causas rememorans P; O, G1, G2

359 - illesos] inlesos P ante corr. G1; illesos P post corr.;inlæsos O, G2.

360 - inquit] inquid (?) G2 ante corr.

361 - Dominum] Domino P ante corr.O, G1 ante corr.G2; Dominum P post corr.;Dominumque G1 post corr.

362 - supplicate erroris] erroris supplicates P ante corr.;erroris supplicantes P post corr.;erroris supplicate Opost corr.G1, G2 post corr.;erroris supplicante O post corr.;erroris supplecate G2 ante corr.

363 - hortor] ortor G2 ante corr.

364 - ne talia] nec alia O ante corr.

365 - iterum patiamini] repetatis et talia paciamini P ante corr.;repetatis ut talia paciamini P post corr.;repetatis et talia iterum patiamini O; irepetatis et talia patiamini G1, G2.

366 - Multæ] Multaque O; Multa G1; Multe G2.

367 - oblate] oblatæ G2

368 - oblate] pecuniæ] oblatæ peccuniæ O, G1, G2.

369 - quas] quod P ante corr.G1, G2; quas corr.P post corr.

370 - venentum – etc.] depreda diaboli respuens dixit P ante corr.G1, G2; venentum diaboli respuit dicens O

371 - aggerem] agerem P ante corr.G2 ante corr.;aggerem corr.P post corr.

- 372 - omnis] omnia O, G2
373 - erogari] erogare O.
374 - deberet] deberit P.
375 - deberet: sibi gratia] deberit: ille gratiam P ante corr.;deberet sibi gratiam P post corr.;deberet illi gratia O, G1, G2
376 - in eo] om. P post corr.
377 - collata] conlatam P; conlata O, G2.
378 - Multæ] Multaque O; Multa G1; Multe G2
379 - oblate] oblatæ G2
380 - oblate] pecuniæ] oblatæ peccuniæ O, G1, G2
381 - quas] quod P ante corr.G1, G2; quas P post corr.
382 - venentum – etc.] depreda diaboli respuens dixit P, G1, G2;
venentum diaboli respuit dicens O
383 - aggerem] agerem P ante corr., G2 ante corr.;aggerem P
post corr.
384 - omnis] omnia O, G2
385 - erogari] erogare O
386 - deberet] deberit P
387 - deberet: sibi gratia] deberit: ille gratiam P ante corr.;deberet sibi gratiam P post corr.;deberet illi gratia O, G1, G2
388 - in eo] om. P post corr.
389 - collata] conlatam P; conlata O, G2.
390 - superbior] soperbior P.
391 - advenit missa ab imperatore legatio quicum beato memoratumque virum P ante corr.;advenit missa ab imperatore legatio quæcum beatum memoratumque virum P post corr.;advenit missa ab imperatore legatio quicum beatum memoratumque virum O, G1, G2; memoratum beatum virum B.
392 - reperisset P ante corr.;repperisset P post corr.;repperissent G2; reperissent; B.
393 - consignatis P ante corr., G1, G2; consignatos P post corr.,
B
394 - veredos] veredis G1, G2

395 - consignatos – etc.] consignatus veredis custodire P; consignatos veredos ei custodire P post corr.; consignatos ei veredos custodre O; consignatis veredis custodire G1; consignatis ei veredis custodire G2.

396 - flagello] flagellatur O

397 - quod manu B; quod in mano P ante corr.,; quod in manu P post corr., O

398 - caderet] caderit G2.

399 - exciperet] exceperet P ante corr.;exciperet corr.P post corr.

400 - et] P ante corr., O ante corr. G1, G2; a P post corr.

401 - demone] dæmone O; doemone G1.

402 - hoc] oc G2 ante corr.

403 - instinctu] instinctum P ante corr.;instinctu P post corr.

404 - præsumserat] presumpserat G1, G2.

405 - ac] hac P

406 - coepit] cepit P.

407 - socii] sui add. G1, G2.

408 - fuiset] fuisset P ante corr.;fuiset P post corr.

409 - hanc] anc P ante corr.;hanc P post corr.

410 - pertulisset] pertulissit P ante corr.G2; pertulisset P post corr.

411 - didicerunt] dedicerunt P ante corr.G2 ante corr.;didicerunt P post corr.;dedicerant O.

412 - hunc] hanc O ante corr.

413 - At illi hunc] Ad illi non se hoc P ante corr., G2 ante corr.;At illi non se hoc posse P post corr.;At illi cum non O; At illi non se hoc G1, G2 post corr.

414 - placare – etc.] placare sua humilitare nitentesPante corr.;placare sua humilitare timentes P post corr.;se ibi hæc placerent O ante corr.;sibi hæc placerent O post corr.

415 - sua – etc.] om. O.

416 - antistitem] antestitem P, G2 ante corr.;antestitem P post corr.

417 - devotione] devocione P.

418 - precibus] præcibus G2.

419 - reniti – etc.] renite nec potuisse magis sed nec voluisset voluntate sanctam P ante corr.;renite nec potuisset sed nec voluisset P post corr.; reniteri non potuisset magis sed nec voluisset voluntate sanctam O; renitere (?) nec potuisset magis sed nec voluisset voluntate sancta G1, G2 post corr.;renitire nec potuisset magis sed nec voluisset voluntate sancta G2.

420 - fuerat] fuisse P post corr.

421 - pene] poene P, G2; pæne O

422 - ipsa – etc.] ipsa existitur penibus vita P ante corr.;exitio torpentibus vitam P post corr.;ipsa satis torpens vita O; ipsa extis torpentibus vita G1, G2.

423 - laxasset] lassassit P ante corr.;lassasset P post corr.,O; lassesseret G1; lassesceret G2.

424 - vocibus] vocebus G2 ante corr.

425 - coepit] cepit P

426 - suffecerat] sufficerat P, G2

427 - Africæ] Africe P, G2.

428 - finibus] finebus G2 ante corr.

429 - quietos P post corr.O, G1, G2.

430 - liceret] licerit P; liceret P post corr.

431 - paululum] paulolum G2 ante corr.

432 - diaboli] diabolum P ante corr.;diaboli P post corr.

433 - irrisisset] inrisisset P, G2 ante corr.

434 - percutiens] percutens P ante corr.;percutiens P post corr.

435 - immunde] inmunde P, G2 ante corr.

436 - elatus] elevatus O.

437 - cervices P, G1, G2 ante corr.

438 - hominis] homines P ante corr.;hominis P post corr.

439 - residere] resedere P ante corr.;residere P post corr., G2 ante corr.

440 - præsumis] præsumes G2 ante corr.

441 - Christi] om. P, G1, G2.

442 - famulo] famolo est om. O, G1, G2. P. G2 ante corr.

443 - ore] ei add. P post corr.

444 - proruperat] et add. P post corr.

445 - sermonem P, G1, G2

446 - foetore] fætore P, G1, G2 post corr.;fotore (?) G2 ante corr.

447 - statim] statem P; statim corr.P post corr.

448 - Christianum se] se Christianum P, O, G1, G2

449 - postulavit] postolavit G2.

450 - cum omnes] om. P, O, G1, G2

451 - omnes G1, G2; omnis add. P, O

452 - salutis] salutes G2 ante corr.

453 - coepit] cepit P.

454 - foetantibus] fetantibus P G2.

455 - Catholici] Catolici P G2 ante corr.;Catholicæ O

456 - ecclesiam] æclesiam O illius add. O; illam add. G1, G2

457 - quæ] qui G2 ante corr.

458 - posset] possit G1, G2

459 - est om. O, G1, G2. P.

460 - baptisterium] baptesterium G2 ante corr.

461 - omnimodis] omnemodis G2 ante corr.

462 - Hic fons] Ad hunc fontem quicumque P post corr.

463 - veridico] veredico P, O ante corr.G1 ante corr.;veredeco G2 ante corr.

464 - securus quia G1, G2. P ante corr.O; securus accedit P post corr.

465 - quæcumque] quicumque G2 ante corr.

466 - tides] fedes G2 ante corr.;eius add. P post corr.

467 - postulat] postolat P ante corr.G2 ante corr.

468 - impetrasse] inpetrasse P, G2 ante corr.

469 - gaudet G1, G2 ante corr.(?); gaudeat P, B.

470 - irriguus] inriguos P ante corr.G2 ante corr.;inriguus P post corr.O; irriguos G1 ante corr.;irriguus G1 post corr.

471 - assidue] adsiduo P ante corr.;assidue P post corr.;
assiduæ O; adsidue G2 ante corr.

472 - perpetuum G1, G2 post corr., perpetum P post corr.,
perpetuo P ante corr.B

473 - Talis] Tales G2 ante corr.

474 - Talis – etc.] Tales enim in argento non fulgit gratia, tantum
in manantibus aquis P ante corr.;gratia tantumque P post corr.;
exponctue post corr.P post corr.;Talis enim in argento non fulget
gratia, tantumque in manantibus aquis O; Talis enim non fulget
gratia, tantumque manibus quis G1; Talis enim non fulget gratia,
tantumque manentibus aquis G2 ante corr.;Talis enim non fulget
gratia, tantumque manantibus aquis G2 post corr.

475 - Cum] autem add. P post corr.

476 - sacram] sacræ O; sacre G2 ante corr.;illud add. P; ilia add.
P post corr.;

477 - Dominice] Dominicæ P, O, G1, G2

478 - septem] certe P; illis add. P, O, G1, G2

479 - diebus paschæ] pasche diebus P; paschæ diebus O, G1
post corr. G2 post corr.; pashæ diebus G1 ante corr.; pascæ diebus
G2 ante corr.

480 - in plenitudine sua] in plenitudinem suam P ante corr.; in
plenitudine sua corr. P post corr.] in plenitudine... (?) suam G2.

481 - octavo] octava O.

482 - minui prospicitur] minuere perspicitur P ante corr.] minui
perspicitur corr. P post corr.G1, G2 post corr.] prospecetur minui G2
ante corr.

483 - ipse] om. P.

484 - proveniente anno] veniente anno P, G1.

485 - sacratissimo latice] sacratissimus latices P; sacratismo
latice corr. P; sacratissimo latece G2 ante corr.

486 - qualibet] qualebit G2 ante corr.

487 - potandum P post corr.] potandus P ante corr.] potandum P
post corr.

488 - sitierit] sitierat P ante corr.] sitierit P post corr.

489 - sanitatem] sanetatem G2 ante corr.

- 490 - G1, G2, P (consensus codicum meliorum), morborum O (?) , B
- 491 - G1, G2, P, O
- 492 - vetus G1, G2.] vetera P ante corr.; veterus P post corr.] veterum O; vetus G1, G2.
- 493 - narrat] enarrat G1, G2.
- 494 - historia] storia P ante corr. G2 ante corr.] historia P post corr.
- 495 - veritatis P ante corr.] veritas P post corr.
- 496 - Quod cum P ante corr. O, G1, G2] Qui famulus Dei cum P post corr.] Cum B.
- 497 - a vicinis locis] ad vicina loca P
- 498 - cocurreret] concurrerit P ante corr.] concurreret P post corr.
- 499 - decimo] itaque add. G1, G2.
- 500 - lapide P, G1, G2
- 501 - cuius P, O, G1, G2,] cui B.
- 502 - Cosancio P, G1] Eusantio O; ConsantiO, G2. Consanctio B.
- 503 - minime P, G1, G2 post corr.] menime G2 ante corr.] non O, B
- 504 - et add. O, G1, G2, B
- 505 - perduxerit] loca add. B.
- 506 - confusionem non minimam] non minimam confusionem B
- 507 - quomodo] quando P, O, G1, G2.
- 508 - sine] signi P
- 509 - qua] quo P, G1, G2
- 510 - marinos fluctus] marinus fluctus P; marinos fluctos P post corr.
- 511 - Moyse P, G1, G2
- 512 - et add. P, G1, G2
- 513 - lucis P post corr. O, G1, B; luces P, G2.
- 514 - peregrina P, G1, G2

515 - calcarent ingressi] calarent P; calcarunt P post corr.;calcarent O; calcare decl... G1, G2.

516 - contra P, G1, G2; e contrario O, B

517 - inimicam pelago] inimica pelago gente P; inimicam gentem pelago G; inimicam pelago gentem G2; inimicam gentem pelago O, B.

518 - demersa P ante corr.;dimersa P post corr.;dimersam O ante corr.;demersam G1, G2. demersit ut B

519 - P post corr.

520 - præconio P post corr.G1, G2; præcunia P ante corr.;præconia O, B

521 - liberavit P (?), O, G1 post corr.;liberarit G1 ante corr.G2; liberarent B

522 - per] om. O, G1, G2

523 - nota] notam O

524 - filius P, G1, G2

525 - desidentibus] desinentibus O

526 - super G1, G2 add. P post corr.;om. P ante corr.B.

527 - solutos] solutus P ante corr.;solutos P post corr.;solidos B.

528 - sustenasti, ne quid posse G1, O; sustenasti ne quid posse G2; sustenas ne quid posse P ante corr.;sustentasque ne quid non posse P post corr.; om. P post secundam corr.;sustentasti, ut quid possit B.

529 - fidem dubitare persuades P ante corr.;fidem non dubitare persuadas P post corr.;om. P post secundam corr.;fedem dubetare persuades G2; fidem dubitare, persuaderes G2 post corr., O; fidem sustentare, persuaderes B.

530 - invicta tua dextera] invita tua dexeram P; invio (?) tua dextera P post corr.

531 - et gloria] om. O.

532 - illa om. G1.

533 - partibus aqua] partibus aque P; partibus aqua P post corr.O, G1, G2; partes aqua B.

534 - festivitatem eius dupli] om. O

- 535 - gaudiorum] gaudio O.
- 536 - Aprilium] coprilium G2.
- 537 - transmigratione veraciter excolatur] om. O
- 538 - octo] inquam O; inquit add. P. ante corr. G2 ante corr.; inquit add. G1 ante corr. G2 post corr.; hinc inquit add. G1 post corr.
- 539 - se] si G1, G2. O
- 540 - quando] minime in add. G1, G2 post corr. P, O ; mineme in add. G2 ante corr.
- 541 - Vulgata, Ps. 72: 23.
- 542 - 13 апреля.
- 543 - 20 апреля.
- 544 - perstrincxemus P ante corr.; perstrincxerimus P post corr.; perstrinximus Glante corr.; perstrinssimus G1 post corr.; perstrinxemus G2; perstrixemus B.
- 545 - et add. O, G1, G2.
- 546 - memorare] memorari O; diem add. P post corr., O. diem add. P post corr., O.
- 547 - diem add. P post corr.,
- 548 - etiam] iam O.
- 549 - penetraverent] penetraverint B, P.
- 550 - Cumque] Adque cum P ante corr. G2 ante corr.; Atque cum P post corr. O, G1, G2 post corr.
- 551 - assidue] adsiduæ O, G2 ante corr.
- 552 - Tunc P, O, G1, G2.
- 553 - ex] de O.
- 554 - illius] illis G1, G2. P, O.
- 555 - præerat] inerat P post corr.
- 556 - se add. P post corr.
- 557 - et] at P post сот; om. O
- 558 - vim – ius P post сот
- 559 - quotidiano] cotidiano P, O, G1, G2, ante corr.; cottidiano G2 post corr.
- 560 - quamquam] quandam P, O, G1, G2.

- 561 - ipsam] ipsa O.
562 - simili] simile O post corr.
563 - lateque P, O.
564 - percrebruit P, O, G1, G2.
565 - fidelibus] fedelibus G2 ante corr.
566 - et] om. O.
567 - Arrianorum G1, G2, P, O.
568 - tacere G1, G2, O.
569 - Cum] quædam add. O.
570 - iam ad civitatem] ad civitatem iam G1, G2; jam om. G2
post corr.
571 - hostilis] hostiles G2 ante corr.
572 - portas G1, G2, P.
573 - clauderent G1, G2. P, O.
574 - valedicturi] valedituri P ante corr.; valedicturi P post
corr.; vale-dictum O.
575 - omnis] omnes P.
576 - sexus] om. P ante corr. O, G1, G2; add. P post corr.
577 - ætatis G1, G2 post corr. O; ætates G2 ante corr.; et ætatis
B (?); ætas P ante corr.; ætas et P post corr.
578 - conditio] condicio O.
579 - sepulchrum G1, G2, P, O.
580 - amaritudine] amaritudinis G1, G2 post corr. O;
amaritudines G2 ante corr.
581 - et] om. G1, G2, P ante corr.
582 - anxietate] anxietae G2 ante corr.
583 - Implorare] inplorare G2.
584 - desinunt] desinuunt P ante corr.; desenunt G2 ante corr.
585 - tuis] tuos P ante corr.
586 - intercessione] at add. P post corr.
587 - tueri] tuere G1, O ante corr.; tollere P.
588 - alumnis G1, G2, P ante corr.
589 - periculis G1, G2 post corr.; pericolis G2 ante corr.

- 590 - Commove] Commove G2.
- 591 - allegatione G1, Pante corr.; alligatoione P post corr.
- 592 - inclytas] incliti P, O; inclyti G1, G2.
- 593 - tribulato] tribolat O, G2 ante corr.
- 594 - eum G1(?), G2, P, O.
- 595 - nobis – etc.] nobis non sunt semper O.
- 596 - inpediunt G1, G2, P, O.
- 597 - parvulorum] parvolorum G2 ante corr.
- 598 - auctore] autore G2 ante corr.
- 599 - auctore manente] autorem manentem P ante corr.;auctore manente P post corr.
- 600 - indigena] indigna P ante corr.;indigena P post corr.;indign G2 ante corr.
- 601 - peregrinus] peregrinos P.
- 602 - celebrata] cælebrata O, G2.
- 603 - ipsam] ipsa P ante corr.;ipsam P post corr.
- 604 - Sanguinis G1, G2. P, O.
- 605 - Dominici] Dominice P ante corr.
- 606 - ymbre G1, G2.
- 607 - lacrymarum] lacrimarum G2.
- 608 - in] om. O ante corr.
- 609 - commendatione] commendationem P ante corr.;commendatione P post corr.O.
- 610 - celebrata] cælebrata O, G2.
- 611 - operientes G1, P; opperientes P post corr.;appertentes (?) G2.
- 612 - horum G1, G2.
- 613 - obtinuerent G1, G2 ante corr.P post corr.;obtinuerint G2 post P post corr.;optinerant O.
- 614 - preces] præces G2 ante corr.
- 615 - quæ] qui G2 ante corr.
- 616 - præsulis] præsolis G ante corr.
- 617 - largiretur] lageretur P ante corr.; largiretur corr. P post corr.

- 618 - Et] Cum (?) G2 post corr. (?).
- 619 - monstrum] nostrorum P; monstrum G1; mostrum (?) G2.
- 620 - renovatum P ante corr. G2; renovatus P post corr.
- 621 - qui] om. P post corr.
- 622 - ecclesiæ] æcclesiæ G1.
- 623 - inundationem] inundacionem P.
- 624 - collata] conlata P, G2 ante corr.
- 625 - talis] tales P ante corr. G1 ante corr. G2 ante corr.
- 626 - extitit] extitant (?) O; extetit G2 ante corr.
- 627 - quæ] que P; qui G2 ante corr.
- 628 - miserandæ] meserandæ G2 ante corr.
- 629 - miserandæ matrum] miserandum matrem P ante corr.
- 630 - ignare] ignor O, G1, G2.
- 631 - ligaverat] legaverat G2 ante corr.
- 632 - deprimeris] depmeris P ante corr. G2 ante corr.
- 633 - quidni] qui P, O.
- 634 - ploratum G1.
- 635 - stimulis] stimolis G2 ante corr.
- 636 - excitaris] exceptaris P ante corr.; excetaris G2 ante corr.
- 637 - emitte G2, P, O; emitit G1.
- 638 - quæ] qui G2 ante corr.
- 639 - tempore G1, G2; tempora P.
- 640 - natatilis] natales G1, G2, P.
- 641 - condituri] G1, G2 post corr.; condeturi G2 ante corr.
conditori P ante corr.; conditoris O ante corr.
- 642 - exhibuit] exibuit G1 P.
- 643 - viridantis] veredantes P ante corr.; viridantis P post corr. O,
G1, G2 post corr.; viridantes G2 ante corr.
- 644 - olivæ] olivi G1, G2.
- 645 - In] om. O.
- 646 - hora] ora G2.
- 647 - a] ad P G2.
- 648 - basilica ipsa] basilicam ipsam P post corr.; basilica ipsi G1.

- 649 - egrederentur] ingredirentur P; egrederent G1.
650 - quæ] qui G2 ante corr.
651 - ædificio] ædefici O, G2 ante corr.
652 - superposita P, G2.
653 - commoveri] commovere O.
654 - in] om. P post corr.
655 - turbine] turbene P ante corr.; ter pene P post corr.;
turbene G2 ante corr.
656 - girum] giro G1, G2. P, O.
657 - convertere] et add. P post corr.
658 - fugam] fogam G2 ante corr.
659 - dubio] dubium P ante corr.; dubio P post corr.
660 - admonere] ammonere O ante corr.
661 - ostenderet] ostenderit G1, G2.
662 - mirantibus – etc.] om. O.
663 - contines] contineas P ante corr.; contenes G2 ante corr.
664 - virtutes] nempe id agis add. P post corr.
665 - quos iam antea tenebat redemptos add. G1, G2. P, O.
666 - et] om. P post corr.
667 - stemma] stimma P ante corr.; stigma P post corr.
668 - Crucis] Cruces G2 ante corr.
669 - reddiderat] reddederat G2 ante corr.
670 - nive] neve G2 ante corr.
671 - rutilancior] rutilantior O, G1, G2 post corr.; rutilancior P ante
corr.; ru- tilancior P post corr.; rutelantior G2 ante corr.
672 - a basilica ipsa egrediens super add. P, O, G1, G2.
673 - turrem] turrim P post corr.
674 - portæ O, G1, G2.
675 - aderat] adherat O.
676 - prebitura] præbetura G2 ante corr.; præbitura G2 post
corr.
677 - Illa – etc.] illa Domine curam Salvandæ G1, G2.; illam
Domine cura Salvandum P ante corr.; illam Domini cura ad

Salvandum P post corr.; illa Domine cura Salvandæ O.

678 - plebis] plebes G2 ante corr.

679 - impendat] inpendat P, O, G2 ante corr.

680 - quæ] qui P, G2 ante corr.

681 - te] ut add. P post corr.;ad add. O.

682 - alveum] alvei P post corr.

683 - sanctificaturum] sanctificatus P ante corr.O; sancrificares
P post corr.;sanctefecaturum G2 ante corr.

684 - his] illis G1, G2.

685 - ad] om. P arlte cot O, G2; add. P post cot

686 - usum dimissa] usu dimissa G2.

687 - consuetum] consuetudo G1; consueto G2.

688 - similis] similitudinis P ante corr.;similitudine P post
corr.;similes G2 ante com.

689 - comitatur] cometatur G2.

690 - cælestis] cælestes G2 ante corr.

691 - conditio] condicio P, O.

692 - hostium] ostium G2 ante corr.

693 - hostium – etc.] hostium tela pennis inserta G1; ostium tela
pennis inserta G2; ostium tele pinnis insite P ante corr.;ostium tela
pennis insita P post corr.;hostium telæ pennis insita (insitæ ante
corr.) O.

694 - volitarent] voletarent G2 ante corr.

695 - minime] mineme G2 ante corr.

696 - incassum] incasso O.

697 - proficeret] profeceret G2 ante corr.

698 - tela] incola P ante corr., G2 ante corr.; tela P post corr. G1,
G2 post corr.

699 - horæ] oræ G2.

700 - horæ spatium] ora (?) spaciun O; hora spatium P ante
corr.; oræ spatium G2.

701 - intercedebant] intercidebant O ante corr.

702 - ab] om. P, O, G1, G2.

703 - aderat] fuit O.

- 704 - serenoque] serenoquæ O.
705 - vibratos] vibratus P, G1, G2.
706 - madefaciens] madefactus P ante corr.; (made) facias P post corr.
707 - restinguebat] restinguaret G1, G2, P post corr. O; restinguuerit P ante corr.
708 - pharetræ] faretræ P, O; fareræ O ante corr.; paretræ G2
709 - itineralibus] itinerabilibus O.
710 - livor] labor G1, G2; libor P ante corr.; livor P post corr.
711 - ut] et P ante corr.; ut P post corr.
712 - se inibi] inibi O ante corr.; inibi se O post corr.
713 - gauderet] gauderit (?) G2.
714 - judicabitur] quod add. P. post corr.
715 - quadam P. ante corr.; quidam B, P. post corr.
716 - causa B, P. post corr.
717 - curso] cursu B, P. post corr.
718 - cum P. post corr.
719 - reperisset P. ante corr.; repperisset P. post corr.
720 - peccatorum B.
721 - succuseris P. ante corr.; succuseri P. post corr.
722 - aut om. P. post corr.
723 - nisi P. post corr.; si non B.
724 - paulolum P. ante corr.; paululum P. post corr.
725 - operiens P. ante corr.; opperiens P. post corr.
726 - his P. ante corr.; is P. post corr.
727 - redditum P. ante corr.; reddito P. post corr.
728 - falsa P. ante corr.; falsæ P. post corr.
729 - incredolis P. ante corr.; incredulis P. post corr.
730 - hii P ante corr.; hic P post corr.
731 - hi P ante corr.] hoc P. post corr.
732 - miracoli P ante corr.; miraculi P post corr.
733 - igitur add. P. post corr.
734 - tui illius P post corr.

- 735 - illo suo et innocentis tempore P post corr.
- 736 - corpuscoli P ante corr.; corpusculi P post corr.
- 737 - redemtum P ante corr.; redemptum P. post corr.
- 738 - quæ sumus B.
- 739 - Præsolis P. ante corr.; Præsulis P. post corr.
- 740 - immensum P ante corr.; immensissimum P post corr.
- 741 - occultis P ante corr.; occultatis P post corr.
- 742 - aliquod P ante corr.] aliquot P post corr.
- 743 - inquit annos P ante corr.; annos P post corr.
- 744 - adque P ante corr.; atque P post corr.
- 745 - Egipsia P ante corr.] Egiptiæ P post corr.
- 746 - delle P ante corr.; ille P post corr.
- 747 - subitum P ante corr.; subito P post corr.
- 748 - et cuius sit tempus requiras non ignorabitur nimen от P post corr.] si add. P post corr.
- 749 - adprehenco P post corr.
- 750 - licorem P ante corr.; liquore P post corr.
- 751 - ex eo add. P post corr.
- 752 - nefediori P ante corr.; nitidiore P post corr.
- 753 - cognuscatur P ante corr.; cognoscitur P post corr.
- 754 - matris P post corr.
- 755 - annos lactandi P post corr.
- 756 - mater eius in sepulchro memorati Antistitis devota mente proieciisset.
- 757 - P post corr.
- 758 - addatur P post corr.
- 759 - P post corr.
- 760 - adprehenco P post corr.
- 761 - P post corr.
- 762 - constructa manu ansam.
- 763 - strinxerat P post corr.
- 764 - ibi P post corr.
- 765 - peccata nobis P.

- 766 - Ut; Ergo P post corr.
- 767 - genus supplicii B
- 768 - extense B.
- 769 - adolescens P ante corr.;adulescens P post corr.
- 770 - præmotuos P ante corr.;præmotuus P post corr.
- 771 - pedum P post corr.
- 772 - per hunctus P ante corr.;perunctus P post corr.
- 773 - basilicæ memoratorum.
- 774 - opusculum P ante corr.;opusculum P post corr.
- 775 - quotidiano P.
- 776 - ablatum; ablatus P post corr.
- 777 - enim P post corr.
- 778 - usque ad mensem Martium; usque in mensem Martium P post corr.
- 779 - cui etiam manus usu ab ore erat; cum et iam et manus usus ab ore fuisset P post corr.
- 780 - P post corr.
- 781 - deberemus; curaremus P post corr.
- 782 - multas P.
- 783 - Sed nos ista scribere fides conpulit. Vos autem quæso P post corr.
- 784 - curiosissimos P.
- 785 - opusculum P ante corr.;opusculum P post corr.
- 786 - sensus P
- 787 - ut; P post corr.
- 788 - Finit P ante corr.
- 789 - Si mihi] inutile add. G2.
- 790 - ora] hora G2.
- 791 - possint] possent G2
- 792 - laudibus] laudes red
- 793 - fauces red.
- 794 - immensisque] inmensis G2.
- 795 - miraculis] miracolis G2

- 796 - gallus] gallens G2\ galii red
797 - similis] simul red.
798 - Reliquid] Reliquit P post corr.
799 - divicias] divitias P post corr.
800 - africanæ] africani G2.
801 - operibus] opibus G2.
802 - Inluxit] Luxit G2.
803 - radiens] radians red.
804 - civibus] c... G2.
805 - purgaret] purgarit G2.
806 - lavacrum] lavacri G2
807 - gratia] gracia (?) G2.
808 - spiritu] spiritui (?) G2.
809 - sacri] sacris G2.
810 - baptismi] batismi P post corr.; baptismis G2.
811 - tellus] tellure red.
812 - construxit] constrixit G2.
813 - arida] aridas G2.; aridæ
814 - salvum] salvam P. red.
815 - pens] cedens P post corr.
816 - apud] ad P2; aput G2
817 - Domino] Dominum P post corr. G2
818 - optimuit] obtenuit G2.
819 - aquibis] aquis P post corr.
820 - exelsi] exelsis G2.
821 - cosantione] = cessatione (?) (red.); cosartione (?) G2.
822 - acleta] aclita G2.
823 - Domino] Dominum P post corr.
824 - Divis] Dives P post corr.; Diviti red.
825 - rennuens] renuens red.
826 - pincerne] pincernæ red
827 - frangetur] frangit P post corr.
828 - vitrum] vidrum G2.

- 829 - solidans] soledans G2.
830 - tirandi] tiranni P post corr.; thyranni G2.
831 - puculum] puculi (?) G2.
832 - Provolutus] Provolutusque G2.
833 - vestigio] vestigie G2.
834 - sanctoque] sactique P post corr.
835 - oscolat] osculatur P post corr.; osculate G2.
836 - gracia] gratia G2.
837 - milex] miles P post, corr.; milix G2. miles red
838 - Xpisti] Christi red.
839 - Xpisti] Xpisto P post corr.; Christi red.
840 - presole] presule P post corr.; pressule red.
841 - diniensis] divinis red.
842 - refulgit] refulxit P post corr.; refulsit red.
843 - antestite] antistite P
844 - collegam] collegans G2.
845 - unigenite] unigenti G2.
846 - Finit] Amen secula (?) P.
847 - Епископом какой кафедры он был, остается

неизвестным. Исходя из того, что он присутствовал на соборе в 541 г. и был одним из викарных епископов Цезария, его кафедра могла находиться в Кавайоне, Симье (Ницца), Динь-ле-Бене или Риезе, так как только эти диоцезы не были представлены на этом соборе. А так как другие епископы всех этих диоцезов присутствовали на соборе в 549 г., то можно сделать вывод, что Вивенций к этому времени уже умер.

- 848 - Более подробно о структуре и авторстве текста см.
Klingshirn W. Caesarius of Arles. Life... P. 1–3.
849 - Филиппов И. С. Средиземноморская Франция в раннее Средневековье. С. 459.
850 - Klingshirn W. Caesarius Of Arles And The Ransomning Of Captives, P. 187.
851 - Житие Цезария, I, 1
852 - Там же, 1,41.

- 853 - Ссылка в Бордо (Там же. I, 21), прием у папы (Там же. I, 42).
- 854 - Либерий (Там же. II, 10), его жена Агреция (Там же. II, 15), Парфений (Там же. I, 49), Фирмин (Там же. I, 8).
- 855 - Сильвестр (Там же. I, 4), Порхарий (Там же. I, 5), Эоний (Там же. I, 11), Померий (Там же. I, 9), Евхерий (Там же. I, 47).
- 856 - Klingshirn W. Caesarius of Arles. Life..., P. 7.
- 857 - Так, например, один пассаж (Житие Цезария, 13) прообразом имел Библию, а некоторые (Там же. I, 27; II, 49–50) базировались на житии предшественника Цезария, святого Илария (Гонорат. Житие Илария, 18, 2 8 –2 9 //Арелатские проповедники V-VI вв. / пер. Д. Зайцева. – М. Империум Пресс, 2004).
- 858 - Житие Цезария, II, 24.
- 859 - Браун П. Культ святых: его становление и роль в латинском христианстве/пер. с англ. С. В. Месяц. – М.: РОССПЭН. 2004. С. 19.
- 860 - Аммиан Марцеллин. Римская история. XV, 11, 11 / пер. с лат. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни. – М.: Ладомир. 2005. С. 67.
- 861 - Корсунский А. Р, Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. – М.: Издательство Московского университета. 1984, С. 87.
- 862 - Житие Цезария, I, 3.
- 863 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. The Making... P. 18–19.
- 864 - Ешевский С. Аполлинарий Сидоний: Эпизод из литературной и политической истории Галлии V в. – М. 1855, С. 21–23.
- 865 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. The Making..., P. 89.
- 866 - Даже в тексте достаточно упоминаний об этом (Житие Цезария, I, 20; II, 8; II, 23).
- 867 - Мажуга В. И. Королевская власть и церковь во Франкском государстве, С. 49.
- 868 - Shanzer D., Wood I. Avitus of Vienne: Letters and Selected Prose. Liverpool. 2002. P. 6.

- 869 - Житие Цезария, I, 4.
- 870 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. The Making..., P. 22–23.
- 871 - Ibid. P. 20.
- 872 - Ibid. P. 23.
- 873 - Как минимум странно звучит: «Нам неизвестно, под чьим влиянием молодой Цезарий был избран на эту важную должность и какая оппозиция могла противодействовать его выдвижению» (Ibid. P. 30).
- 874 - Ibid.; Житие Цезария, I, 6.
- 875 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 30.
- 876 - Cassianus. De Institutis Coenobiorum, V. 9.
- 877 - Житие Цезария, I, 6.
- 878 - Там же, I, 7.
- 879 - Riche P. Education and Culture in the Barbarian West. P. 101–105.
- 880 - Житие Цезария, I, 10.
- 881 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 72–73.
- 882 - Ibid. P. 75–82; Riche P. Education and Culture in the Barbarian West, P. 91–92.
- 883 - Филиппов И. С. Средиземноморская Франция в раннее Средневековье, С. 459–460.
- 884 - Житие Цезария, I, 10.
- 885 - Там же, I, 11–12.
- 886 - Сиротенко В. Т. История международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI вв. – Пермь: Пермский университет. 1975. С. 223; Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи. С. 90.
- 887 - Григорий Турский. История франков, II, 32.
- 888 - Клауде Д. История вестготов / пер. С. В. Иванова. – СПб: Евразия. 2002. С. 57.
- 889 - Корсунский А. Р, Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи. С. 91.
- 890 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 84–85.
- 891 - Житие Цезария, I, 13.

- 892 - Dushesne L. *Fastes..*, I, P. 250. Более подробно об этом см. Klingshirn W. *Cæsarius of Arles*. P. 85–87.
- 893 - Pietri C. *Le Senat, Le people chretien et les parties du cirque a Romesous le pape Symmaque (498–514)* // *Melanges d'archeologie et d'histoire de l'Ecole Francaise de Rome*, Vol. 78. Paris. 1966. P. 136– 139.
- 894 - Ibid. P.131.
- 895 - *Liber Pontificalis // Le Liber pontificalis. Texte, introduction et commentaire*. 3 vols. / ed. L.. Duchesne, C. Vogel. Paris. 1955. T. I, P. 263.
- 896 - Житие Цезария, I, 14.
- 897 - За 100 лет до этого за неимением богатств так же, по мнению Э. Гиббона, вынуждены были действовать епископы британской церкви (Гибbon Э. Закат и падение Римской империи. В 7 т. – М.: Терра – Книжный клуб, 2008. Т. III, С. 487).
- 898 - Житие Цезария, I, 15. Подробнее о том же у Амвросия см.: Дуров В. С. *Латинская христианская литература III-V веков*. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2003. С. 69, 78.
- 899 - Klingshirn W. *Cæsarius of Arles*. P. 90.
- 900 - Житие Цезария, I, 20.
- 901 - Там же, I, 15.
- 902 - Там же, I, 17.
- 903 - Klingshirn W. *Cæsarius of Arles*. P. 92.
- 904 - Не совсем ясно, чем руководствовался У. Клингшерн, датируя это событие концом 504 – началом 505 гг. (Ibid. P. 93).
- 905 - Житие Цезария, I, 21.
- 906 - Корсунский А. Р., Гюнтер Р. *Упадок и гибель Западной Римской империи...* С. 90.
- 907 - Житие Цезария, I, 21.
- 908 - Там же, I, 29.
- 909 - Klingshirn W. *Cæsarius of Arles*. P. 94.
- 910 - Григорий Турский. *История франков*, II, 26.
- 911 - Корсунский А. Р., Гюнтер Р. *Упадок и гибель Западной Римской империи...* С. 145.

- 912 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 95.
- 913 - Ibid. P. 95, 96.
- 914 - Ruricius, Epistolæ, II, 33.
- 915 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 101.
- 916 - Cæsarius, Epistolæ, 3.
- 917 - Житие Цезария, I, 35.
- 918 - Там же, I, 48.
- 919 - Его некий родственник (Там же, I, 29) и, возможно, племянник Териций (Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 138–139) на эту роль, по-видимому, не годились.
- 920 - Wallace-Hadrill J. M. The Frankish church. Oxford. 1983. P. 60–61.
- 921 - Житие Цезария, I, 28.
- 922 - Там же, I, 29.
- 923 - Там же, I, 31.
- 924 - Там же, I, 29.
- 925 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 108–110.
- 926 - Исидор Севильский. История готов, вандалов и свевов, 37 //Античные и раннесредневековые источники по истории Испании/ пер. Ю. Б. Циркин. – СПб, 2006. С. 122; Клауде Д. История вестготов. С. 91–92.
- 927 - Житие Цезария, I, 32.
- 928 - Иордан. О происхождении и деяниях гетов, 302; Hodgkin T. The Barbarian Invasions of the Roman Empire. 3 vols. London. 1885. Т. 3, Р. 209.
- 929 - Cassiodorus, Variæ. III, 17, 38, 43; Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 111.
- 930 - Остатки Цезаравгустанской хроники, 510 // Античные и раннесредневековые источники по истории Испании / пер. Ю. Б. Циркин. – СПб: Филологический факультет СПбГУ. 2006. С. 110; Клауде Д. История вестготов. С. 92.
- 931 - Collins R. Visigothic Spain 409–711. Oxford. 2006. P. 41; Клауде Д. История вестготов. С. 93.
- 932 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 113–114.

- 933 - Житие Цезария, I, 28.
- 934 - Klingshirn W. Cæsarius Of Arles And The Ransomning Of Captives. P. 184–187.
- 935 - Житие Цезария, I, 32.
- 936 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 114
- 937 - Житие Цезария, I, 38.
- 938 - Klingshirn W. Cæsarius Of Arles And The Ransomning Of Captives. P. 194.
- 939 - Житие Цезария, I, 36.
- 940 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 124.
- 941 - Ibid. P. 125; Вольфрам Х. Готы / пер. Б. П. Миловидов, М. Ю. Некрасов. – СПб: Ювента, 2003. С. 449.
- 942 - Там же. С. 451.
- 943 - Vita Dalmatii episcopi Ruteni, 2 // MGH SSRM, T.3 / ed. B. Krusch. Berlin. 1896. P. 545.
- 944 - Житие Цезария, II, 10.
- 945 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 125.
- 946 - Житие Цезария, I, 37.
- 947 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 126.
- 948 - Житие Цезария, I, 38.
- 949 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 127.
- 950 - Cæsarius, Epistolæ, 7a.
- 951 - Ibid., 7b.
- 952 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 128.
- 953 - Cæsarius, Epistolæ, 6; Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 129.
- 954 - Сиротенко В. Т. История международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI вв. С. 115–116.
- 955 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 130; Солодовников В. В. Ранние Соборы: Меровингская Галлия VI-VIII вв. С. 247–248.
- 956 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles and the Ransomning of Captives. P. 197–198.
- 957 - Житие Цезария, I, 42.
- 958 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 132.

- 959 - Житие Цезария, 1,43.
- 960 - Там же, 1,44.
- 961 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 136.
- 962 - Cæsarius, Epistolæ, 18; Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 134.
- 963 - Григорий Турский. История франков, III, 5.
- 964 - Вольфрам X. Готы. С. 448.
- 965 - Прокопий Кесарийский. Война с готами, I (V), 12 / пер. С. П. Кондратьева – М.: Арктос – Вика-пресс, 1996. С. 61–62; Григорий Турский. История франков, III, 6.
- 966 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 137–138.
- 967 - Ibid. P. 139.
- 968 - Житие Цезария, I, 60.
- 969 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 140–141.
- 970 - Cæsarius, Epistolæ, 20. 1.
- 971 - Житие Цезария, I, 60.
- 972 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 144.
- 973 - Житие Цезария, I, 55.
- 974 - Там же, I, 57.
- 975 - Там же, I, 58.
- 976 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 138–139.
- 977 - Cassiodor, Variæ, XI, 1, 10; Вольфрам X. Готы. С. 448.
- 978 - Григорий Турский. История франков, III, 23.
- 979 - Avitus Viennensis. Epistolæ, 15 // MGH AA, T. 6,2 / ed. R. Peiper. Berlin. 1888.
- 980 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 247–248.
- 981 - Григорий Турский. История франков, III, 21–22.
- 982 - Прокопий Кесарийский. Война с готами, I (V), 13.
- 983 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 249.
- 984 - Ibid. P. 258–259.
- 985 - Житие Цезария, II 46, 48.
- 986 - Григорий Турский. История франков, IV, 48.

987 - Cæsarius. *Testamentum*; Remigius. *Testamentum* // MGH SSRM, T. 3/ed . B. Krusch. Berlin. 1896. P. 336–339.

988 - Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 252–254.

989 - Цезария (Младшая) – племянница Цезария, приблизительно с 525 г. настоятельница женского монастыря в Арле.

990 - О епископе Шалона Сильвестре (485–527) см. Duchesne L. *Fastes episcopaux de l'ancienne Gaule*. Paris. 1900. Т. II, Р. 192.

991 - Один из старейших монастырей на Западе, основанный святым Гоноратом в начале V в. на пустынном острове Лерен в Лазурном море, недалеко от Канн. Этот монастырь в то время был одним из крупнейших религиозных образовательных центров Галлии, откуда вышли знаменитые Фавст Риезский, Евхерий Лионский и Иларий Арелатский. Цезарий перешел из Шалона в этот монастырь в 488/89 г

992 - Порхарий известен еще благодаря краткому труду «Monita», посвященному монастырской жизни (Porcarius, Monita // Revue Benedictine, Vol. 26/ ed. A. Wilmart. Maredsous. 1909, P. 475–480.).

993 - Более подробно об обязанностях келаря см. Regula Benedicti, XXXI // Sources Chretiennes. Vol. 182 / ed. A. de Vogue, J. Neufville. Paris. 1972.

994 - Такая практика была присуща отшельникам Египта, но была отвергнута Кассианом как слишком суровая для галльских монахов (Cassian. *De institutis coenobiorum et de octo principalium vitiorum remediis*, V, 23// Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Vol. 17/ ed. M. Petschenig. Berlin, 1888. P. 80).

995 - Послание к Колоссянам святого апостола Павла 2,15.

996 - По мнению В. Клингшерна, Цезарий прибыл в Арль около 495 г. (Klingshirn W. Cæsarius of Arles. The Making of a Christian Community in Late Antique Gaul. Cambridge, 2004. P. 31, 71).

997 - Один из известнейших представителей Арльской аристократии того времени. Состоял в переписке с Сидонием Аполлинарием (Sidonius Apollinaris. *Epistulæ*, IX. I, 16 // MGH AA.

Т. 8 / ed. B. Krusch. Berlin. 1887) и Эннодием (Ennodius, *Epistulæ*, III, 7 // MGH AA. Т. 7/ ed. F. Vogel. Berlin. 1885), а также был другом Аполлинария, сына Сидония (Sidonius Apollinaris, Ep. IX. I, 5). Сидоний посвятил ему девятую книгу своих *Epistolæ*, Эннодий называл его ученым автором (Ennodius, Ep. I, 8).

998 - Возможно, родственница или жена Фирмина. О ней ничего больше неизвестно.

999 - Юлиан Померий – последователь Августина, получивший достаточную известность в Мавритании, впоследствии бежал от преследований вандалов в Арль. Автор нескольких произведений, самым известным из которых является «*De Vita Contemplativa*» (Pomerius Julianus. *De vita contemplativa* // PL. Т. 59 / ed. J.-P. Migne. Paris. 1862, P. 411–520). Он был наставником Цезария и оказал большое влияние на него и его церковную и проповедническую деятельность (Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 73–82).

1000 - Сам Цезарий в одной из речей называет свою медлительность (*segnitia*) причиной, по которой он не изучал науки, что кажется более правдоподобным (Cesarius Arelatensis. *Epistola Hortatoria*// PL. Т. 67 / ed. J.-P. Migne, Paris, 1863, P. 1136).

1001 - Епископ Арля Эоний (ум. 501/2) (Dushesne L. *Fastes episcopaux de l'ancienne Gaule...* Т. I. Paris, 1894, P. 250).

1002 - Вызывает большие сомнения, что никто не знал об их родстве и что это выяснилось только при их первой встрече. Этот эпизод был добавлен авторами в его жизнеописание, чтобы подчеркнуть, что Цезарий прибыл в Арль не для того, чтобы воспользоваться поддержкой своего родственника. Однако все последующие события лишь убеждают в обратном (Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 72).

1003 - Епископ Эоний захотел призвать к себе Цезария, находящегося тогда под властью аббата Леринского монастыря, в чем ему, хотя и неохотно, уступили.

1004 - Аббат мужского монастыря в Арле умер в 498/99 г.

1005 - Это могла быть как местная аристократия, живущая в загородных виллах, так и вестготские короли или их

администрация в Тулузе.

¹⁰⁰⁶ - Процесс избрания Цезария на епископскую кафедру произошел не так гладко, несмотря на все старания Эония. Цезарий был избран только в декабре 502 г., борьба за кафедру продолжалась от 4 до 16 месяцев. Древнейшие *fasti* Арльской церкви упоминают епископа Иоанна в промежутке между Эонием и Цезарием (Dushesne L. *Fastes*. T. I, P. 250). Естественно, авторы жития не упоминают об этом.

¹⁰⁰⁷ - Декабрь 502 г. О датировке этого события см. Klingshirn W. Church Politics and Chronology: Dating the Episcopacy of Cæsarius of Arles// *Revue des Etudes Augustiniennes*. Vol. 38. Paris. 1992, P. 84–85.

¹⁰⁰⁸ - Церковь Святого Стефана была кафедральной церковью Арля, на ее месте позже была воздвигнута церковь Сен-Трофим.

¹⁰⁰⁹ - Об этом проповедовал Цезарий: «Особо прошу и напоминаю, отцы, чтобы вы старались быстрее возвыситься к бдению, и верно пришли к Третьему, Шестому и Девятому» (Cesarius Arelatensis. *Sermones*, X, 4 // PL. T. 39 / ed. J.-P. Migne. Paris, 1845. P. 1760). Цезарий призывал клир петь гимны в богослужебные часы (Третий час (9–00), Шестой час (12–00), Девятый час (15–00)) в церкви Святого Стефана вместо практики делать это в доме епископа (Klingshirn W. *Cæsarius of Arles*, P. 92).

¹⁰¹⁰ - Само по себе это уже не было новшеством для Галлии, так как уже практиковалось во Вьенне и Оранже несколько ранее (Beck H. G. J. *The Pastoral Care of Souls in South-East France during the Sixth Century*. Rome, 1950. P. 117).

¹⁰¹¹ - То, к чему призывал Августин (Поссидий Каламский. Жизнь Августина, 2 4 // Аврелий Августин. Исповедь / пер. М. В. Грацианского, П. В. Кузенкова. М., 1972, С. 362–363) и что советовал ему Померий (Pomerius Julianus. *De vita contemplativa* I, 8, 13, Р. 426, 430). Диоцез Арля, как и другие, обладал земельными владениями, доход от которых шел на поддержку клира, ремонт и содержание церковных строений и помочь бедным.

¹⁰¹² - Схожее представление о «духовных врачах» можно найти и в проповеди Цезария (Cesarius Arelatensis. Sermones, CCCI, 5, P. 2323).

¹⁰¹³ - Евангелие от Матфея 13, 52.

¹⁰¹⁴ - Евангелие от Матфея 25, 20.

¹⁰¹⁵ - Книга пророка Исаии 6, 5.

¹⁰¹⁶ - Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла 9, 16.

¹⁰¹⁷ - Евангелие от Луки 11, 52.

¹⁰¹⁸ - «Пусть добрые отцы, воспитывая духовно их, направят все свои усилия на заучивание псалмов...» – Concilium Vasense II, I // Concilia Antiqua Galliæ, T. 1 / ed. J. Sirmond. P. 226). Этот собор произошел в 529 г. под председательством Цезария. Тот же призыв по отношению к крестьянину можно найти в проповеди Цезария (Cesarius Arelatensis. Sermones, CCXCVII, 3, P. 2315).

¹⁰¹⁹ - Пленники вверялись Церкви, чтобы обеспечить гарантию выкупа (Klingshirn W. Charity and Power: Cæsarius of Arles and the Ransoming of Captives in Sub-Roman Gaul // Journal of Roman Studies, Vol. 75. Cambridge. 1985, P. 201, n. 135).

¹⁰²⁰ - Этот отрывок присутствует только в одной рукописи (codex Paris., B.N. lat 5295). Некоторые исследователи приняли его за подлинный (Б. Крут, Д. Морин), С. Каваллин считает его интерполяцией (Cavallin S. Literarchistorische und textkritische Studien zur Vita S. Cæsarii Arelatensis. Lund. 1934. P. 101)

¹⁰²¹ - «И для того (Господь) захотел, чтобы бедные были, чтобы богатые имели возможность таким образом искупать свои грехи» (Cesarius Arelatensis. Sermones, CCCVII, 1, P. 2336).

¹⁰²² - Так как этот отрывок присутствовал только в одной рукописи (codex Paris., B.N. lat 5295), вопрос, о том является ли эпизод с освобождением от налогов Арльской церкви позднейшей интерполяцией, вызывал у исследователей некоторые сомнения, однако большинство признает его подлинным (Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 90). Сам факт освобождения от налогов подтверждается Цезарием (Cæsarius.

Testamentum, 8 // Sancti Ceasarii Opera Omnia, T. II / ed. G. Morin. Maredsous. 1942, P. 287).

1023 - Во время ссылки 505 г. он встречался с Руриццем Лиможским (Ruricius. Epistolæ, XXXIII // MGH AA, T. 8 / ed. B. Krusch. Berlin. 1887, P. 336).

1024 - Евангелие от Матфея 22, 21.

1025 - Послание к Римлянам святого апостола Павла 13.

1026 - Цитата с изменениями была взята из Евангелия от Матфея 5, 14

1027 - Обычным наказанием за это преступление по римскому праву была ссылка, что также нашло свое отражение и в законах самого Алариха II. Судя по всему, забить камнями Луциниана было решением толпы, а не приказом короля. Такая кара присуща скорее библейскому наказанию, что еще больше подталкивает на мысль о желании авторов приблизить этим образ Цезария к образу Христа, прощающего предателя Иуду (Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 96), с которым в этом же тексте и сравнивают Луциниана (Житие Цезария, 21).

1028 - «От иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного...» – Второе послание к Коринфянам святого апостола Павла 11, 24.

1029 - Цезарий вернулся в Арль весной 506 г. Население отметило это исполнением ритуала *adventus*, который символизировал для общества возвращение согласия после периода конфликта и разногласий (Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 96).

1030 - «И много таких, которые, когда начинают читать, тотчас выходят из храма прочь» (Cesarius Arelatensis. Sermones, CCLXXXI, 1, P. 2276). Агдским собором 506 г., на котором председательствовал Цезарий, было постановлено, что никому нельзя покинуть храм во время мессы, пока священнослужитель не завершит ее своим благословением (Concilium Agathense // Concilia Antiqua Galliæ, T. 1, P. 170).

1031 - Король Аларих II погиб в 507 г. в битве при Вуйе (Григорий Турский. История франков. II, 37 / пер. Д. Савуковой. – М., 1987, С. 56).

1032 - Король остготов Теодорих Великий (470–526) послал войско под командованием Иббы в Галлию, где он осенью 508 г. близ Арля в кровопролитной битве разбил франков и бургундов и снял осаду с Арля, в результате этого вся провинция с г. Арлем отошла под власть короля Теодориха (Иордан. О происхождении и деяниях гетов. с. 302 / пер. Е. Скряинской. – М., 1960. С. 127; Cassiodorus, Variarum, VIII, 10, 6 // MGH AA, T. 12 / ed. T. Mommsen. Berlin, 1894. P. 240).

1033 - Скорее всего, строительные материалы из недостроенного монастыря были использованы бургундами при осаде города (Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 107). Предположительно, он находился на месте средневековой часовни Saint-Cesaire-leVieux (Benoit F. Les cimetieres suburbains d'Arles dans l'Antiquite chretienne et au Moyen Age. Rome. 1935, P. 53).

1034 - Исследователи резонно предполагают, что письмо было сфабриковано сторонниками Цезария (Klingshirn W. Cæsarius of Arles. The Making... P. 108–110).

1035 - Книга пророка Даниила 6, 23.

1036 - Псалтырь 7, 16.

1037 - В пользу такого перевода mensa ecclesiæ см. Klingshirn W. Cæsarius of Arles. Life, Testament, Letters. Liverpool. 1994, P. 25, n. 48.

1038 - «Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в пояса свои» – Евангелие от Матфея 10, 9.

1039 - Вслед за Августином (Поссидий Каламский. Жизнь Августина, 24).

1040 - В. Клингшерн трактует символ «чрево» как купель для крещения. И из этого выводит, что пленные после выкупа обращались Цезарием в христианство (Klingshirn W. Cæsarius of Arles. The Making... P. 116–117).

1041 - То, что Арль выдержал осаду, еще см.: Cassiodorus. Variarum III, 32; Cesarius Arelatensis. Sermones, CCXCVIII, 1. P. 2316.

1042 - Житие Цезарца II, 45

¹⁰⁴³ - «И переходили от народа к народу, из царства к иному племени, никому не позволял обижать их» – Псалтирь 104, 13–14.

¹⁰⁴⁴ - Житие Цезария I, 28.

¹⁰⁴⁵ - Основанный в начале V в. Кассианом, был первым женским монастырем в Галлии.

¹⁰⁴⁶ - Цезарий основал женский монастырь имени святого Иоанна в 512 г. (*Cæsarius. Epistolæ*, 21 // *Sancti Ceasarii Opera Omnia*, T. II / ed. G. Morin. Maredsous. 1942, P. 3–144).

¹⁰⁴⁷ - *Cæsarius. Regula virginum*, 5 // *Sancti Ceasarii Opera Omnia*, T. II / ed. G. Morin. Maredsous. 1942, P. 99–124.

¹⁰⁴⁸ - «С зажженными свечами и убеждением мы ожидаем прихода Господа» – *Ibid.*, 1.

¹⁰⁴⁹ - *Ibid.*, 2.

¹⁰⁵⁰ - На этот раз Цезария обвиняли в продаже недвижимого имущества церкви для покрытия расходов по устройству и поддержанию жизнедеятельности женского монастыря, что было запрещено церковными законами. Цезарий прибыл ко двору Теодориха Великого весной или летом 513 г. (*Klingshirn W. Cæsarius of Arles. The Making...* P. 123–124).

¹⁰⁵¹ - После удачного исхода этого дела Цезарий написал письмо Эннодию, ответ на которое дошел до нашего времени (*Ennodius. Epistulæ*, IX, 33).

¹⁰⁵² - Вслед за Августином (Поссидий Каламский. Жизнь Августина, 22).

¹⁰⁵³ - По этой фразе В. Клингшерн делает вывод, что этот эпизод был составлен по рассказу очевидцев (*Klingshirn W. Cæsarius of Arles. Life...*, P. 28, n. 59).

¹⁰⁵⁴ - Цезарий выкупал пленников, захваченных остготами с территории, контролируемой бургундами, во время войны 508–510 гг. (*Schmidt L. Die Ostergermanen*. Munich. 1941, P. 157).

¹⁰⁵⁵ - Писец Мессиан вместе с аббатом Эгидием в 514 г. вручал папе Симмаху письменное послание для подтверждения привилегий Арльской церкви (*Epistolæ Arelatenses genuinæ* // *MGH Epistolæ*, T. 3 / ed. W. Gundlach. Berlin. 1892, P. 42), также

косвенное упоминание об этом есть в письме Эннодия (Ennodius. Epistulæ, IX, 31).

¹⁰⁵⁶ - Дьякон Хельпиций был врачом Теодориха Великого, упоминания о нем можно найти у Авита, Эннодия, Прокопия Кесарийского, Кассиодора (Helpidius, 1 // PLRE, T. 2, P. 537).

¹⁰⁵⁷ - Папа римский Симмах (498–514 гг). Цезарий прибыл в Рим, скорее всего, ранней осенью 513 г (Klingshirn W. Cæsarius of Arles. The Making... P. 127). Он собирался получить от папы подтверждение интересующих его вопросов, которые изложил в письме (Cæsarius. Epistolæ, 7a), и получил от него не совсем полное удовлетворение своих вопросов (Ibid., 7b).

¹⁰⁵⁸ - Представляет собой узкую ленту из белой овечьей шерсти с вышитыми шестью черными крестами. На концах – обшитые черным шелком кусочки свинца. Право ношения паллиума во время литургии принадлежит папе римскому (за каждой мессой) и особо отличенным им иерархам Церкви (по Великим Праздникам). Паллиум архиепископов символизирует подчинённости папе и их особую близость к Святому Престолу.

¹⁰⁵⁹ - Далматика – просторная длинная туника с длинными и широкими рукавами.

¹⁰⁶⁰ - «...и о законе Его размышляет он день и ночь!» – Псалтырь 1, 2.

¹⁰⁶¹ - «Никогда не проходило ни часа, ни даже момента, когда бы он не занимался молитвой или не предавался чтению» – Sulpicius Severus. Vita Martini, 26 // CSEL, 1 / ed. C. Halm. Vena. 1866, P. 136.

¹⁰⁶² - «Да будут слова уст моих и помышление сердца моего благоугодны пред Тобою, Господи» – Псалтырь 18,15.

¹⁰⁶³ - Подпись епископа Евхерия стоит под решениями всех галльских соборов, созванных в 524–531 гг., но какую кафедру он занимал, неизвестно.

¹⁰⁶⁴ - Мужской монастырь на острове, в котором Цезарий был аббатом (Житие Цезария, 12).

¹⁰⁶⁵ - Parthenius, 3 // PLRE, T. 2, P. 833. Его дед Руриций Лиможский сетовал на то, что вместо учебы Парфений увлекался нетрадиционной сексуальной жизнью (Ruricius.

Epistolæ, VII, 30; Riche P. Education and Culture in the Barbarian West. Columbia. 1976, P. 49).

1066 - Cesarius. *Sermones*, CCXCIX, 4, P. 2318.

1067 - Святого благовествования Иоанна 15, 20.

1068 - Книги пророка Исаии 58, 1

1069 - Аврелий Августин. Исповедь, I, 4/ пер. М. Сергиенко.

М.: Канон , 2005. С. 7

1070 - Книги пророка Исаии 56, 10.

1071 - Cesarius. *Sermones*, CCLXXIX, 6.

1072 - Ibid., CCLXV, 3, 5, P. 2239.

1073 - Послание к Титу святого апостола Павла 2, 14.

1074 - На самом деле соборами был установлен возраст 25 лет (*Concilium Agathense* a. 506,16 // *Concilia Antiqua Galliæ*, T. 1, P. 164–165), *Concilium Arelatense* IV a. 524, 2 (Ibid., P. 208).

1075 - Церковь Святой Марии была освещена во время Арльского собора 524 г. (Ibid., P. 207).

1076 - Одно из самых ранних упоминаний практики захоронения привилегированных христиан в пределах города. Обычной римской традицией было захоронение вне стен города (*extra muros*) (Klingshirn W. Cæsarius of Arles. P. 174).

1077 - Цезария (Старшая) умерла, скорее всего, в 525 г. (Ibid., P. 138).

1078 - Цезария (Младшая) наследовала сестре епископа Цезария и тоже была его родственницей, возможно, племянницей (Ibid.).

1079 - Cæsarius. *Regula virginum*, 18.

1080 - Акты этого собора, собранного Юлианом Вьенским и прошедшего около 528 г., не сохранились.

1081 - С этого момента считается, что текст продолжен или Фирмином, или Вивенцием.

1082 - Святое благовествование Иоанна 15, 5.

1083 - Там же 15, 16.

1084 - Там же 19, 11.

¹⁰⁸⁵ - Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла 15, 10.

¹⁰⁸⁶ - Соборное послание святого апостола Иакова 1, 17.

¹⁰⁸⁷ - Псалтырь 83, 12.

¹⁰⁸⁸ - На соборе в Оранже 529 г. (Concilia Antiqua Galliæ, T. 1. Р. 216–221).

¹⁰⁸⁹ - Римский папа Бонифаций II (530–532) подтвердил символ веры Цезария в послании (*Ibid.*, Р. 223–224).

¹⁰⁹⁰ - А именно, *amicorum sive clientum*. Amici в ряде случаев встречаются в проповедях Цезария, скорее всего, речь идет о двух близких по статусу группах свободных людей, находящихся под чьим-то покровительством (Филиппов И. С. Средиземноморская Франция в раннее Средневековье. Проблема становления феодализма. – М.: «Издательство Скрипторий 2000», 2000, С. 465–466).

¹⁰⁹¹ - Вслед за Августином (Поссидий Каламский. Жизнь Августина, 26).

¹⁰⁹² - Этот пассаж имеется только в одной рукописи.

¹⁰⁹³ - Этот пассаж имеется только в одной рукописи. Cesarius. *Sermones*, X,I.

¹⁰⁹⁴ - Песнь песней Соломона 5, 2.

¹⁰⁹⁵ - Этот пассаж принадлежит Стефану.

¹⁰⁹⁶ - Ночь состояла из пения псалмов и гимнов и чтения (Cæsarius. *Regula virginum*, 68, 69) в различное время в зависимости от времени года.

¹⁰⁹⁷ - Пристальное наблюдение за звездами и криками петуха было основным способом для определения времени для ночных служб (Klingshirn W. Cæsarius of Arles. Life..., Р. 28, п. 95).

¹⁰⁹⁸ - Перевод *lenta voce* согласно *Ibid.* Р. 28, п. 96.

¹⁰⁹⁹ - Житие Цезария 1,45.

¹¹⁰⁰ - Послание к Римлянам святого апостола Павла 14,1.

¹¹⁰¹ - Притчи Соломона 28, 27.

¹¹⁰² - Третья Книга Царств 17, 9–17.

¹¹⁰³ - Король бургундов Гундобад (ум. 516) и его сын Сигизмунд (516– 523).

¹¹⁰⁴ - Liberius, 3 // PLRE, T. 2. P. 677–681. Либерий – один из известнейших и влиятельных людей своего времени. С 508 по 534 г. был префектом вновь созданной Теодорихом Галльской префектуры с центром в Арле. Более подробно о нем см.: O'Donnell). Liberius The Patrician//Traditio Vol. 37. NY. 1981. P. 31–72.

¹¹⁰⁵ - Несмотря на схожее латинское название (Druentia), речь идет не о р. Дюранс.

¹¹⁰⁶ - Луки святое благовествование 8, 44 и Матфея святое благовествование 9, 20.

¹¹⁰⁷ - А именно, tessellus. Это были квадратные куски ткани, которые прикладывали к животу, чтобы согреться.

¹¹⁰⁸ - Второе послание к Фессалоникийцам святого апостола Павла 1, 10.

¹¹⁰⁹ - Иоанна святое благовествование 14,12.

¹¹¹⁰ - Луки святое благовествование 8,45.

¹¹¹¹ - Матфея святое благовествование 8, 13.

¹¹¹² - Вслед за У. Клингшерном (Klingshirn W. Cæsarius of Arles. Life..., P. 52, п. 106–107).

¹¹¹³ - Столь молодые клирики не были чем-то необычным в Галлии, их основной службой были пение и чтение в церкви (Beck H. G. J. The pastoral care of souls in south-east France during the sixth century. Rome. 1950. P. 52–53).

¹¹¹⁴ - Вслед за У. Клингшерном (Klingshirn W. Cæsarius of Aries. Life..., P. 53, п. 110).

¹¹¹⁵ - Место не идентифицировано.

¹¹¹⁶ - Было широко распространено поверье, что демоны заселяют заброшенные строения бань (Bonner C. Demons of the Baths // Studies Presented to F.LI. Griffith. London. 1932. P. 203–208).

¹¹¹⁷ - «Benenatus» переводится как бладородный.

¹¹¹⁸ - Вслед за У. Клингшерном (Klingshirn W. Cæsarius of Aries. Life..., P. 56, п. 115).

¹¹¹⁹ - См. Житие Цезария, II, 22.

¹¹²⁰ - Второе послание к Тимофею святого апостола Павла
4, 2. Cesarius.

¹¹²¹ - Cesarius. Sermones, CCXCIX, 2, P. 2317.

¹¹²² - Книга пророка Амоса 8,11.

¹¹²³ - Книга пророка Исаии 58, 1.

¹¹²⁴ - Вслед за У. Клингшерном (Klingshirn W. Cæsarius of Arles. Life.., P. 59, n. 119).

¹¹²⁵ - Вслед за У. Клингшерном (Klingshirn W. Cæsarius of Arles. Life.., P. 61, n. 122).

¹¹²⁶ - В этом месте автор, по-видимому, попытался изобразить «грубую латынь», на которой в то время разговаривали франки (Riche P. Education and Culture in the Barbarian West: From the Sixth through the Eighth Century. Columbia, 1976. P. 221).

¹¹²⁷ - Хильдеберт I (511–558) – король франков, сын Хлодвига. Арльская провинция в числе других отошла к франкам по договору с королем остготов Витигисом в 537 г. взамен на помощь в войне против Византии.

¹¹²⁸ - Утверждалось католичество и искоренялось арианство.

¹¹²⁹ - Иоанна святое благовествование 8, 56.

¹¹³⁰ - Первая книга Маккавейская 2, 69.

¹¹³¹ - Бытие 25, 8.

¹¹³² - Августин умер 28 августа 430 г.

¹¹³³ - Послание к Филиппийцам святого апостола Павла 3,14.

¹¹³⁴ - Последняя редакция была произведена в 534 г.

¹¹³⁵ - Мученик и один из ранних покровителей Арля.

Праздник в его честьправляли 25 августа.

¹¹³⁶ - Вслед за У. Клингшерном (Klingshirn W. Cæsarius of Arles. Life.., P. 65, n. 138).

¹¹³⁷ - Более поздняя вставка.

¹¹³⁸ - Sidonius Apollinaris. Epistolæ VII, 6.

¹¹³⁹ - Житие Далмация, 1.

¹¹⁴⁰ - Л. Дюшене датирует его написание IX веком (Duchesne L. *Fastes épiscopaux de l'ancienne Gaule*. Т. 2, Р. 40, п. 2).

¹¹⁴¹ - Vita Amantii, 76.

¹¹⁴² - Gregorius Turonensis. *Vitæ patrum*, IV, 1 // MGH SSRM, Т. 1,2 / ed. B. Krusch. Hanover. 1885. Р. 211–294.

¹¹⁴³ - Сходного мнения касательно времени епископства Амантия придерживался и Л. Дюшене (L. Duchesne. *Fastes épiscopaux de l'ancienne Gaule*. Т. 2, Р. 40, п. 2).

¹¹⁴⁴ - Григорий Турский. История франков, II, 36.

¹¹⁴⁵ - Вольфрам X. Готы. С. 350; Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи. С. 146.

¹¹⁴⁶ - Gregorius Turonensis. *Vita patrum*, IV, 1.

¹¹⁴⁷ - Григорий Турский. История франков. V, 46.

¹¹⁴⁸ - Wood I. N. *Gregory of Tours and Clovis// Revue beige de philologie et d'histoire* Vol. 63. Bruxelles. 1985. Р. 256–257.

¹¹⁴⁹ - Хильдеберт I даже осуществил попытку овладеть Овернью (Григорий Турский. История франков. III, 9.)

¹¹⁵⁰ - Там же, III, 2. Так как этому предшествовала некоторая борьба, окончательное назначение Квинциана епископом Клермона произошло около 516 г.

¹¹⁵¹ - Житие Далмация, 2. С. Дилл упоминает о некоем походе Теодориха Великого в Родез и Севенны в 524 г. (Dill S. *Roman Society in Gaul in the Merovingian Age*. NY. 1873. Р. 159), однако нам не удалось найти подтверждение этого в источниках. Сам С. Дилл при этом ссылается на другой труд (Hogkin T. *Italy and Her Invaders*. 6 vols. London. 1880. Vol. 3, P.414), в котором говорится только о расширении территории королевства Теодориха за счет бургундских земель севернее р. Дюранс и ничего – о Родезе и Севеннах.

¹¹⁵² - Житие Далмация, 2.

¹¹⁵³ - Григорий Турский. История франков. V, 46. Он начинал строить церковь, но так как постройка не нравилась, он неоднократно разрушал ее, и поэтому когда он умер, то оставил церковь незавершенной.

¹¹⁵⁴ - Житие Далмация, 3.

¹¹⁵⁵ - Житие Далмация, 5. Этот пример подтверждает мысль о том, что вестготские короли проявляли терпимость к католической церкви, пока ее представители не выступали против самой власти вестготов (Корсунский А. Р. Готская Испания. М.: Издательство Московского университета. 1969. С. 149).

¹¹⁵⁶ - Житие Далмация, 6.

¹¹⁵⁷ - Присутствие на полевых работах см.: Там же, 10. Заступничество Далмация перед судьями и трибуном отражено: Там же 3, 9.

¹¹⁵⁸ - Дюмезиль Б. Королева Брунгильда / пер. М. Ю. Некрасова. СПб: Евразия. 2012. С. 110–111.

¹¹⁵⁹ - Григорий Турский. История франков V, 5.

¹¹⁶⁰ - Дюмезиль Б. Королева Брунгильда. С. 136.

¹¹⁶¹ - Григорий Турский. История франков V, 46.

¹¹⁶² - Дюмезиль Б. Королева Брунгильда. С. 176.

¹¹⁶³ - Там же. С. 190.

¹¹⁶⁴ - Клауде Д. История вестготов. С. 93.; Вольфрам Х., Готы. С. 350.

¹¹⁶⁵ - Прокопий Кесарийский. Война с готами, I (V), 12, 13.

¹¹⁶⁶ - Riche P. Education and Culture in the Barbarian West. Р. 232–233. Д. Клауде ошибочно считал, что с 15 лет (Клауде Д. История вестготов. С. 93).

¹¹⁶⁷ - Высказывалось мнение, что этим тираном в тексте мог выступать Теода, но оно, на наш взгляд, наименее правдоподобно, так как в 524 г. Теода был начальником войск, прежде всего в Испании, и уж тем более не мог занимать «готского трона в Нарбонне».

¹¹⁶⁸ - Прокопий Кесарийский. Война с готами, I (V), 12.

¹¹⁶⁹ - Пфайльшиффтер Г., Теодрих Великий / пер. В. А. Певчева. СПб: Евразия, 2004. С .185–204.

¹¹⁷⁰ - Прокопий Кесарийский. Война с готами, I (V), 13.

¹¹⁷¹ - Житие Далмация, 6.

¹¹⁷² - Vita Dalmatii. Р. 544.

¹¹⁷³ - Житие Далмация, И.

¹¹⁷⁴ - Там же, 8.

¹¹⁷⁵ - Vita Genovefæ virginis Parisiensis, 45 // MGH SSRM, T. 3 / ed. B. Krusch. Berlin. 1896. P. 204–238.

¹¹⁷⁶ - Riche P. Education and Culture in the Barbarian West. P. 219, n. 267.

¹¹⁷⁷ - Ibid. P. 365; Duchesne L. Fastes..., T. 2, P. 40, п. 5.

¹¹⁷⁸ - Скорее всего, здесь идет речь о Теодорихе Великом, который на правах опекунства над своим внуком Амларихом управлял Вестготским королевством и, узурпировав власть в этом королевстве, не расставался с ней до конца своей жизни в 526 г.

¹¹⁷⁹ - Первый епископ г. Родеза, житие которого, приписываемое Венанцию Фортунату, до нас дошло (Vita Amantii // MGH AA, T. 4,2 / ed. B. Krusch. Berlin. 1885. P. 55–64).

¹¹⁸⁰ - Франкский король Теодеберт I (534–548).

¹¹⁸¹ - Собор состоялся в 541 г.

¹¹⁸² - Одно из имен дьявола.

¹¹⁸³ - ... словно легкий ветер и сновиденьям крылатым подобно... – Вергилий, Энеида, II, 794.

¹¹⁸⁴ - Базилика находилась в этой деревне. См.: Григорий Турский, История франков, VII, 10.

¹¹⁸⁵ - Хелидр (*chelydros*) – змея, называемая еще «херсидр» (*chersydros*), так как обитает и в воде, и на суше. (Isidorus Hispalensis. Etymologiarum, L. XII, IV, 24 // Etymologiarum sive Originum libri XX / ed. W. M. Lindsay. 2 vols. Oxford. 1911).

¹¹⁸⁶ - ...Титан... пробуждал... – Вергилий, Энеида, IV, 118.

¹¹⁸⁷ - ... Аврора бросала... – Там же, VI, 535.

¹¹⁸⁸ - В тексте сеи *scopulus Sirtium* (см. Syrtes). Однако, исходя из противопоставления в следующем предложении, более вероятно, что в этом месте речь идет именно о «утесах Сирен».

¹¹⁸⁹ - Далмацию угрожали, что будут чинить ему козни на Луаре.

¹¹⁹⁰ - ...утесы Сирен... – Вергилий, Энеида, V, 864.

¹¹⁹¹ - Совр. Vieille-Brioude.

¹¹⁹² - Sulpicius Severus. Vita Martini, 7.

¹¹⁹³ - Euodius // PLRE., T. 3, P. 462.

¹¹⁹⁴ - Т. е. урожай лежит пока неочищенный, то есть зёрна перемешаны со всем остальным (соломой, половой, плевелами).

¹¹⁹⁵ - ... темных туч... – Вергилий, Энеида, VIII, 622.

¹¹⁹⁶ - ...небосвод (*caelipalatum*)... – Цицерон. О природе богов, II, 18,49// Марк Туллий Цицерон. Философские трактаты / пер. М. И. Рижского. М., «Наука», 1985. Фраза, заимствованная у римского поэта Энния (239–169 гг. до н. э.).

¹¹⁹⁷ - ...руки к светилам воздев, он молвит голосом громким... – Вергилий, Энеида, I, 93, 94.

¹¹⁹⁸ - ...чудо о трех мальчиках, которых царь Вавилона велел сжечь в огне... – Книга пророка Даниила, 3.

¹¹⁹⁹ - Вергилий, Энеида VI, 465.

¹²⁰⁰ - Дата его рождения вычисляется из того, что в тексте сказано, что ему было 30 лет, когда он в 507 г. встретился с Хлодвигом (Там же, 5).

¹²⁰¹ - Там же, 5. Об образовании в то время см. Riche P. Education and Culture in the Barbarian West: From the Sixth through the Eighth Century. 1976. P. 23–39.

¹²⁰² - Там же, 5, 8.

¹²⁰³ - Стоит отметить, что епископ Григорий известен только по этому тексту и его существование тоже ставится под сомнение (Duchesne L.. *Fastes épiscopaux de l'ancienne Gaule*. T. 2, P. 73, n. 2).

¹²⁰⁴ - Об избрании епископом см.: Там же, 4, о встрече с Хлодвигом см.: Там же, 5, 6, 7.

¹²⁰⁵ - Там же, 8.

¹²⁰⁶ - Там же, 9.

¹²⁰⁷ - Там же, 10.

¹²⁰⁸ - *Vita Germerii, Annotata*, Y.

¹²⁰⁹ - Григорий Турский. История франков VII, 27; *Concilia Antiqua Galliæ*. P. 390.

¹²¹⁰ - О походе Теодориха см: Григорий Турский. История франков II, 37, о присоединении Аризита см.: Там же. V, 5; см. выше Глава. V.

¹²¹¹ - Житие Гермерия, 5.

¹²¹² - Там же, 6.

¹²¹³ - Там же, 10.

¹²¹⁴ - Vita Germerii, Annotata, X.

¹²¹⁵ - Наряду с епископом Агда Фроминием (Григорий Турский. История франков, IX, 24) и безымянным монахом (Gregorius Turonensis. Gloria Matyrum, 81 // MGH SSRM, T. 1,2 / ed. B. Krusch. Hanover. 1885. P. 34–111). Более подробно о них см.: Thompson E.A. The Conversion of Visigoths to Catholicism // Nottingham Mediæval Studies. Vol. 4. Nottingham. 1960. P. 18).

¹²¹⁶ - James E. Septimania and its frontier: an archæological approach // Visigothic Spain new approaches: visigothic colloquy held in Dublin. Oxford. 1980, P. 224.

¹²¹⁷ - Житие Гермерия, 3.

¹²¹⁸ - Douais M. Saint Germier // Memoires de la Societe Nationale des Antiquaires de France, Vol. 50. 1889. R 1–134.

¹²¹⁹ - Analecta Bollandiana. T. X. 1891. R 61–63.

¹²²⁰ - Duchesne L. Fastes episcopaux de l'ancienne Gaule. T. I, R 296, n. 5.

¹²²¹ - Житие Гермерия, 10.

¹²²² - Григорий Турский. История франков. IV, 5. Григорий рассказывает о спасении святым Галлом своей паствы от этой эпидемии и упоминает, что она случилась за 8 лет до смерти святого Галла, наступившей в 551 г.

¹²²³ - Григорий Турский. История франков VII, 27, 32.

¹²²⁴ - Житие Гермерия, 4.

¹²²⁵ - Там же, 1.

¹²²⁶ - Хлодвиг I (480–511 гг.) – король франков.

¹²²⁷ - Скорее всего, под морем здесь подразумевается широкая жиронда Гаронны.

¹²²⁸ - Далее по тексту упоминается только Дульцидий и Претиоз.

¹²²⁹ - Выделенный фрагмент, скорее всего, принадлежит руке не первого автора, а более позднего переписчика.

¹²³⁰ - Деяния святых апостолов 20, 35.

¹²³¹ - Книга пророка Даниила 3, 54.

¹²³² - Подризник и саккос. Подризник из тонкой белой материи напоминает священнику, что он должен иметь чистую душу и вести беспорочную жизнь. Саккос епископа и риза священника знаменуют собой багряницу Христа и напоминают о власти.

¹²³³ - Подразумевается частица облатки, которая опускается в вино во время причащения.

¹²³⁴ - После завершения таинства причащения священник должен возгласить благодарение Богу.

¹²³⁵ - Евангелие от Матфея, 23, 12.

¹²³⁶ - Таким образом, признавая себя духовным сыном Гермерия.

¹²³⁷ - Псалтырь 50, 14–16.

¹²³⁸ - Первое соборное послание святого апостола Иоанна Богослова 2, 15.

¹²³⁹ - Иов, 1, 21.

¹²⁴⁰ - Следующие два абзаца не относятся к первоначальному тексту и, скорее всего, были добавлены в XII в.